

1
2023

ART

12+

Журнал «Арт»

Акценты

Несомненным открытием первого номера 2023 года надо полагать подборку стихов-песен Анатолия Панюкова «Формула любви». Сам автор называет свои стихи песнями, поскольку он исполняет их под гитару. Однако формально они близки творчеству сюрреалистов, прежде всего обыгрыванием подсознательных ассоциативных образов, свободным манипулированием китайско-буддийского с сыктывкарским – зачастую вопреки традиционной логике. В отличие от А. Панюкова, стихи Алёны Шомысовой («Важ йӧз туй» – «Путь древних людей») написаны вполне в русле традиционной поэтики. Они – о рождении поэзии, поэтического слова, путь к которому лежит на пути древних, чуди, отсюда – обращение к первообразам сущего, таким как Вода, Земля, Дерево, Рука, Душа и Кровь. Проза первого номера представлена продолжением романа Людмилы Прошак «И посетителя посетила смерть». Сюжет романа охватывает разные исторические эпохи – от времени Стефана Пермского до эпохи Никоновских реформ, повествование свободно движется от Перми к Московскому княжеству и дальше на запад, к Литве и Польше. Героев много, но главным героем всё-таки является письменность, созданная Стефаном Пермским.

В этом году исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося коми поэта и учёного Альберта Ванеева. Об этом событии рассказывает вполне академическая статья Елены Ельцовой «Альберт Егорович Ванеев: жизнь и творчество». Памяти другого юбиляра, 80-летию со дня рождения писателя Евгения Афанасьева посвящён очерк Алексея Попова «Евгений Афанасьевлӧн «вежласяна поводдя». А. Попов делится воспоминаниями о писателе, о том добром, тёплом юморе, который был внутренним состоянием Евгения Афанасьева и который находил выход в его неподражаемых рассказах.

История не знает сослагательного наклонения. И всё же как иногда хочется пофантазировать, что было бы, если бы сюжет истории сложился немного иначе. Известный учёный Игорь Жеребцов предлагает свою версию истории, в которой не было Октябрьской революции. И вот где-то в 1930-е годы государь-император Николай II решает навестить Усть-Сысольскую губернию... Об этой истории читатель может узнать в «Фантазии на историческую тему» Игоря Жеребцова «Что было бы, если бы?...». Следующая публикация Бориса Колегова и Игоря Жеребцова «Сыктывкар сто лет назад» как раз о том, что было сто лет назад на самом деле. Это выдержки из прессы того времени.

В разделе «Арт-факт» две интереснейшие публикации. Прежде всего, это очерк Анжелы Размановой «Место, где затихает ветер», в котором она делится впечатлениями об удорском пленэре. Как всегда, в центре внимания художников оказались не столько замечательные пейзажи, сколько удорские люди как носители смыслов. Благодаря этому проект обрёл философскую плоть, ясно вырисовывающуюся в выставочном проекте «Клюквы». Вторая публикация раздела – очерк Надежды Митюшевой «А. Г. Осипов. Солдат, музыкант, человек», посвящённый 100-летию со дня рождения первого коми композитора. Особый интерес вызывают письма Александра Георгиевича, ясно показывающие, как из простого деревенского паренька постепенно выросла выдающийся композитор, человек высокой культуры.

Журнал в журнале «Ы» порадует читателя переводами на коми. Поэтическая часть представлена стихами Людмилы Суворовой (Киров), Бориса Рыжего (Екатеринбург) и Татьяны Ческидовой (Троицк), обретшими вторую жизнь в переводах мэтра коми поэзии Евгения Козлова. Выступившая в роли переводчика Алёна Шомысова представляет читателю сказку писательницы Зули Стадник из Тобольска «Морӧс кудйын пельсыкай» (Дрозд в сердце), удивительную историю лисёнка Сеньки, спасающего вопреки лисьим традициям маленького дрозда, попавшего в беду.

СОДЕРЖАНИЕ

• Литература СЕГОДНЯ

А. Панюков. Формула любви. <i>Из песенной лирики</i>	4
А. Мишарин. Из вылё из. <i>Роман. Пом</i>	16
А. Шомысова. Важ йёз туй. <i>Кывбуръяс</i>	34
Л. Прошак. И посетителя посетила смерть. <i>Исторический роман</i>	38
Е. Ельцова. Альберт Егорович Ванеев: жизнь и творчество	95
А. Попов. Евгений Афанасьевлөн «вежласяна поводдя»	102

• Истории

И. Жеребцов. Что было бы, если бы?..	111
Б. Колегов, И. Жеребцов. Сыктывкар сто лет назад	123

• Арт-факт

А. Разманова. Место, где затихает ветер	137
Н. Митюшева. А. Г. Осипов. Солдат, музыкант, человек	143
Письма Александра Осипова матери Дарье Яковлевне Осиповой	153
Л. Вовк. Диалоги с «Тупицей»	158

• Ы

«И кодныд кодöс радейтлінныд ті...» <i>Кывбуръяс</i>	178
З. Стадник. Морöс кудйын пельсыскай. <i>Мойд</i>	183
Е. Остапова: «Ме сэк эг на пов Дудаöс ворсны...» <i>Ёрта сёрни</i>	190

t.me/komiart

Делимся с вами
новостями в Telegram

Присоединяйтесь
к увлекательному чтению!

АРТ

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация социально значимых тем
осуществляется при государственной поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Татьяна Логинова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Технический редактор – Роман Пашнин.

Корректор – Алёна Старцева.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер и дата принятия
решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 1 (101) 2023 г.

Дата выхода в свет: 23.03.2023 г.

Руководитель редакции:

Логинова Т. И.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136.
тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»

с электронных носителей заказчика
в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов.

Подписано к печати по графику – 15.03.23.

Фактически – 15.03.23.

Формат: 70x100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,48. Заказ № 23-209.

Адрес типографии: 167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

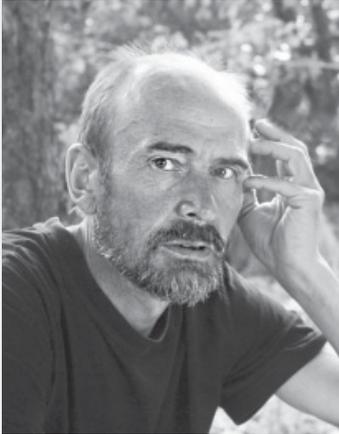
Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.

Материалы, не опубликованные в журнале,
редакция не рецензирует и не возвращает
авторам. Публикуя материал, редакция не
обязательно поддерживает точку зрения
автора.

www.artlad.ru

Литература сегоДНЯ

Анатолий
ПАНЮКОВ

Анатолий Васильевич Панюков. Родился 12 июня 1962 г. в с. Важкурья Корткеросского района Республики Коми. Учился на филологическом факультете Сыктывкарского государственного университета, прошёл аспирантуру в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом), где в 1999 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ, доцент. Имеет более 110 научных публикаций. Литературный путь довольно скромный. Его поэтические произведения печатались в ряде литературных изданий. Опубликовал самиздатовский сборник стихов «Зеркало для дождя». Год назад выпустил песенный альбом «Семь бу-мажных драконов», многие тексты из которого представлены и в этой подборке.

Формула любви

(Из песенной лирики)

От автора:

«Это прежде всего тексты песен, они и живут в моём сознании как песни. Они никак не претендуют на поэзию в высоком смысле слова, то есть автор отделяет их от собственных же «серьёзных» стихотворений, многие из которых также ставших песнями. Песни рождаются и складываются по каким-то другим лекалам, и поэтическое начало здесь вторично к поющему сознанию, не всегда трезво, а может, и всегда нетрезво воспринимающему мир. Потому не судите строго».

Шондібан

Тадз ми кывлім: оліс-выліс
Вичкодорын авъя ныв,
Мамыс кылö: войбыд сьылö,
Сöмын сьöлöмсö оз кыв,

Нывлөн сьöлөм тöдö, вöлөм:
Роч войналы мынтіс дон,
Локтіс гортас сьöлөм ёртыс,
Важкуаса удал зон.

Верöс сайö петіс майын,
Майшасьöмысь эз и пов,
Коркö рыын, коркö райын
Олөм путшкисны кык лов.

Кызди-й овны, пыр кö повны?
Восьт мен, зонмöй, асьыд дой.
Сьöd ар помын, быттö домын,
Мыйла öткөн коллян вой?

– Рöдвуж пайö сюрліс тайö:
Тавой, ыргөн борда кай,
Пуксяс шонді сьöd вөр сайö
Да, он кö чуксав, оз и кай.

Пета паныд шондібанлы:
Югзьöd-гызьöd асьядор!
Быд ног овлö, сёрман овныд,
Сьывны некор абу сёр.

Ва дор эрдын да шонді бердын,
Сывны кужан – уджын яр.
Арлыд быдмө, челядь лыдмө,
Гожом бөрся локтө ар.

Петам паныд шондібанлы:
Югзьод-гызьод асьядор!
Быд ног овлө, сёрман овныд,
Сывны некор абу сёр.

– Дзормис юрси, шydй пусис.
Кывзй, челядь, – шуис ай, –
Сьод вөр сайö шонді пуксис,
Да аски бaтьыдлы оз кай.

Босьтй киад, ныла-пиян,
Пöрысь айлысь сьолөм дой.
Олөм-вылөм лэптй вылө,
Шондібанөн колльй вой.

Шондібанй, шонді-мамй,
Югзьод-гызьод асьядор!
Быд ног овлө, сёрман овныд,
Сывны некор абу сёр.

Кыдзи кывлім, сідз и сьылім,
Содтөд вермас сывны тан:
Быд ар помын Вашка вомын
Век на юргö «Шондібан».

Шондібанй, шонді-мамй,
Югзьод-гызьод асьядор!
Быд ног овлө, сёрман овныд,
Сывны некор абу сёр.

Белый ливень

Я хотел донести твои сны – только ветер остался в руке.
Я чертил на песке твоё имя – но имя досталось реке.
В твоём городе ждали дождя – я пришёл налегке.

В твоём городе ждали дождя и сходили с ума,
Пели песни воды и сурьмой поливали дома,
И, когда я дошёл до ворот, белый город окутала тьма.

Я бродил в этой тьме, но стеной замыкалась стена,
И в таком же бреду ты металась одна у окна.
Чёрный демон накрыл небеса – дождь поднялся со дна.

Белый ливень, она так хотела,
Она так мечтала побродить под дождём.
Белый ливень, искромсай моё тело,
Искромсай мою душу! – Не дай услышать «адьё».

Я хотел донести твои сны – только ветер остался в руке.
Семь бумажных драконов забились в бумажной тоске:
– Отпусти и умри! – Отпущу и умру налегке.

Белый ливень, она так хотела,
Она так мечтала побродить под дождём.
Белый ливень, искромсай моё тело,
Отпусти мою душу, мон Пари, мон амур, оревуар эт адьё.

Формула любви

Женщина с двенадцатью хвостами
Взглядом обозначила черту.
Я стою с двенадцатью хлыстами,
Демон мрака, вставший за мечту.

Миру – мир, сошлись хлысты с хвостами,
Жжёт огнём рассеченная бровь.
Кто угодно будет править нами,
Кто угодно, только не любовь!

Кровь вскипела, плети отсвистели,
Сорок шрамов – сорок дней войны,
На полях изорванной постели
Жутко от звенящей тишины.

Жутко от незаданных вопросов,
И, вправляя жуткие черты,
Я привычно заплетаю в косы
Всё ещё дрожащие хвосты.

Ты к ногтям наклеиваешь стразы
И врачуешь шрамы на брови.
Вот такие взорванные фразы,
Вот такая формула любви.

Вспомните меня

Может быть, ты сумеешь достать мою хитрую смерть,
И нехитрой молитвой сумеешь её убаюкать.
Отпусти тетиву, ты же видишь, стрела хочет спеть,
Серебро её правильных слов почернело от скуки.

А я выйду из дома, не чая вернуться домой,
Спотыкаясь на каждой синкопе, как бард неумелый.
Торопилась стрела вдоль оврагов, присыпанных белым,
Торопился и я, а в авоське – стеклярусный бой.

Где бы силы найти этот скользкий мотив обойти,
Спеть бы гимн кораблю, мол, не сдамся, и тихо отчалить,
Чтобы вспомнили чайки о море и всласть накричались,
А вороньим хватило б разлитого мной ассорти.

Вспомните меня – в списках судного дня
Мне запишут полпинты воды и немного огня.

Так бывает, живёшь – и как будто глядишь в зеркала,
То себя узнаёшь, то сбегаешь из собственных судеб,
Отпусти тетиву, мон амур, ведь любви не убудет,
А я выйду с авоськой опять – и была не была.

Вспомните ж меня – в списках судного дня
Мне допишут полпинты воды и немного огня.

Терпеливая память вбирает мой искренний бред,
А ночами латает прошитые стрелами сети.
И пытается мне объяснить, что меня больше нет,
Что душа моя – свет, просто свет, и поэтому светит.

Да и мысли о смерти – лишь сполохи спящих зеркал,
Безнадёжные всполохи гаснувших воспоминаний.
Я поверить готов даже в смерть, но любовь не обманешь –
Отпусти тетиву, мон амур, и скажи мне: «Пока».

Вспомните меня – в списках судного дня
Мне допишут полпинты воды и немного огня.
И, когда мир накроет тень летящей звезды,
Хватит всем поминальных костров и молчальной воды.

Доброй ночи, страна

Посадить виноград и дожждаться желанных гостей,
Угостить, проводить, и при этом остаться собою.
Мы построили мир без царя в голове, без гвоздей,
И не можем никак дотерпеть до отбоя.

Ночью будет салют, чин по чину – питьё и сухпай,
А потом будут танцы и смычка соседних барачков.
Светлый ангел любви, не смотри на неё, улетай,
Я сегодня, как все, пламенеющий демон из мрака.

Доброй ночи, страна. Доброй ночи, страна.
Я сегодня устал, и меня лучше в ум не берите.
Я добрался до дна, я теперь тишина,
Я теперь твоих снов сногшибательных зритель.

День мелькнёт за окном как немое кино,
Вдоль гранитной стены мудрецов оловянные лица,
Назовёшь – оживут, оживут – просто так не отбиться,
Вот сидим и молчим, и тоску пробавляем вином.

Доброй ночи, страна. Доброй ночи, страна.
Я сегодня устал, и меня больше в ум не берите.
Я добрался до дна, я теперь тишина,
Я теперь твоих снов изумительных зритель.

Кто подскажет, как жить? С кем бы лучше не пить?
Для кого посадить виноградную косточку в землю?
А судьба-паучок всё плетёт и плетёт свою нить,
Да латает нам сны, и пустынным пророкам не внемлет.

С добрым утром, страна, с добрым утром, страна...

Она сходила к причастию

Она сходила к причастию, и бесы вернулись домой.
Я не знаю, как долго её женское счастье продлится.
Вы останетесь с нею, или всё же пойдёте со мной?
– Мы, конечно, с тобой, йо-хо-хо, мы, конечно, с тобой!

И девять суток мы бродим по злачным порталам столицы,
Там и ночью сиянье, но, кажется, им всё равно.
Я беру им коктейли «тобаско» и жгучую пиццу,
А себя пробавляю прозрачным российским вином.

И на девятую ночь угасает бесовский запал,
И все бесовские пляски становятся медленным танго.
Я их сажаю в дорожный мешок и везу на вокзал,
И сажаю в вагон «Сыктывкар – Воркута – Лабытнанги».

Мне было с вами нескучно, но я вам не друг и не брат,
Вы сойдёте за край бытия, и останется в тайне –
Как непросто однажды проснувшись, стать левым и крайним,
Если в только что прерванном сне ты сажал виноград.

Я вернулся домой, а её понесло причаститься,
Мои вещи в коробке, а над ними сантехник «в прокат».
С добрым утром, столица, не хмурься на мятые лица,
Ведь не всем так легко достаётся вчерашний откат.

Я обидел ангела

Да, я видел ангела. Я обидел ангела.
Я забыл, что ангелы не дают огня.
Крылья серебристые, локоны лучистые,
Пролетел он мимо грустного меня.

Я грущу о будущем, я грущу о прожитом,
Мне из настоящего песни не сложить.
Вечность человечнее, согласись, ну что же ты?
Не сердись, я просто не умею жить.

Просто печка топится, души топчут тропочки,
Рвётся и сплетается странных судеб нить.
Пусть строка за строчкою, стопочка за стопочкой,
Не сердись, я просто не умею пить.

В жизни не намучишься – смерти не научишься,
Не пройдя бессонницы, не заметишь дня.
Это было здорово, это было лучшее –
То, что ты однажды осветил меня.

Степная

Я лежу над обрывом и в темень бросаю слова,
Жаль, окатышков мало, и я не дружу с головою,
Только кажется странным: не болит голова,
И монгольская степь подо мной прорастает травю.

Где ж мой конь вороной, где мой верный конёк-горбунок?
Где мои побратимы, с которыми можно напиться?
Нет, никто не зажжёт надо мной огонёк,
И никто не заглянет в пустые глазницы.

Я лежу над обрывом, видно, в этом есть толк,
И когда же меня занесло в толкинисты?
То хохочет в степи степенеющий волк,
То зальются от плача золотые мониста.

Схороните меня, закопайте хотя бы в песок,
В поминальник внесите хотя бы строкой среди прочих,
Я устал от напевов, свистящих в висок,
И не в силах представить полярные ночи.

Я лежу над обрывом и в воду роняю слова,
Каменеют слова, только жаль, что окатышков мало,
Пусто нынче в степи, и пуста голова,
И прошла стороной молчаливая Гала.

Мотылёк

Выйдешь солнцу вослед – встретишь Дальний Восток,
Обернёшься – минувшего не было, не было – нету.
Спит в гитаре моей золотой мотылёк,
Мотыльку восемь лет снится прошлое лето.

Не сыграть и не спеть, и запить не посметь,
То меня охраняли, то я мотылька охраняю,
Сам себя в кандалы, сам себя под конвойную плеть,
Ты прости, я тебя как телесную боль вспоминаю.

Над ромашковой мглой шелестят облака,
И за белое поле садятся ночные туманы...
Не тревожь, не тревожь лунный сон мотылька,
Даже эта судьба может быть осиянна.

По-за краю дорог, по-за краю времён,
За которым уже никогда ничего не случится,
Мы сойдёмся с тобой и, как белые птицы,
Полетим в этот сон, наш единственный сон.

Полетит моя жизнь от ВК до ЗК
В удивительный сон моего мотылька.

Выйдешь солнцу вослед – встретишь Дальний Восток,
Обернёшься – минувшего не было, не было – нету.
Спит в гитаре моей золотой мотылёк,
Мотыльку, как и мне, снится давнее лето.

Вересковый мёд

Мы с тобою близки лишь по линиям правой руки,
А по линиям левой – две жизни всё дальше и дальше.
Я несу васильки, молчаливо лечу от тоски,
И в молчании этом не чувствую фальши.

Я ходил в край села, где живут старики,
Но не помнит никто, кто ты есть и как ты онемела.
Вот нарвал васильков и лечусь от тоски,
И целую твоё безымянное тело.

Не по воле царей, но по воле безумных богов
Льётся алая кровь, и свершаются славные битвы.
Научи меня жить без затасканных слов,
Научи хоть одной молчаливой молитве.

Мне б остаться с тобой, а не рваться вперёд.
Пахнут вереском руки, и пахнет дыхание стужей.
Обманул нас старик, это вовсе не мёд,
Это горечь войны, в мире смертных ненужной.

День шестой

В день шестой он устал. И создал письменна,
Намешал он чернил – не зовите вы все, пишете.
И выводит рука имена, имена,
Забывая родной, на фарси да иврите.

И кому из богов я ночами пишу,
И какие мне ангелы шепчут и вторят?
В этой жизни беспутной едва ли решу,
А в грядущих путёвых – уже не оспорю.

Поутру позовёт, крикнет Родина-мать,
Слов её не понять, только ясно, что плачет и плачет.
Сердце бьётся в груди, мне его не унять, –
Ты стучи, не молчи, не вернёмся иначе.

Мы глядим в небеса: отдохнул ли Господь?
А с небес к нам слетают крестами расшитые птицы.
То зовут нас домой, то клюют, словно плоть,
Камни розовых скал вдоль восточной границы.

Я лежу среди камней, я почти не дышу,
И давно не мечтаю с тобою увидеться снова.
Ты прости, я тебе о любви не пишу,
Я ведь так и не смог отыскать это слово.

Монгольская

Монголы отошли. Остались их сараи,
Осталась до небес истоптанная грязь,
И нас по ней везут, когда мы умираем,
Когда калечимся, когда вступаем в связь
С иными, непокорными мирами,
Не принявшими слова «коновязь».
Но их миры-сады – такие же химеры,
Уставшие от снов кочевничьих миры,
Там на ночь поминают землемеров,
И под порог втыкают топоры
В преддверии неизвестной поры.
Ведь стоит сделать шаг, и сны монгольских странствий
Сомнут наш робкий дух, и мы сойдём с ума,
Блуждая в неевклидовых пространствах
Чужих воспоминаний, там, где тьма,
Где тьма – число, и свет – простая мера

Доступного кочевникам пути.
 Иссяк тот свет. И некуда сойти,
 Ни демонов в потёмках не уверить,
 Ни ангелов без света не найти.
 Монголы отошли. И чтоб нам не оттаять,
 И чтоб нам не унять безумных мыслей бег,
 Но ты живёшь в сарае, и я живу в сарае,
 И короток наш век.

Мир отринутый

Мир стареет как вещь, но едва ли становится проще.
 Разбирая вчерашние сны, не напьёшься воды.
 Ночью думал о смерти, а днём в апельсиновой роще
 Собираю Твои золотые плоды,

Удивляясь вместимости старой терновой корзины,
 Под которой, сгибаясь, бреду, измождённый ходьбой.
 Мне бы только дойти, мне бы только дойти до вершины,
 Там я встречу с Тобой. Там я встану ошую с Тобой.

И Тебе не уйти, и Тебе не уйти от ответа:
 Для чего Ты создал и так просто отринул мой мир?
 И увижу в ответ, как из тьмы возгорается лето,
 И услышу волхвов, призывающих падших на пир.

И на этом пиру будет много восторженных пений,
 Будет много еды и хмельного питья,
 Будет много молитв и святых откровений,
 Но не будет Тебя.

Женщина с коричневым лицом

Женщина с прокуренным лицом
 Продаёт венчальное кольцо.
 Я стесняюсь выйти на крыльцо
 Посмотреть в знакомое лицо.
 Жизнь моя не тянет на роман,
 Жизнь её не тянет на роман,
 У меня семья и дивный план,
 У неё мужа из дивных стран.
 Африканец, турок и киргиз, –
 Сорок семь бетховенских реприз.

А последний мог бы быть раджой,
Если б вспомнил, где его Пенджой.
Женщина с коричневым лицом,
Не ищи утерянных концов,
Отпусти венчальное кольцо,
Пусть оно вернётся под крыльцо...
На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной – кто ты будешь такой?

Что такое любовь?

Не ходи под дождём, никого мы не ждём,
Мы свои бестолковые жизни сидим-вспоминаем.
В прошлой жизни я был стенобитным гвоздём,
В этот раз я хочу достучаться до рая.

В этот раз я хочу хоть немного тепла,
Я хочу помолчать и, по-детски прижавшись, согреться.
Сохнут в дальнем углу два картонных крыла,
Спит в графине для роз моё звонкое сердце.

На вопросы твои я целую солёную бровь.
Что такое любовь, что такое любовь?

Я люблю тебя, жизнь! Я люблю Первомай!
Я заочно люблю Беловежскую пушу!
Не ходи под дождём и меня не пытай,
Не такой долгий срок в этот раз нам отпущен.

Два шальных корабля, ангел спит у руля,
Даже если сорвёмся – сойдёмся на праздничной тризне.
Кто-то должен лететь, или ты, или я,
Кто-то должен отдать своё сердце отчизне.

За вопросы твои, за солёную бровь,
Что такое любовь, что такое любовь?

Кондор эль паса

Не будите меня, если сам не проснусь.
Так бывает, весь сон бередают журавлиные стаи,
Так бывает, весь сон – бесконечная грусть,
И летишь в никуда, и исхода не знаешь.

Так однажды в бреду я летел на восток,
 Два огромных крыла вдруг накрыли ночную границу.
 – Из какого ты сна, одинокая птица?!
 Та, взглянув на меня, ускользнула в поток.

И услышал я крик, крик, в котором свобода и боль,
 Крик, которым снесло все мои бестолковые песни!
 – Подожди, я с тобой, может, ты мой предвестник!
 И скользнул вслед за ней с ре мажора на соль.

Мы летим в облаках и не знаем пока
 Ни эпохи, ни мира, в котором придётся проснуться...
 Но немеет рука, ты прости старика,
 Видно, мне в этот раз всё же надо вернуться.

Не будите меня, если вдруг не проснусь.
 Так бывает, весь сон бередают журавлиные стаи,
 Так бывает, весь сон – бесконечная грусть,
 И ни там, и ни здесь ты ответа не знаешь.

Unchained

Ты ненавидишь тишину и ненавидишь быть одна,
 А я не знаю, как бороться с тишиной.
 Я прихожу в твой мир по дну, но ты вдруг слышишь тишину,
 Она встаёт со дна как тёмная волна.

И ты сбегашь на пиры в иные шумные миры,
 И тишина опять становится стеной,
 Тебе нет дела до судьбы, и две судьбы играют мной,
 Ломая правила поломанной игры.

Игры, в которой роль одна, и та зовётся Тишина,
 Но ты до плача ненавидишь эту роль.
 Я прибираюсь за тобой, в коробки складываю боль
 И понимаю, что ты всё ещё одна.

Но я не знаю, как уйти, не понимаю, как уйти,
 Не понимаю, как расходятся пути.
 Я ненавижу тишину и ненавижу плыть по дну,
 И сорок дней не в силах вымолвить «прости».

Прости, пожалуйста, и в небо отпусти.

Алексей
МИШАРИН

Алексей Васильевич Мишарин чужис
рабочёйлөн семьяын
1949 вося апрель
5 лунё Корткерёс
районса Шойнаты
сиктын. 1969 воын
помалис Сыктывкарса
сельскохозяйственной
техникум. Уджьыс
орёдчывтөг велёдчис
инженер-механик
вылө Ленинградса
Лесотехнической
академияын. Став
олөмыс да уджыс вөлі
йтчөма сикткөд
да видз-му овмөскөд.
Кызь во веськөдліс
видз-му овмөс
предприятиеөн.
Россияса гижысь
котырө пырысь.

Из вылө из

Роман

Заводитчөмыс 2021 вося 3 номерын
Водзё сетам дженьдөдөмөн

Дас кыкөд глава

1

Лариса Матвеевна, бөрө кольөм вояс вылө видзөдтөг, петкөдчис пөрнөй нывбабаөн на. Артмөм чукуръясыс эз на ёна пөрысьмөдны. Гөгрөсіник чужөма да сійөн али мый, но ас-лас арлыд серти томджыкөн чайтсис. Воясыс, дерт, төдчисны жө, көть кызди он дзед. Томмөдчөм ради заводитліс лавкаысь босьтөм кремөн мавтчыны, но регыд мысти, кор аддзис, мый чукуръясыс оз молясьны, энөвтчис. «Томлуныд кө мунөма, этша нин сійөс мавтчөмнад косөдан, – мөвпыштис ас кежысь. – Со краситлөм юрси подулыс дзоньнас еждөма».

Абу дивө: мукөддырйи Лариса Матвеевна нинөм абусьыс дөбильки майшасьліс. Со и өні син бөжнас кыйкнитліс верөсыс вылө:

– Иваныд шуө, няньыс пө налөн выльвосяыс.

Но верөсыс синсө эз лэптив, чөла панясис.

– Чорыд няньсө и катөдасны Ягдорас? – бара шыасис Лариса Матвеевна да юалана видзөдліс верөсыс вылө.

– Но медым, кывлі өд! – буркнитис Андрей Васильевич.

Виль во пасйөм бөрся витөд лунө Андрей Васильевич Игнатов панясис инпөвса пызан сайын. Сійө дышника матыстліс вом дорас паньсө, нылыштліс, но та дырйи эз кыв шыдыслысь көр ни гос. Паньыштигас друг син улас уси юрси.

– Тайө мый?! – стрөга юалис гөтырыслысь.

Көзьяйка сюся видзөдліс да дөзмөмөн вочавидзис:

– Да, тэ тайөс, көнкө, ачыл кыськө крукыштін. Менам юрсийө абу татшөм съөд, руджык, – сійө здук кежлө ланьтыштліс да дөзмөмөн содтис: – Пытькырасян, быттьө барчук семьяысь петін. Көнкө, быдмигад тасьтисьыд не өти юрси аддзылін, а өні өтиөс казялін да ыждадан!

Андрей Васильевич ыкнитис, нинөм шутөг вештыштис ныр увсьыс шыл тасьтисө, ырснитис чай стөкан да петис ыджыд жырйө. Асья шонділөн югөрыс пырөма өшиньөд да гажаа югзьөдөма жырсө. Но тайө сійөс эз нимкодьмөд.

Мыйкө морөс пытшсө ёнтө и ёнтө, абу лөсьыд. Сөмын здук мында на коли пиыслөн да внукыслөн пыралөмсянь. Муртса тьуп-тяп шыдсө паныштісны и бөр зэв зіля мунісны.

– Гөтырсьыс полө, мед оз вид, – ропкыштіс Лариса Матвеевна.

Андрей Васильевич дзоргө өшиньө, а дум вылас быдсяматорйыс усьласьө.

Со нель во сайын босьтчисны кыпөдны Иванлы керка. Вөзйыліс пиыслы водзынджык мусө корны, кор позис на дон босьттөг асавны. Эз окотит: бур, кирпичысь тэчөм керкаын пө ола, кодөс сылы Карбердө лэччигас колис.

– Но өд карсьыс бокрын, сө верстысь ылынджык, – шулывліс Андрей Васильевич, да сідз шуөмыс сынөдас и өшйыліс.

А өти пөрийө пиыс другөн рус-рас вөчис. Став техникасө, трактор-машинасө, мый кольліс сылы, юасьтөг ни висьтасьтөг донтөм-донысь вузавліс. Муртса витсө сюрс шайт чукөрмис. А Карбердсьыс му вузалысьыс корөма квайтсө. Кысь сы мында сьөмсө босьтас?

Тьөщайс мөдөдөма сө сюрс шайт Иван тшөт вылө. Кывліс тайөс Игнатов да ёна и ышлолаліс ас кежысь, пиыслы звөнитіс:

– Торксянныд кө, тьөщайд бөр корас да нөшта прөчентьясөн. А юксьөмөдз кө воанныд, керка джынсө и муыдлысь джын донсө Дарьяыд асалас суд пыр. Мыйла нө нылыслы сьөмсө эз мөдөд?

– Сылөн тшөтыс восьттөм вөлі, – вочавидзис пиыс.

– А дыр-ө тшөтсө восьтны? Дас шайт пукты Сбербанкад тшөтсө восьтігад и ставыс.

– Оз юрөн думайт, вывті эскысь, век на челядь мывкыда, – суйсис сёрниас Лариса Матвеевна.

– Да ланьтөй, асьныд нинөм он гөгөрвоёй, – дөзмис Иван да шлоп пуктіс телепон трубкасө.

– Гөтырыс, чайта, бара командуйтіс, – броткыштіс Лариса Матвеевна.

Ичмоньыс налөн сьөд вөр шөрысь петөм ань. Иванөс техникумас велөдчөм помасигас нин крукыштөма. Вөрысь петөм краляыс ачыс пысасьөма том мортыслы: рушкуасьөма пө. Коркө Иван вайөдіс сійөс төдмасьны, лөсьыд чужөмбана, зэв меліөн аньыд асьсө петкөдліс. Сійөн и бласлөвитісны пинысө. Мед нин гөтрасяс, а то олөмсьыс торксяс дзикөдз, юышталө да. Гөтрасяс да, гашкө, успаньвыв пуксяс.

Бать-мам вөзйисны гижсьыны да свадьбатор вөчыштны, но моньпуыс паныд сувтіс:

– Öні гижсьытөг олөны!

– Гижсьытөг? – заводитліс вензыны Игнатов, но сэсса аддзис гөтырыслысь льөб дорас чунь пуктөмсө, да ланьтіс.

– Мед, окотитө кө, сідз оласны, бласлө кристос, – шуис Лариса Матвеевна.

Лариса Матвеевналы, дерт, ковмис на кольччывны Ягдорө. Пенсия вылын да мый уджалас, тані нин, колхозас кадсө коллялас. Да-й том йөзыслы отсыштны ковмас, регыд пи чужас.

Иван туй дөзьөритан да дзоньталан овмөсын мастеравны кутіс. Век нин кокньыдджык лоө сьөмнас бергөдчыны.

Андрей Васильевич сэки уджаліс нин Карбердса овмөсын. Шойччан лунъясө сөмын гөтыр дорас воывліс. Да-й эз быд пөрийө волөмыс артмыв. Мукөддырйи уджыс паныдавліс. Регыдик волігад он ставсө казаяв. Гөтырыс сэсса, тыдалө, пикө воөма да мыйсюрө висьтыштіс. Вөлөмкө, Иван бара тшөкыда вина сулея дорад заводитөма вошйывны. А Дарья рушкунад некытчө удж вылө эз инась. Сідз, джодж чышкыштөм кежысь и олө, унджык кадсө узьө. Лариса Матвеевна эськө шулывлас жө: эн пө дыр узь, кагатө сьөкыд лоө вайны, но мөдыс воча тшөтьсө, вөлөм, кыпөдлө. Сутшкасьны заводитас, өтчыд-мөдысь олөма морттө нинөм абусьыс пинялас. Лариса Матвеевна терпитіс, быть өд, он жө быд пөрийө зыксьыны кут, но терпенньөыс быри, да өтчыд ставсө висьталіс верөсыслы.

Андрей Васильевич сёрнитіс пиыскөд, и мөдыс көсйысис өвсьыны юөмысь. Көсйис варовытыштны и моньыскөд, суйліс юрсө том гозьялөн жырйө, аддзис узысь Дарьяөс да бөр пөдлаліс өдзөссө. Лэччис Карбердө.

Писө чужтыны Дарья муніс карө. Локтіс да муртса чужөм питө гортсяс быд ногыс лелькуйтісны. Лун-лун вөлі пывсян ломтөны, кагасө пывсьөдөны. Ен сыкөдөн, дзоляыс быдмис лючки.

Но гозъя костын, буракö, эз ставыс лючки вöв. Иван та вöсна код юрнас бузитчис, кабырнас пызанö вачкыліс.

Дарья жö, кор верöсыс коддзыліс, пышйыліс пöдруга дорас. Кага тубрассö босьтас и мунас вöлі. Иван унмовсьöм бöрын сöмын воліс гортас.

Лариса Матвеевна корсюрö тшöктыліс Дарьялы идрасьны, мöс на видзисны да. Челядьнад йöлыд колö. Сиктын олiгөн мый не видзны, оз ков, майбыр, нöбйөн турун ваявны. Верöсыс ставпöлöс техникасö, трактор-машинасö чукöртліс. Гоз-мöд лунөн, бур поводдя дырйи, и пуктылісны турунсö.

Дарьяйд идрасьліс дышиника, броткигтырйи гидö петалис. Сы бöрын мöд луннас Лариса Матвеевна пырас вöлі гидö, а мöскыс оз сибöд, биысь моз полö. Вель дыр лоö «тöлö» шуавны.

Коркö Дарьялөн скöрйивсьыс тöдлытöгыс петіс:

– А ме гидас мöссö этша чужъяла да вачкала тэнад муса пи вöсна!

– Лёктö кывтöм пемöс вылас песан? – Лариса Матвеевна дивитана видзöдліс монь вылас. – Тэнö öд татчö мырдөн эз вайны. Прамöй удж он тöдлы, мый кöть корсюрö идрасян. Рөмпöштан водзын öтарö вом дортö мавтан да гыжтö краситан. А менам пиыс öмöй тэныд абу муса? Мыйла нö либö сы сайö петін?

Та вылö Дарья сöмын бугжыльтчыліс. Сылөн бөръя кадö уна лөг нин чукöрмис энька вылас, зыкö зілис пырны, да сідз, мый дась вöлі парсавны сылысь чужöмсö, лун и вой пестіс ас пытшкас лөглун сы вылö и пиыс вылö. Чайтіс, мый Иванлы мамыс пöтакайтö, сійөн и юö. Коркö весиг дöзмана горöдіс:

– Мыйла нинöм пиыдлы он шу, он öлөд юёмсьыс!

– Ме тшöкта юнысö али мый? – чуймис энькаыс. – Гашкö, ас вылад колö видзöдлыны? Быттö абу том гозъя кодъöсь. Мужикыд локтö удж вылысь, а тэ мышкөн бергöдчан.

Öтчыд Лариса Матвеевна лукйысис шкапын, корсис лёкиник дöра, кодi нинöм вылö, гöшкөвик кыңдзи, оз шогмы. Син улас уси внукуслөн важмöм рузумыс. Босьтіс рузумтö да пачводзö гöшкөвик* пыдди öшöдіс. Аддзис тайöс Дарья да вувзьысис:

– Тэ мыйла рузумсö гöшкөвик пыдди öшöдін?! Весиг лякöсьтöмыд нин!

– Рузумыс прöстö куйлö, важмöма, со нёйдны видзöдчö, а гöшкөвикыс öд колö жö, – кызд вермис лабутнöя вочавидзис Лариса Матвеевна.

– Нёйдны видзöдчö! – Дарья нерыштіс энькасö да скöрысь горöдіс: – Мун лэччы карад, тэ тані сöмын миянлысь олöмнымöс дзуган!

– Аслам керкаысь лэчча? Он кö төр, ачыл мун! Аддзöма мыйысь пинясьны. Аски виль рузум ньöба, ог öтиöс, а кыкöс.

– Он кö усйысь, ме ачым муна! – крапкис моньыс да öдзöссö клопкөмөн пырис пыдi жырйö.

Мöд луннас Лариса Матвеевна локтіс удж вылысь, киняулас рузум тубрас топöдöма.

– Со вайи виль рузум, – керкаö пыригмоз тшöтш ошйысис сійö.

Но вочакыв эз ло. Дарья эновтöма керкасö игнавтөг да весиг гöлик тас öдзöсас абу пуктöма, кызди вежджык вöчлісны сиктса олысьяс, кор регыдик кежлö кытчöкö петалисны. Суседыс висьталіс: таксийн пö муніс. Кагасö да паськөмсö босьтöма и лэччöма карö, а сэсянь поездөн – мамыс дорö.

– Көнкö туис пыдöсас олöны, да нöшта и вышитчö, – ас кежас ропкыштіс Лариса Матвеевна. – Мыйысь и скöравнысö? Дзик нинöмысь. Иван со коймöд вежон нин вомас эз босьты. Öні, дерт, бара юас. Но и олöм налөн! И колö жö вöлі гөтрасьнысö. Рушкуасьöма пö, колөкө, кодлөн кагаыс?! Кык зонкөд пö ветлö вöлі да. Йöйталім, бöрынджык, гашкö, бурджык ныв сюри. А видзöдласыс, видзöдласыс Дарьялөн кутшöм?! Ёсь, тшукысь еретнича рöдысь!

Лариса Матвеевна вежсис, пасьталіс идрасян паськөмсö да петіс гидö. Идрасигас водзö аскöдыс сёрнитіс, некыз эз вермы лөньюдчыны:

– Колö öд вöлі Андрейлысь кывзыны. Эг кö примит, гашкö, öні мöд олөм олім. Кысь бара

* Гöшкөвик (диал.) – важ, лёкиник дöра.

татшөмъясыс лооны? Мамыс мыжа, сійө, тыдалө, дзумйөдлө. Ассыс верөссө оз жө пыдди пукты. Ачыс быд гожөм лунвылын шойччө, а верөсыс гортас мөслы турун пуктө. Сідз жө көсийө и нылыс овны. Оз ло сы ног, пока ме тані!

Нывбаба идрасис, тэрмасьөмөн лөсьөдіс ужын.

Ужнайтісны мама-пиа чөла. Некоднанныс сёрни эз панны. Тасьті-пань мыськигөн сөмын Лариса Матвеевна юалис:

– Мый кутан вөчны?

– Ог төд, – пинь пырыс сөдзтөдіс пиыс да петіс ывлаө куритчыны.

Тадзи коли вежон дай мөд вылө вуджис.

– Мый нө тайө, дзикөдз муніс али мый? – кутіс юасьны мамыс, ёнджыкасө пиыс вөсна майшасис да.

– Деньга корө туй вылас, а менам абу, пөлучкаыс эз на вөв.

– Ме сета, мед нин локтас да, гашкө, успаньвыв пуксяс. – Лариса Матвеевна пыраліс шкаф жырийө да мыччис пиыслы сьөм. – На, ачюд мөдөд.

– Аски пырта пошта вылө.

Сьөмсө мөдөдөм бөрын, коркө вежон мысти, буретш шойччан лунө, кага моздора монь мыччысис дзирья өдзөсөд. Пырис, пөрччысис, тубрассө разыліс да кагасө косөдіс. Иван заводитіс пывсянө ва лэччөдлыны да пывсян ломтыны.

Лариса Матвеевна өні ветлөдліс шыч ни рач, моньлы паныд эз шуась. Мыйкө кө көсийис висьтавны, шыасьліс мелі гөлөсөн, моньсө нылукөн ыдждөдліс. Мөдыс «матушкаөн» вочаасьліс. Кывьясыс кыкнансяныыс петлісны вомсө прамөя восьтытөг. Кыкнанныс шуалисны мелі кывьяс, но та дырйи гөлөсьясныс скөрысла вөлі дзөрзылөны. Корсюрө Дарья, оз-оз да, мөдлас крайтчыны. Кага паськөмсө өтарө шыбитлас, сэссия мөдарө. Энькаыс тшөтш заводитлас этшсьыс петны, но кутчысьө. «Ме мывкыдаджык сыысь», – думыштас да татшөм здукьясө Лариса Матвеевна зумыштчылө, пиньсө мурч курччөмөн петлө ывлаө либө мөд жырийө саймовтчылө.

Коли воысь унджык нин. Денис внукыс котравны кутіс, мам-бать шуалис, да «баб» кывсө өдйө велалис. Лариса Матвеевна быд пөрийө, кор киас босьтліс внуксө, сюся видзөдіс чужөмас. «Некутшөма оз мун Иван вылө, – ас кежысь доньяліс сійө. – Нырыс чангыля, пельыс ичөтик, гөгрөс, абу миян. А синмыс! Синмыс турунвиж нисьө лөз, а өд кыкнанныслөн муговсьөд рөма. Вом дорьясыс абу жө миян. Прөста өмөй сьөлөмөй висьө?»

Тадзи думайтіс Лариса Матвеевна, но гораа шуны эз лысьтлы. Өтчюд сөмын верөсыслы, кор шойччан лунө воис карсянь, водігас пеляс шөпкөдіс.

– Сөран, нинөм абусө эн думайт, – вомалис мөдыс да бергөдчис мышкөн. – Мудзи, унмөй локтө.

Лариса Матвеевна дөзмискодь. «Оз верит. Төдөмысь, ме на правөн коля!» – думнас венласис верөсыскөд, очсыштіс да тшөтш жө мышкөн бергөдчис.

Коли нөшта во. Лариса Матвеевнаны глабухыс пыр тшөкыдджыка кутіс гаравны: колө пө том йөзлы местатө сетны, со пө кымын бухгалтер сиктын уджтөмалөны, а тэ пенсия босьтан.

Өтчюд, мыйкө эз сы ног ло да, бөрдтөдз пиняліс. Лариса Матвеевна нырсө кыскалігмоз пырысь-пыр гижис удж вылысь мунөм кузя шыөдчөм. Эз мөд терпитны ыджыдыслысь сы вылө зыртчөмсө. Лун-мөд мысти нин лэччис карө, верөс дорас. Мунігас моньсө велөдіс на, кызди мөссө идравны да понсө мед оз тшыгйөд.

Коли вежон куим. Звөнитіс моньлы, кызди пемөсьяс олөны. Оз-ө пө ков воыны, мөскыс тыра коли да.

– Лок, – кыліс трубкаын. – Ме гортө көсья ветлыны.

– Тэ жө регыд на ветлін, а өні төв шөрын мунан? Туйыд кузь и вель дона сувтө. Мый нө, век на нөнясян?

– Нөняся, – кыліс эльтчана гөлөс, сэссия чорыда нин: – Пыр кута ветлыны! Дас кага кө лоө, джынсө татчө коля, мөд джынсө аскөд босьта! Локтан кө, лок, он кө, пиыд өтнас олас! – и пуктіс телепон трубкасө.

«Мыйла бара мунө? А гашкө...» – Лариса Матвеевналөн югнитіс грекуйтана мөвп.

Мөд луннас жө сійө ыджыд сумкаон локтіс автобус вокзалө. Сумкаыс вель сьөкыд, ньобалис сёянторъяс. Иванлөн өд, төдөмысь, нинөм абу.

Ягдор сиктө сэки ветліс автобусон ас вылө уджалысь морт. Удайтчөма нырччыны тайө уджас, да бура артмө. Абу дивө, ветлысь-мунысьыд век тырмө. То бурдөдчанінө, то мыйкө ньобны, гөститны. Верман өмөй ставсө лыддьөдлыны, мый могысь мортыс туйө петө?

Лариса Матвеевна пуксис автобус өдзөс дорас. Көсийс пыдөджык, но том йөз удитісны йөткасьөмөн водзджык пырны да сатшкысьны. Олөма мортлы коли өдзөсдорса пуклөсыс. Көдзыдджык эськө, медясө, кор өдзөссө восьтлөны петысь-пырысьяслы, но нинөм он вөч, быть терпит. Бур, мый пимиасис да нутрия пасьсө пасьталіс. «Ягдорөдзыс кызкө воа нин, – асьсө такөдіс сійө. – Том йөзыд өні олөмаясыдлы оз сетны пуксян местатө. Тыдалө, асьныс оз чайтны пөрысьмыны».

Автобус сувтланіныс вөлі сикт шөрас. Сэсянь Лариса Матвеевнаны вель ылын кашкыны-кыссьыны. Да-й колхоз кантораыс сәні жө. Эз вөв окота паныдасыны сэтчөс уджалысьяскөд, медясө главбухыскөд. Лөгыс петіс, тыдалө, кувтөдзыс сылөн зыртчөмыс оз вун. Дзик сы понда лои удж вывсьыс мунны да. Мед не аддзысьны накөд, шоперсө корис сувтлыны гортас пыран туйвежө. Лариса Матвеевна пыр на важ оланінсө ас керкаон лыддис. Көть эськө керка кузяыс кабалаяссө важөн пи вылас вөчисны, да и моньыс нин өдзөс вылө индыліс.

Карса патераын овны эз на велав. Сиктса мортыдлы карад, вөлөмкө, зэв сьөкыд лөсьөдчыны. Та понда и кокниа петіс туйө. Быттьө йөз дорысь мунө. Весиг лов вылас кокныдджык лои, кор аддзис төдса кильчөсө. Ставыс на важся кодыс: кильчө дорын ва юкмөс, пес лэбув, чепня, пывсян. Сөмын карта саяс понйыс чомсьыс эз пет да бөжсө легөдіг эз увтышт, но тайөс Лариса Матвеевна өні эз казав.

Пыркөдіс пимисө лымсьыс да пырис керкаө. Керкаыс эськө шоныд, но шыд дук оз кыв. Моньыс кагаыскөд эз жө вөв.

Лариса Матвеевна босьтіс телепон трубка да звөнитіс пиыслы удж вылас:

- Ме локті, а гортын некод абу. Дарьяыд көні?
- Сійө регыд на Педөр Миколкөд лэччис. Миколыс жө таксисталө.
- Дона, буди, сувтө таксинад журъялөмыд?
- Эз өд өтнас мун, нельөнөсь.
- Гөгөрвои. А тэ кор воан?
- Вит бөрас.

Лариса Матвеевна пуктіс телепон трубкасө, заводитіс ноксьыны пачводзын. Коліс идрасьны лөсьөдчыны, ужын пуыштны, понйыс дорө петавны. Пока изки моз изіс места вылас, вөчис колана уджъяс, дзөнь час коли.

Нывбаба медводз петкөдіс понлы сёян, но та пөрийө чом дорын вөлі шы ни төв. «Мый нө тайө? – чуймис сійө. – Кытчө Бимыс воши?» Видзөдліс чом пытшкө, а сәні понйыс көкыльтчөма.

– Бим, висьмин али мый? Лок петав.

Воча кыліс никөстөм, тыдовтчис понйыслөн гыр дор.

– Эз-ө нин отравит трасичаыд? – Лариса Матвеевна котөрөн пыраліс гортас, сулеяын вайис дэбыд ва, кысьтіс сійөс пон вомө да шуаліс: – Восөдчыны колө, на нөшта гулькнит.

Здук мысти понсө восөдіс вир сорөн. Лариса Матвеевналөн юрас югнитіс мөвп: эз-ө крыса яд сет? Босьтіс активируйтөм некымын шом таблетка, нырыштіс найөс да ва сорөн юктөдіс понсө. Бара пыраліс гортас, дзебасысь перйис водка сулеяын сулөдөм бурдөдчан турунъяс (нарошнө лөсьөдліс скөтөс отравитчөмысь мездөм вылө), кысьтыштіс ичөтик дозийө да сораснас юктөдіс понсө. Та бөрын звөнитліс сиктса ветпунктө, корис уколасьысьөс.

Понкөд бабитчөм бөрын Лариса Матвеевна мыссис, пасьталіс гидө ветлан паськөм да петіс мөс идравны. Синмас пыр жө шыбитчис став нелючкиыс. Со куйөдыс чукөрмөма, и сюранныс сы вылын куйлөма, брөд ва бокуыс. Лясниыс куш, сарай тыр турун, а этша зэв бырөма. Сюрань төдіс асьыс көзяйкасө да ымзыны-норасыны кутіс.

Лариса Матвеевна весаліс гидсө, чышкаліс мөссө кос турунөн. Аддзис сюраннылысь шөрөн визувтысь синвасө да аслас тшөтш тюрөбтіс-петіс. Сідз синва сорөн и идраліс, юкталіс да сөөдіс

бөрйөм, чөскыдджык турунөн. А лысьтөмыс эштіс, да кутыштліс мөссө голяөдыс.

– Вердысьөй, коньөрөй, – лыддьөдліс Лариса Матвеевна. – Эг өд ас көсйөм серти тэнө эновт. Быть лои мунны, пыр дум вылын, но мый вөчан? Гашкө, мися, ладмас налөн оломыс.

Кутліс, малаліс кывтөм пемөссө. Кывзіс мөскыслысь небыдика ымөстлөмсө. Лөсьөдыштіс лясниын турунсө. Бөрйөмөн, чөскыдджыкнас талун сөөдчис: мед регыдик көть бур дөзьөр улын олыштас.

– Вола на тэнө бабитны, – көсйысис сюраньлы.

Сысьяліс лысьтөм йөвсө да бара пон дорө петіс. Аддзө, мый понйыс неуна ловзыштны кутөма. Лариса Матвеевна ас вөчөм лекарствонас нөшта өтчид сійөс юктөдіс. Бөрынджык, уколасисны да, выльөн пуөм шыдсө көдзөдіс да мыськөм дозйө кисьтіс. Этшаник лакыштіс понйыс. Лариса Матвеевналөн лов вылас личмуні. Бимыс справитчас, бара кутас увтыштавны, керкасө видзны.

Рытнас, ужнайтөм бөрын, Лариса Матвеевна асьыс ноксьөмсө пиыслы кутіс висьтавлыны.

Иван кывзіс чөла. Мамыслы тайө чушис. Мыйкө кө воча шуис, сьөлөм вылас кокныдджык эськө лои, а со вомас быттьө ва босьтөма.

– Вай көть мыйкө шу! – эз вермы кутчысьны мамыс.

– Мый шуа? Бөръя кадас ачим нин мөссө идралі, а понйыс сылы мешайтчө: увтө пө, да кагаыс оз унмовсь. Коркө петөма вөлі да карнанөн нөйтө. Аддзи да мырдди, садь вөлі, юышті кө, асьсө карнаналі.

Иван висьталіс тайөс яндысигмоз, көнкө, думайтіс: пөрнөй мужик пө норасьө мамыслы. Гөтырсө нимнас весиг эз шу.

– Кинад эн вөрөд, – повзис Лариса Матвеевна. – Судитас. И колө жө татшөм баба шөрө веськавны. Вот трасичаыд! Понсө, тыдалө, талун мунтөдзыс отравитны мөдлөма. Водз лои казялөмыс, да эз кув.

Коли лун дас. Моньыс, тыдалө, бөр локны оз и думайт. Энька горт оло, ноксьө пачводзын, керка гөгөрын. Уджыд тай ас керкаад сюрө, но такөд тшөтш пыр тшөкыдджыка усьліс дум вылас верөсыс. «Кызди сэні карас оло? Уджыс өд абу вежалана, омөлик, джынвийө киссьөм овмөсөн веськөдлө. Остатки дзоньвидзалунсө сэні воштас. Öні эськө өтлаын нывкөд олоны, но Тася оз радейт пусьыны-пөжасьны. Та понда өдвакө бура сөйөны-юөны».

А нылыс, Тасяыс, кутшөм?! Абу нин том, комын арысь петіс, а век на «принчөс» виччысьө.

Коркө пөдругаыс заводитліс төдмөдны зонкөд. Көсйысяс өд аддзөдчывны, дасөд судтасянь өшиньөд кыйөдас, коді пөдругаыскөд моски кузя локтө. Аддзас дзоляник тушаа, унтыа детинатө, да өдзөссө оз осьт. Бөрынджык висьтасис: кута пө кутшөмкө унтыа деревенщинакөд лөтйысьны. Та бөрти пөдругаыс бура дыр эз шыасьлы.

«Кыкөн и эмөсь, ныла-пия. Кыкнанныс институтын велөдчисны, а оломсө бура тэчны эз сяммыны. Ми али мый мыжаөсь? А гашкө, асьныс татшөмөн чужисны? Öтиыслөн, зон улысь, небыдик өбичаыс, мясянь, тыдалө, вуджөма. Мөдыслы, мөдарө, небыдджыкөн эськө колө лоны, этшаджык бөрйысьны, но сюрис кузь. Öтиөс да мөдөс люкавны видзөдө. Ок, ок, ок, кутшөм грекыс Енмыс миянөс мыждө?» – ас кежас майшасис Лариса Матвеевна.

2

Иван бөръя во велөдчис инженерө. Локтіс Сыктывкарө экзаменьяс сдайтавны. Öтчид мамыс сөрни паніс. Карө коймөд паса бурдөдчанінө локтөма бурдөдчысь, вина юөмысь веськөдө.

– Ветлам, Иван, сьөмсө асьным мынтам, кокныдджык овнытө лоө, – заводитіс нуөдны мамыс.

Пиыс оз вөлі водзын татшөм сөрнисө кывзы, а öні пукаліс пызан сайын, зумыштчыліс, мыйкө мөвпаліс, сэссия өвтыштіс кинас:

– Мый лоас ло, ветла.

– Ставыс лючки лоё, – мамыс бергөдчыліс ен ув пельёслань, гусьон пернапас чөвтіс.

Мама-пиа ветлісны коймөд паса бурдөдчанінө. Еджыд халата мужикыс шуома: зонмыс пө абу на төлкөсө воштөма. Ачыс вермас вина юомысь кутчысьны, но век жө «кодируйтөма» куим во кежлө: кокныдджыка пө мынтөдчас лекторсьыс. Мамыс бөрсө локтігас мөвпаліс: «Слабог, бурдөдчис. Мед эськө оз жө ышмы сэсса. Со кызд стращайтіс бурдөдчысьыс: верман пө ловтө сьолыштны. Мед сөмын гөтырыс выльысь оз йөткышт тайө рыас-а».

Иван сдайтіс бөръя госэкзаменъяс, коли дорйыны диплом. Дерт, эз «пятьяс» вылө сдайтав, но «четыре» да «тройкаыд» лоис. Кор ставыс помасис, матыстчис мамыс дорө да шуис:

– Ме юрсиктө талун ветла.

– Дыр кежлө?

– Аски асыв локта, дипломъяс кутасны сетапны.

– Мыйла нө юрсиктас?

– Сідз, колө, – сьодас вочавидзис мамыслы да корис чышкөд.

Иван пыраліс душө, мыссис, пасьталіс выль трусик-майка, дөрөмсө выльөс кышаліс да нөшта на душитчис чөскыд дука одеколонөн, сэсса и муніс.

Мамыслөн сьолөмыс ёкнитіс. «Эз-ө нин сійө ныв дорө мун? Тадз баситчис да, тшукысь ныв дорө. Лёка вөчө, оз позь гөтыра мортлы».

Рытнас верөсыслы шөпкөдіс, мед Тася оз кыв, но мөдыс сөмын зумыштчыліс да кызөктыштіс:

– Мхы.

Лариса Матвеевна ышловзис да водзө сёрнисө эз нуөд.

Мөд луннас Иван кайис Ягдорө. Корсюрө звөнитывліс: олам пө лючкиа. Мамлы сійө и колө. Ставыс кө тыр-бур да зык-шумтөг мунө, сэк и сьолөм вылас долыдджык. Зільджыка сэки кикөкыд вөрө. Көть и карын оліс, пыр мыйкө да мыйкө вөчыштіс. Дөмсьыны, чышкыны-мыськасьны да уна мукөд удж на лои бергөдны. Со шпалертө каньыс парсалөма, выльысь лои клеитчыны.

Верөсыс кань парсасьөмысь дөзмылө:

– Вайин кө татчө, ачыд и ноксьы. Кутшөм шыр дасөд судтаө овмөдчас? Каньыдлы сиктад сө бурджык, асмогасьны ывлаас матынджык петавнытө и.

Лариса Матвеевна верөссө пыр и паныдалас вөлі:

– Мамлөн каньыс коли, да кытчө вошта? Мед олас, төр кызкө.

Верөсыс ланьтліс. Тьөща-покончаыскөд оз вөлі лөсявны, но өні пыр и небзьөдчыліс. Збыльысь өд, кытчө нө воштан каньсө? Он өд джагөд, пөрысь, мый олас, мед олө, төрасны.

Ставыс нин успаньыв пуксьыліс, но өтчыд лөньлунсө торкис Иванлөн звөнокыс.

– Меным директор вөзйис вуджны юрсиктө, шөр инженерө. Важыс муніс районса юрнуөдыслөн медводдза вежысьө, – висьталіс сійө.

– Мыйла муніс? – чуймискодь батыс.

– Тыдалө, бюджетсьыс ыджыдджык сьөм асавны көсйө.

– Таысь жө тюрьма!

– Öдвакө, со кымынөн гусясьөны да гортас бура на и жыруйтөны.

– А тэнад артмас выль удж вылас?

– Артмас эськө, но мунысьыс ас мортөс, Косьта Димаөс вөзйө. Сійө өти лун весиг производство вылын эз уджавлы. Компьютер сайын вөлі пукалө. Абу бур морт, но төдө, кор да кыті нюлыштны.

– Сідзкө, сьөкыд лоө веськавны выль удж вылад, – ышловзис батыс, коді татшөм делөясас пуд сов нин сөйис да төдіс став ворсөмсө ыджыд и ичөт чинаяслысь.

– Видзөдлам, мый артмас. Ме директорлы көсйыси. Сяммас оз асьыс вөлясө петкөдлыны, ог төд.

Но директорлы паньид мунысьяс эз узьны. Косьта Дима зэв окотитіс лоны районса овмөсын шөр инженерөн. Аддзис ас коддьөмсө да воддза шөр инженерлөн велөдөм серти заводитіс чукөртны кырымпасьяс. Мед пуктасны Димаөс, а оз Иванөс. Иван йылысь кабаалаас гижисны: карьерист пө сійө, мед пө пукалө Ягдорас, мастер чыныс сылы тырмас, велөдчигас пө

контрольнөй уджъяссө йөзлысь гижавліс, сідзкө, төдөмлуныс этша. Весиг Иванлөн гуся нылыс, код дорө вошйыліс, кырмалөма кабаласө. Нылыс уджаліс районса овмөсас секретарөн.

– А тэ мыйла кырымасын? – аддзысигөн юалис Иван.

– Ме төда, мый тэ Көсьта Димасыс сюсьджык. Төлка морт, йөзкөд кужан уджавны. Но ме көсья на ловйөн кольны да уджавны аслам местаын. Регыд на воліс гөтырыд, Дарьяыд. Став йөз водзас янөдіс, пинясис да грөзитчис. Кор пө юө вөлі, сэки эз ков, а өні пө дугдіс да, ковмис, вольпасяд кыскан. Нөшта кө сибөдан, он кут овны, синтө пө перъя, лөзьтө нетшка, кера, висьман да кулан. Кагаыд мамтөг кольө! Мый меным вөчны? Тэ кө татчө локтан, меным ковмас пышйыны. Дарьяыд муніс да, кагаөй дас лун висис. Гашкө, прөстө сідз лөсяліс өти кадө, а гашкө, эз. Коді мый вермас шуны? Колөкө, Дарьяыд збыльысь керны кужө?

Иван эз вевъяв мыйкө паныд вочавидзны. Сөмын ас кежас мөвпыштіс гөтыр йывсьыс: «Больничаө пө колө лэччывны. Со көні вөлөма!»

Иванлөн директорыс эз вермы нинөм вөчны. Карса ыджыд чинаясыс кырымпаса кабала вылө ыстысьөмөн венісны сійөс. Со и лои Көсьта Дима главнөй инженерөн. А регыд мысти директорсө асьсө мөдөдісны пенсия вылө: важ, коммунистическөй видзөдласа пө.

Тайөн, гашкө, и позис став венласьөмсө помавны, но Көсьта Дима вөлі яндысьтөм, полысь мортөн, пыр юасис, оз-ө Иван удж вывсьыс көсьы мунны. Карбердын керка лэптө да Ягдорө пө оз жө кольчы. «Оз, меным татшөмыд оз ков, – ас кежас мөвпаліс Дима. – Бара кө менам места вылө кутас метитны? Öні со йөзыс өти бөрся мөд сы дор мунөны. Нөшта райсөветса депутатөн морттө бөрийсны. Татшөмыд меным колө? Оз!»

3

Коли лун бөрся лун. Шонді бергөдчис тулыслань. Горша амыштіс лымсө да косьтіс видз-му. Кыдзкө виччысьтөг воис турун пуктан кад. Игнатов босьтіс кык вежон отпуск.

– Государева служба, – шмонитіс гөтыр водзас. – Позьө и гожөмнас отпускө петны, а то водзын шойччөгыс төлын сөмын вичмыліс.

Лун кык ноксис, дзоньталіс «Нивасө». Пөрысьмыны жө кутіс: то өтилаті жугалөма, то мөдлаті киссьыны заводитөма.

Өтчыд пыригмозыс ошйысис гөтырыслы:

– Ваня звөнитліс. Турун пуктөм бөрын пө кухня пачсө колө косявны да выльысь тэчны, киссьөма, потласьөма. Неминуча вермас лоны.

– Тэчам, мед төвьясны лючки, – пыр жө өткывъясис Лариса Матвеевна.

– Сідзкө, аски жө туйө петам.

– Ме сайын абу, пыр жө лөсьөдча. Каньөс көрзинаө пукта и дась лоа.

Карсянь Ягдорөдз туйыс чорыд веркөса. Совет власьт дырйи удитісны вөчны. Сэки жө поссө ю вомөн нюжөдісны. Öнія кадө эськө эз артмы. Туй веркөсыс гырысь, кер тыра машинаяс ветлөмысь кытсюрө жугласьөма, но «Ниваыдлы» оз өна мөрччы. Надзөникөн мунігад оз пыркөд.

Лариса Матвеевна машина өшиньөд гоньялө, видзөдө туйбокса пуяс вылө. Сө майбыр, ставныс веж паськөмаөсь. Зэрыштөм бөрын мичмөмаөсь, ловтө кыпөдөны.

Ягдорө воан лунө, рытланьыс, автобусөн локтіс Дарьялөн вокыс, Митрей. Вөлөмкө, чойыс корөма аснаукөн, весиг верөсыслы абу висьталөма. Веськыда кө шуны, унджык кывкөртөдсө гортын Дарья вөчис ачыс. А сійөс, мый Иван корис бать-мамсө, эз ошкы, но миритчис: колө вөлі турун пуктыны да пач тэчны.

Рытнас батя-пия петісны өшинь улө трактор да ытшкан көсилка лөсьөдны, а Лариса Матвеевна инпөлын пражитөм вылө заводитіс картофель весавны. Дарья да Митрей пыді жырийын мыйкө намгөны-сёрнитөны. Друг кыліс шур-шар, и жырьсыс өдзөссө пөддалісны. Лариса Матвеевнаны тайө пыр жө чушис. «Кодысь дзевсисны?» – югнитіс юрас. Сійө пуктіс весасян пуртсө, гусьөн матыстчис өдзөс дорас да пельсө чошкөдөмөн кутіс кывзысьыны.

- Геняйд привет передайтис. Кор пö волас? – кылис Митрейлön гөлөс.
- Кысь аддзылн? – небыдика юалис Дарья.
- Клубысь, öтнас вöли.
- Энлы, – öлөдис воксö Дарья, шытöг чеччис диван вылысь да виччысьтöг осьтис öдзöссö.

Лариса Матвеевна весьтас сулалис да пель йылөдз гөрдөдис, шөйөвошис.

- Кывзысян?! Шпионитан?! – Дарья скöрысь видзөдис энька вылө.

Мöдыслön кывйыс быттьö кынмис, зилис вочавидзны, но сöмын гөгөрвотöм шыяс артмисны.

- О-ог, прöстö узылан жырйö вöли муна, – медбöрын пычиктис жö сибдöм гөлөсөн.

– Мунан кө, мун, сувтöмыд да дөввидзан! – ярскöба шуис Дарья да выльысь клоп пöдлалис öдзöссö.

Лариса Матвеевна бөр чушиктис инпöлө, киас уджыс оз пыр, юрас кывлөмторйыс бергалө, вежöрсö гудрөдлө. «Прöста öмöй сьөлөмöй висьö? Со мый тыдовтчö: кор пö волас. Гашкө, тайö Геняыс и другнас лоö? А Иван кө тöдмалас?» – татшöм думьяс сийöс босьтчисны пöдтыны да лич оз вартны.

А Дарьяыс, кор петис пыдi жырсьыс, сöмын зымъялө-ветлө, небурысь видзөдлө, ёсь синнас Лариса Матвеевнаöс парсалө. Дась мыйкө лёктор шуны, но энькаыс чөв олө да, крукыс оз сюр. «Төдöмысь, кывлис Митрейлысь шуöмсö. Мед сöмын лысьтлас вомсö осьтны! Пель дiнас пыр жö школöбта!» – скöра мөвпалис ань.

Лариса Матвеевна рытивбыд ветлөдлис кельыд чужöма, пытшкөсса дзөрöм босьтис да некыдз оз лэдз. Водигас ырыштчылис верöсыслы кывлөмторсö висьтавны, вosságлис нин вомыс, но кутчысис. «Бара оз кут эскыны, шуас, лөсьöдлан пö». Сидз и коли гусяторйыс ас пытшкас.

Мöд луныс пуксис мича, гажа. Енэжын сера кымöртöрьяс сöмын шывгисны, шондiсö прамöя эз сайöдлыны. Водз асывнас на батя-пия мунисны видз вылө ытшкыны. Татшöм повед-дянад лысва вылас ытшкан, а рытнас көть курт, бергөдлыштан кө нöшта. Небыдик лун тöлыс бура косьтис ытшкөм турунсö.

Куим лунön и ёкмыльтисны турунсö. Витөн уджалисны: Лариса Матвеевна Андрей Васильевичкөд, Иван пийс Дарья монькөд да сылön Митрей вокыс. Иван трактор телегаön новлис турунсö сарайö. А мукöдыс куртисны да лёдзяньыс и сөвтисны телегаö кос көрымсö. Талялөмөн да потшкалөмөн новлисны. А мый не котрөдлыны, виддзыс сиктсъяньыс öти верст ылнаын и эм. Көдзлөм, му выв турун, унджыкыс рудзöг турун. Сьökыд эськө, но некод öд оз мырдöнав...

Сёр рытөдз ковмис новлыны турунсö, сарайö меститны. Дзужа-дзажа кылө, повтöг нин сараяс сюялисны.

- Оз бакшась, чеган кос, – чабыртлис көрымсö Андрей Васильевич.

Пуктысьöм бöрын, мөд луннас жö, заводитисны пач косявны. Пач пытшкыс сотчöма, кирпичыс бура уна киссьöма. Ёна ломтöмсьыс ли, гашкө, керка подув вөрзьöмсьыс пачыс потöма. Медым бура төвйыны, быть колö выльысь тэчны. Лөсьöдны выль подув да бур кирпичысь кыпöдны.

– Шог босьтö, – нюкыртчылис Лариса Матвеевна. – Сымда няйт лоö. Ковмас инпöвса öдзöссö сиптыны, а öшиньсö осьтны. Öшиньöдыс и мыччавны кирпичсö, мед ывлаас сасьыс да важ косьмөм сөйсьыс весавны.

– Сидз и вöчам, – öткывъясис верöсыс. – Иван керка вефт вылас кайлас да пач трубасö косялас. Ме ог нин сэтчö кавшась.

- А Дарья пывсянö ва лэччөдлас, – Иван коран синмөн видзөдлис гөтыр вылас.

Но Дарья нинöм эз шу, сöмын нырсö көрлис да пырис пыдi жырйö.

Батя-пия кутисны мөвпавны, кыдзи косялөм бöрас пачсö бурджыка пуктыны. Шуисны кирпичича стенсö, кытчö пач мышсö тшукөдöма, пач төрмөн косявны. А медым стеныс эз киссьы, пуктыны көрт сvez, йитөд. Тадзи кө вöчан, пач мышсяньыс керкаö пыранiнас тшөтш шоныдыс кутас петны.

Пач пытшкас суйöм вылө Иван водзвыв лөсьöдлөма көртысь тупкыса пöрт, кодi сэсса йитчö

трубаяс отсөгөн шонтан батареясыскөд. Ошлөма найос керкалөн быд өшинь улө.

Дарья кылөма коридорсыд стен косялөмтө, петис аслас жырыысь да пырысь-пыр сёрни-ас суитчис:

– Мыйла косяланнуд? Ог лэдз, став бусыс менам жырийө пырас!

– Колө, и косялам, тэнсыд ог юалөй, – Игнатов өвтыштіс кинас. – Бурджык мун пет да мөстө идрав.

– Ме идрала? Мед гөтырыд петас да идралас.

– А тэ коді? Абу Ивановслөн гөтыр?

– Ме абу гөтыр! – горөдіс Дарья.

– Коді нө тэ, коді? – дөзмис Лариса Матвеевна. – Абу кө гөтыр, коді? Али другыд дум вылад уси? Крайтчан нинөм абусыс! Өдзөсыс өд сиптыса лоө, а пырас кө бусыс, чышкалам!

– Ланьт, выжив! Тэ понда ставыс! – Дарья уськөдчис да зупкыштіс кабырнас Лариса Матвеевнаны мышкас.

Мөдыс эз виччысь вачкөмтө, ойөстіс.

– Тэ мый вөчан?! – горөдіс Андрей Васильевич.

– Ланьт, пөрысь жун, нөшта кө шысян, юр лөманад сетышта, да сэтчө и унмовсян! – Дарьялөн синмыс сувтса, скөрысла асьсө оз вермы кутны.

– Видлы! – моньслөн татшөм кывъясысь Андрей Васильевич гөрдөдіс пель йылөдз. – Видлы!

– Вай өвсы, Дарья, – Лариса Матвеевна нюжөдчис лысьтысян ведрала, но эз удит босьтнысө.

– Ме өвсә?! Усйысь татысь, сэки и өвсә! – Дарьялөн бугылысь көш пасьта, тшатшаритчис энькалы юрсиас да кутіс някравны. Та дырйи сэтшөм мисьтөма ёрчис, шуалис пез кывъяс, кодъясөс пач косялысыас ас олөмас эз на кывлыны.

Андрей Васильевич уськөдчис дорйысьны. Иван тшөтш босьтчис торйөдны нывбабаясө, өлөдіс гөтырсө:

– Дарья, дугды! Ме юигөн татшөм кывъяснас ог вөлі шыблась, а тэ ёрччан, быттьө дас во дзескыдінын пукалөмөд!

Но өлөдөмыс лои весьшөрө, сөмын ыззьөдіс Дарьяөс. Сійө – тупыль кодь, нөшта винөв да вына, кык мужиклы вермө водзсасыны, керка тырөн горзө, быттьө дзыкөдз йөймис. Ичөт детинаыс, Денисыс, бөрдны кутіс. Вокыс Дарьялөн, пыді жырыын узьө вөлі да, садьмөма, тшөтш жө дась тышө суйсыны.

– Мый нө тайө?! Пөрысь морт вылө киөн воны?! На тэныд! – Андрей Васильевич бөрыньтчыліс да, медым мынтөдчыны, чужйис Дарьялы.

Тыдалө, чужйөмсыд моньслөн бокасы доймис. Дарья кутчысис доймөминас да ырзөмөн бөрдигтырйи пырис пыді жырийө. Кутіс көлуй чукөртны да сюявны кыськө другөн лоөм еджыд вөвлөм сакар мешөкъясө, писө мөдіс пасьтөдны. Турки-тарки ветлөдлө, мый ки улас сылы ковтөмыс сюрө, дждж шөрө шыбитө. Вокыс тшөтш жө отсасьө, пасьтасьөма нин ачыс да.

Регыд сэсса моньыс босьтіс өтар киас писө, горзігтырйи мунігмозыс зупкыштіс на чуймөм энькалы кабырнас да горөдіс:

– Тіянлысь Тасятө, көть зарни садөкө пуксьөданныд, некод верөс саяд оз босьт! Зэв тай эськө ассыныд нывтө вылө пуктанныд да! Кевма да, мед висьмас, лысьөмыс косьмас, бугылысь тупкысяс!

Дарья воксө водзвылас лэдзис да гораа клопнитіс өдзөсөн.

Иван да бать-мамыс колины инпөлө. Пуксисны найө, шемөса видзөдісны пач вылө, кодөс колө косявны.

– Тайө нө мый вөлі? – Андрей Васильевич гыжйыштіс балябөжсө.

Но вочакывйыс эз ло. Сөмын Лариса Матвеевна чепөсйис, зырыштіс вачкөминсө, кватитіс пөдөнча да котөрөн петіс гидө, вомгорулас шуис:

– Адөй, мөссө лудад колисны. Он кө ну, лунтыр гидын ковмас упкыны.

Регыд мысти өшинь улөд шавксьөдіс сюраныс, а сэсса нин пөдөнчаа көзьяйкаыс мыччысис. Зыксьөм водзвылас верандалөн пыді жырийө инпөлысь петкөдлісны став өвмөссө. Пызан,

улос, шкапъяс да дозмук. Сэтчө и пырис Лариса Матвеевна, сысьялис выльысь лысьтөм йөвсө. Ичөтика весиг ортсө петис, век на пиньясьомыс да киясьомыс вежорсө гудрөдлө. Забеднө пöрысь мортлы. Бокыс вачкөмсьыс, юрыс някралөмсьыс висьö.

Шензыы көть эн, а пачсө косявны колө. И выльысь босьтчисны уджө, пач косялөмыд абу тшөтки молльон гольскөм. И пöсьыд киссьö. И синмыд, и вомыд саон тырөма. Восьтисны инпөвса өшинь. Улыс курич вылас пукталисны пөвъяс да саось, сөйөсь кирпичсө тувйөдлिसны-лэдзалисны пөв кузя. Андрей Васильевич найос босьталис, тэльөбөн уськөдис ляксьөм кос сөйсө, гылөдыштис сасö да тэчис ут вылө.

А суседыслөн занавес дөраыс отарө вөрзылө и вөрзылө. Кыйөдчө, тыдалө, дивуйтчө: бать-мам пиыскөд пач косялөны, а моньыс равазгытйи мунис гортсьыс пөдруга дорас.

– Дерт, звөнитис гортас, – Лариса Матвеевна шыасис кирпичсө мыччигмоз. – Мамыс локтас, нывнас ачыс рулитö да, тадзи оз коль.

– Мед локтас да видзөдлас, кутшөм сямыс нылыслөн! – скöрысь вочавидзис верөсыс.

– Төдөмысь, ми на мыжаось колям, – шогсьөмпырысь шуис Лариса Матвеевна.

Сөр рытөдз ковмис пачсө косявны да инпөвсө пелькөдны. Лариса Матвеевна энотчылис сөмын сюраньос идрыштны да ужынтөр вөчыштны. Куритчигкостас Иван пывсянө ва лэчкөдис, пачө би чуткис. Съод рынышъяс кодьось лоины да, пывсянтөг некыдз оз артмы.

Иван петис пывсянысь, а паныд Денис тапиктө.

– Мамө тшөктис юавны: пöчыд да пöльыд мунасны оз? – юалис сийө, сэсся дузгөдчыштис да шуис: – Ме көсья тиян дорө локны.

– Мун мамыд дорө, зэв тай матьыс ыджыд да кулакыс чорыд, ськөд ов! – гөтыр вылас скöралөмөн вочавидзис батьыс.

Денис бергөдчис, вомыс вежыньтчис, да бөрдигтырйи петис керка йөрысь.

Иван ырыштчылис косөдны писсө, кутыштны. Жаль быдсөн лои, но чорзьөдчөма да некыдз асьсө тайө здукө эз лэдз небзьыны. Сөмын морөсас мыйкө ёкмуни. Керкаө пыригас думыштис на: «Мам-батьөй кө төдлिसны внуыкыслысь волөмсө, тшукысь кольөдисны».

Сөрөн нин пывсисны да водалисны. Но некод прамөя эз узы, ышлолалисны. Андрей Васильевич чөв олис, кыв ни джын воча эз шу гөтырыслы, кодi казътыштис асья лоөмторсө: тайө нин петкөдлис сылысь сьөлөм шоглы сетчөмсө. Куйлис гатшөн, юр улас киссө суйөмөн, да дзоргис-видзөдис йиркө. Лов вылас шукөб. Думъясыс өшйөмаось өта-мөд вылө, вөтлिसны унсө. Кымынөдысь нин бергөдлис вежорас лоөмторсө. «Гашкө, небыдджыка колө вөли шуны Дарьяыслы, кор сийө заводитис паныд мунны стенсө косялөмысь? Сэки, гашкө, и зыкыс эз ло? Да, эг кутчысь, позис лөньджыка овны. А Дарья кыдзи асьсө петкөдлис?! Этшыс некытчө туйтөм вөлөма».

Асывнас чеччисны водз, идрасисны, нуръясисны да пуксисны кильчөдорса лабич вылө.

– Талун мамыс да батьыс пө локтөны, – недыр чөв олөм бөрын шыасис Иван. – Тöрыт тиян пывсигкостi пөдругаыс волис да висьталис. Кытчөдз пө тi татысь он мунөй, абу көсийөма локны.

– Дарьяыд? – друг артмис мамыслөн.

– Да.

– Ми кө мешайтчам, гашкө, мунны миянлы? – Андрей Васильевич сюся видзөдлис пиыс вылө.

Иван лэдзис юрсө, муртса кывмөн небыдика нурбыльтис:

– Мунөй.

Андрей Васильевич тайос кылис да быттьө виньдылис. Эз сяммы вочавидзны, жугыля видзөдлис вазьом синнас пи вылас да чеччис.

– Лөсьөдчы, – довкнитис юрнас гөтырыслы, ачыс мунис гараж дорө, мед «Нивасө» сэтысь петкөдны.

Чөла сөвтчисны. Лариса Матвеевна кутис каньсө да суйис көрзинаө, пыртис машина кабинаө.

– Но, сэсся бура олөй, – Андрей Васильевич мыччылис киссө пиыслы да пыр жө бергөдчис, мед мөдыс оз казав чепөсийөм синвасө. Сийө яндысис петкөдлыны асьыс другөн лоөм небыдлунсө, но век жө эз удайтчы дзебны татшөм торйөдчөмыслысь курыдлунсө. Иван тайос аддзис да ставсө гөгөрвоис.

Лариса Матвеевна кутыштлис Иванос коскөдыс, көсийс мыйкө шуны, но сөмын нырсө кыскыштлис, пуксис машиналон бөрря пуклөсө.

«Нива» вöляысь петіс мир туй вылө. Игнатов бөрря зеркалө пыр нөшта өтчыд видзөдліс ас-лас керка вылө, коді друг быттьө лои йөзлөн, кильчө бокин сулалысь пи вылас да көть и кутчысис, синва войтыс исковтіс бан бокөдыс. Обиднө ставсьыс: өд асьсө видзтөг, мый вөлі выныс да бурыс, сетіс пиыслы. Быд пөрийө уськөдчыліс отсыштны, а водзөс пыдди со вөтліс. Бара чөвтлис синсө зеркалөө. Дзикөдз дзормыны заводитөма, посныдик чуқыръяс вевттьөмаөсь чужөмсө. Көть эськө ныр-вомыс век на кутшөмакө казтыліс том кадсө. Сэкса авъялунсө воясыс абу на вермөмаөсь дзикөдз бырөдны. Да-й турунвиж рөма синмыслөн видзөдласыс важ моз на ёсь.

Игнатов казавліс пиыслөн олөмысь нелючкисө, но чөв оліс. «Худой мир лучше доброй ссоры», – рочыштлис гөтырыслы, кор сійө заводитліс шуасьны монь вылас. Сөмын татшөм видзчысьөмыс эз отсав, эз. Со вөтлөмөдз воисны. Йөз кө шуисны, кокныдджык сьөлөм вылын вөлі, но өд пиыс тшөктіс мунны!

Эз, эз эськө кокни вөв. Сы пыр мунліс нин йөзыслөн вөтлөмыс. Та дырйи сьөлөмыс сэтшөма жө доймис, мый уна во мысти доймөминыс век на уяліс да ёнтіс.

Дас нельөд глава

1

Андрей Васильевич кутыштлис гөтырсө, көсийс шуны мыйкө ышөданаөс. Висьтавны, мый радейтө сійөс, корсюрө тыр-бармунлөм вылө видзөдтөг. Радейтө ас ногыс, и өні та йылысь сылы быть колө висьтавны, но бурдөдчан керка коридорөд ветлөдлісны висьсысьяс да сюся видзөдісны на вылө, и сійө дзебис асьыс көсийөмсө.

Сійө пыр на яндысьө петкөдлыны йөз водзын бур кылөмсө. Сөмын топөдліс Ларисалысь пөсь кабырсө, чышкыштлис сылысь доршасьысь синвасө да ас кокөн пырис операция вөчан жырийө, пуксис индөм пуклөсө. Йөжгыльтчөмөн кутіс виччысьны, кор катөдасны пызан вылө.

Матыстчис еджыд халата нывбаба. Шкап кудсьыс перйис вөсныдик носки гоз да сэтшөм жө дөраысь колпак, мыччис Андрей Васильевичлы. Игнатов веськодьпырысь пасьталіс сетөмторсө.

Коли минут кызь. Мыччысис Савин, роч морт, онкодиспансерса медшөр бурдөдысь. Аддзис Игнатовөс, юрнас докнитөмөн чолөмасис да нюмьөвтөмөн юалис:

– Дождался?

Кольөмвоя декабр кызь сизимөд лунө Игнатовлы вөчисны колоноскопия. Уска бурдөдчысь сёрнитіс вежавидзтөг. Юасис, кызди лөсьөдчис да ропкис, мыйла гортысь эз нель рузум вай, а сөмын куимөс. Сэсса катөдіс джуджыд пызан вылө. Кор ставыс эштіс, Андрей Васильевич полігтырйи юалис:

– Мыйкө лёкөс аддзинныд?

– Нинөм бурсө висьтавны ог вермы.

– Ковмас операция?

– Да, – шуис бурдөдчысь да содтіс: – Биопсияыс лоө дась сизим лун мысти.

Игнатов төдіс, мый биопсия – сійө сэтшөм анализ, коді петкөдлө лёк пыкөслысь висьөм. Но Андрей Васильевич сідз нин гөгөрвоис, мый сылы көвьясьөма тайө пөжторйыс. Буретш сэтчө, кытысь коркө уна во сайын юрсиктса бурдөдчанінын сылысь вундылісны аппендикс.

Медым водны онкодиспансерө, лои виччысьны төлысьысь дырджык. Сы ыджда чередыс. Ковмис пиыслы, Иванлы, шыөдчывны медшөр бурдөдысь Савин дорө. Иван выльысь бөрийысис да бара лои районса депутатөн. Сылы, депутатлы, кокныдджык вөлі сёрнитчынысө. Та бөрын Савиньд нуөдліс Игнатовөс нельөд судтаө да юкөнса заведующөйыслы тшөктіс гижны журналө:

водны январ комын өтиөд лунө. Но кор урчитөм кадө Игнатов воис гөтырыскөд бурдөдчанинө, висьталисны: местаыс пө абу, корисны выльлунө. Гозья мунисны бөр.

Андрей Васильевич гортас рытывбыд ас кежас майшасис. Волас пачводзө, пыралас ыджыд жырийө. Телевизор чуткылас и бара нин чеччө. Мый керсис лов пытшкас, ставыс төдчис чужөм вылас. Бөрья кадас сямыс лои нөшта на видзчысяна, со помся и майшасьө.

Кызди пондас семьяыс овны, Игнатов кө операция бөрас оз паляв? Вермас өд сэтшөмыс лоны. Со тай, Оксинь Петыр сьөлөмнас водис да эз и чеччыс сэсся, энөвтис таладор югыдсө.

– Лариса, – медбөрын шыасис гөтыр дорас Андрей Васильевич. – Тайө дача керкасө лэптигөн Иваныд ёна отсасис. Мыйкө кө мекөд лоө, коль керкасө сылы. Татшөм менам кывкөртөдөй. Тасялы карса патерасө гижим, а Иванлы вичмис ягдорса керка. Налөн доныс абу өткодь. Иванөс быттьө дьөбө колим. Тэ век Тасяөс дорьян, сылань сынан. Та вөсна и водзвыв шуа, мися, керкасө Иванлы коль, завещанньөсө сы вылө гиж.

– Эн вай сөр, – дөзмөмөн вочавидзис Лариса Матвеевна. – Чурки-буди ачыл на олан. Да-й меным ныв-пиыс кыкнанныс өткодьөсь, кыкнанныс менам сьөлөм бердынөсь. Сөмын эсийө, Дарьяыс...

– Төда и аддза, Лариса, – гөлөссө чорзьөдөмөн торкис гөтырсө Андрей Васильевич. – Ме тайөс висьтала сы понда, мыйла тэ – нывбаба. Ме кыскө лыддьыли: бабаыл пө пестер кодь, мый сөвтан, сийөс и кыскө. А кор ме ог ло, тэнсьыл вежөртө йөзыс кокниа вермасны дзугны. Этша өмөй свет вылас лёк мортыс? Со Дарьясө бара казътыштін. Сы ради он вөч, Иван ради колө вөчны!

– Да мый тэ лоин?! Йөй лои ме али мый? Кута кывзыны лёк йөзөс! Кызд тшөктан, сідз и вөча. Сөмын некызд дум вылысь оз вун, кор Иван Ягдорсьыс тшөктис мунны.

– Но, но, эн казътыв. Кызь во регыл лоө сылы. Ивансө колө жө гөгөрвоны. Гөтрасян да, гөтырыд лоө ма кодь, а мамыд ва кодь. Вунөдін тайөс?

– Эг эськө да, – ышловзис Лариса Матвеевна.

– Да, нөшта өтитор. Ог кө паляв, дзебөй Гөрд Затонса шойнаө. Сэни лыа лякөд, гуасьны кок-ныдджык да-й карсянныс матынджык. Кодкө да кодкө век нин видлыны кежалас.

– Мый тэ кутін сөрны?! – дзикөдз дөзмис Лариса Матвеевна. – Кулөм йылысь дөжналан! Вот босьта да Ягдорө катөда!

– Он лысьт! Катөдан кө, быд вой каститчыны кута! Ог кай! Мусюрас гортсьыс чеччышта!

– Вөча, вөча, кызд тшөктан. Бласлө Кростос, ставыс лючки лоө. Эн водзвыв вөйпсьы. Олам на тэа-меа, олам. Вөльнөй светыс паськыд, – такөдис верөссө Лариса Матвеевна.

Вильлунө Игнатов гозья бара виччысисны, кор бурдөдчанинын прөстмас койкаыс. Сөмын пажын бөрын Андрей Васильевичөс водтөдисны сизимөд паса палатаө.

Мөд луннас босьтисны анализьяс. Сэсся мөдөдлісны УЗИ вылө видзөдлыны гырк пытшкөссө, а коймөд луннас ыстисны компьютернөй томография вылө.

Став корсьысьөмыс висьөмсө петкөдліс, и Игнатов кутис виччысьны операция. Но коли лун, мөд, коймөд, вежон – сийөс быттьө вунөдисны. Томиник хирург, код дорө шыасьліс, сөмын кинас өвтыштис: уджыс пө уна, тэөдз чередыс эз на во.

– А мыйла либө менө тані весьшөрө куйлөданныд? Гашкө, гортө бөр мунны? Век нин бюджетнөй сьөм лоө видзтөма.

– Верманныд ветлыны, – пыр жө лэдзис бурдөдысь.

«Мый нө тайө вөчсьө? – думыштчис Андрей Васильевич. – Кодлыкө локтигмозыс вөчөны операция, а меным виччысьны пө колө. Лёк пыкөсыд оз узы, ассьыс пез уджсө лун и вой вөчө. Бөрас шуасы: сөрөн пө отсөгла шыасин... А гашкө, збыльысь өвтыштны? Мый лоны, мед лоас. Енмыс меным, буракө, сьөкыд висьөмсө ыстис наказанньө пыдди. Став грексьыс, мый олігөн артмис. А найө, кодьяслы локтигмозыс операциясө вөчөны, гректөмөсь али мый?»

Андрей Васильевич вожмаліс өтарө-мөдарө бурдөдчан керка коридөрсө, ышлолаліс. Мый и вөчны? Зіліс уськөдны дум вылас матысса төдсаяссө, кодьяс дорө позьө шыасьны отсөгла, мед тэрмөдлыштасны бурдөдысьясөс. Өтиөс казътыштис, мөдөс, а сэсся друг, быттьө нөшкөн юрас тукнитисны, дум вылас уси Сидоровыс, весиг сутшик босьтліс таысь. «Ме кула, а Сидоров

кольё ловйён татчө, вольной светас?! – чуймис Игнатов. – Тайё лоё ненога!» И сылы аслыс зэв окота лои водзё овны, Сидоровыслы надурнө вылө. Ловйён кольны көсиймыс ыпнитис и эз нин личав, быд воськолын кыліс, быд воськовтөмын ёнмис.

Андрей Васильевич босьтис телепонсө да звөнитис пиыслы. Сійё – Савинлы, но мөдыс нинөм веськыда эз висьтав. Сэки Иван шыасис отсөгла районөн веськөдлысь Гаврилов дорө.

– Батьыд өд тэнад прөстой пенсионер, – веськодьпырысь вочавидзис мөдыс.

– Пенсионер кө, позьё сійёс кедзотны?

Гаврилов воча сөмын лэптыштліс пельпомсө.

– Сідзкө, лоё мамлы висьтавны, мед пыралас республикаён веськөдлысь дорө. Найё өти керкаын олоны. Бать оз вөлі лэдз шыасьны сы дорө: нинөмла пө юралысьлы дөсадитчыны, сылөн пө төждыс и сідз тырмө. А өні, тыдалө, быть лоё шыасьны! – чорыда шуис Иван.

– Да? – Гаврилов синмын тыдовтчис повзьём. – Энлы либө, звөнитла бурдөдысьыслы.

Сійё кыкысь телепон пыр сёрнитис Савинкөд, корис кад нюждөтөг оперируйтны. Өлөдіс, мый оз кө вөчны, норасяс министрлы.

Вөлись лои урчитөма лунсө. Индісны хирургөс, коді кутас вөчны операциясө.

– Анатолий Карманов – бур хирург, – ошкыштіс медшөр бурдөдысь.

Операционной пызан вылын Андрей Васильевичлысь көрталісны кисө да вир сөнас пуктісны катетер, суйисны укол: лөньөдан пө. Локтіс анестезиолог, листаліс висьысьлысь карточкасө да шуис:

– Тэнад кырымпасыд оз тырмы, мый абу паныд операцияысь.

– Вай кырымала.

Бөр разьлісны кисө, и Игнатов, кызд веськаліс, кыклаө кырымаліс. Юр вежөрыс сэки вөлі гудыр нин, да весиг эз видзөдлы, кытчө пасьясис. А сэсся здук мысти казяліс, кызди юрыс кутіс бергөдчыны. Йиркыс пырис ру пытшкө. Удитіс на юавны копыртчыштөм медсестралысь:

– Тайё наркоз?

– Да.

И Андрей Васильевич унмовсис.

Ас садьё воис, кор рөмыд нин вөлі. Гашкө, сылы тайё сідз кажитчис. Бөрас висьталісны: куим часысь дырджык пө хирургыслы лоёма ноксьыны.

– Андрей Васильевич, пальөдчөй, – кыліс кысянькө вылісянь. – Ставыс эштис.

Игнатов мырдөн-сорөн восьтліс синсө. Лолавны вөлі сьөкыд. Кынөмыс ёна доймө. Өтар киас гартөма манжета, медым давленньө бөрся видзөдны, мөдарас катетер пыр вийөдісны ыджыд пакетысь бурдөдчан сорас.

Игнатовөс восөдіс, вежөрыс гудрасис, горшыс зэв ёна косьмис.

– Юны, – шөпкөны чорзьём парьясыс. – Юны.

И сэк жө матыстчө олома нин нывбаба-санитарка да көтөдөм марляён малыштө висьысьлысь льөб дорсө. Игнатов нюлыштө вазьөминсө. Мыйкөдыра кезлө кокньөдлө, лөньыштлө горш косьмөмыс.

Сійё эз вермы уськөдны төд вылө, мый ськөд лои. Мыйла куйлө тани? Ставыс быттьө вөтын бергалө, вежөрыс вошласьө. Дойыс оз личав, чабыртө и чабыртө. Горшыс косьмө, окота көть войт мында ырситны васө. Кор нин пөрысь аныс выльысь матыстчылас сы дорө да небыдика малыштас чорзьём парьяссө көтөдөм марлянас? Кор?

– Юны, – выльысь шөпнитісны парьясыс.

Вөтын моз син водзё өти бөрся мөд воалісны серпасьяс. Локтөны и локтөны. Став воддза оломыс, быттьө кино, ыльөбтіс кутшөмкө пыді пельөсысь.

Андрей Васильевич олом чөжыс думнас корсис шудлун, но та дырйи тшукысьсө эз гөгөрво, кутшөм шуд сылы колө. Сійё, дерт жө, төдіс, мый шудыс быдөнлөн торья, быдөнлөн аслас. Шудсө оз позь босьтны киө, сійёс он вермы исыштны, медым төдмавны дуксө, но не казявны – некыз он вермы. И шудсө, воис кө сылы, сійё быть эськө казяліс. Сылөн оломын вөліны шуда здукьясыс, кор сійё челядь моз радліс, но найё вөліны сэтшөм дженьыдикөсь да өдйө и вунлісны. А сылы коліс ыджыдджыкөс, но кор бөрө коли оломыслөн кызвын юкөныс,

гөгөрвоис, мый шудыс дженъыд и овлө. Шуда кадыс волө сөмын сэк, кор лов вылад личыд, оз ошав сьөкыд изйөн некутшөм дой, некутшөм пессьөм-мучитчөм. А татшөмыс сы олөмын гежөда паныдасьліс.

Игнатов вежөрын ясыда кольөма сьөкыд челядьдырыс: эз вөв прамөй көм ни паськөм. Унджыкысьсө Игнатов новліс ыджыд воксянь кольөм дөмаса гач да дөрөм. Омөлика сөйисны-юисны, да-й ворсанторьясыс ставыс вөліны сөйысь да пуысь, но тайө пөраас и вөлісны шуда здукьясыс. Мам борд улын, коді быд пөрийө уськөдчыліс дорйыны быдтасьяссө, сетліс асьыс шоныдсө да эскөмсө аскиа луныслы. Та вөсна и кольөмаөсь ылі воясыс вежөрас. Найө выльысь и выльысь, вөтын моз, кыскөны сунгысьлыны челядьдыр олөмас. Выльысь петкөдчывны тані, чорыд көрт дорыша кроватьын куйлігөн, кор мортыс өдва поиктө.

Со сійө быттьө бөр лои ичөтик детинкаөн, Öнюшөн, сэтшөмөн жө, кор Марья тьöt көсйис дзижавны. И мамыс кыськө чужис-петкөдчис. Босьтіс сійөс моздорас, оқыштіс бан бокас да небыдика топөдліс морөс бердас. Вөляысь водтөдіс вольпасьө и нинөм оз шу. Довкнитіс юрнас да кутіс пырны ру пытшкө.

Öнюш мый вынсьыс горөдіс:

– Мамө! Мамө, эн коль!

Сійө песовтчис, нюзөдчис да став выннас ырыштчис чеччыны, морөс тырнас апыштны сынөдсө... и паляліс.

– Кажется, кризис миновал, – кыліс роч гөлөс.

Игнатов сьөкыдпырысь восьтіс синсө. Дінас копыртчөмаөсь лөз паськөма хирургьяс.

2

Гоз-мөд вежон мысти бурдөдчанінысь петігөн Андрей Васильевич козьналіс Анатолий Кармановлы, татчөс хирурглы, асьыс небөг. Муртса татчө водөм водзвылын книгаыс петіс типографияысь. Сөрниө воисны.

– Ме чужи карын, – висьталіс том морт. – Менам чужтөдз на висьмас мам, а бөрас, нөшта на сьөктөдас да, кулө. Сэки абу вермөмаөсь бурдөдны. Öні эськө тшукуысь кок йылө сувтөдім.

– А быдмин көні? Гашкө, детдомын?

– Эг. Тані жө, ыджыд мам быдтіс. Сійө висьталіс и мам, и бать йылысь. Быдма да, мися, корся батьөс.

– Аддзин?

– Да, Ягдор совхозысь вөвлөм директор Сидоров Иван Максимович лоө менам батьөн.

– Чө-өв! – Андрей Васильевич татшөм виччысьтөм юөрысь весиг шөйөвошліс. – Сидоров – тэнад бать?! Ну и ну, висьтав водзө!

– Любовь-морковь, и мам кынөмын лои ме. Ыджыд рушкау нин вөлөма, Сидоровыд мырдөн мөдөдас сійөс тулыснас кантораса мукөд уджалыськөд мөдлапөвса видз вылө турунла. Бөрсө локтігөн вөв доддыс берег дорас вөйө. Мам веськалас көдзыд сөніка ва пытшкө да висьмас. Менө чужтас висигас нин, а регыд мысти и мөдарьягыдө мунас. Ыджыд мам, кор быдмышті, тшөктіс Сидоровлысь водзөс босьтны. Ме сідз и көсйи вөчны. Весиг каникул дырйи кайлі Ягдорас, аддзылі Сидоровөс. Сөмын эг матыстчыв. Мися, быдма да тшукуысь ныр-вомсө разя, но верстямми да тайө думьясьсыс өвси. Енмыс мед кывкөртөдсө вөчас...

– Енмыс? И тэ эскан талы?

Карманов лэптыштіс пельпомсө да мыччис кисө. Сійө тэрмасис, коліс дасьтысьны выль операция кезлө.

– Лыдды небөгсө, сэтысь бать йывсьыд унатор төдмалан, – киасигмоз шуис Андрей Васильевич.

Сылөн морөс пыткас чужис скөр мөвп. «Со нөшта кутшөм боксянь петкөдчан, Сидоров?! Нылөс, кодлы кага тувйыштін, мөдарьягыдас мөдөдін! Сэсса асьыд питө нэм чөжыд эн төдлы. Öти кампетөн ни преникөн эн чөсмөдлы. Ньотчыд пидзөс вылад эн босьтлы, юрөд эн ма-

лыштлы. Тайö өмөй морт нога?! Абу! Ме тэнö янөда! Став йөз водзас янөда! А пийд быдмөма, велөдчөма да лоөма прамөй мортөн!»

Операция бөрти Игнатов кутис овны карса патераын. Сийö пөшти төлысь чөж гортсьыс эз петава. Пуксьылис пызан сайö да гижис. Чеччылас вөли улөс вылысь, видзчысьөмөн нөдзласьыштас да чушиктылас инпөлө. Дзоргис дасөд судтасянь улич кузя ветлысь-мунысьяс, журъялысь машинаяс вылө. Быд лунтö сэсса дышөдiс өшиньö видзөдны. Корис гөтырыслысь көм да вылыс паськөмсö.

– Петала ывлаө, пальөдчышта, аптекаө ветла.

Мөдыс оз вөли лэдз, но Андрей Васильевич асныралис.

– Довгыла, аптекайд абу ылын. Ог кө кут петава, кор ме мортъямма?

Лариса Матвеевна ропкигыр отсалис пасьтасьны да нөшта гортсьыс петигас колльөдыштіс. Лифтнас өтлаын лэччисны, керкаө пыран өдзөссө восьтіс. Зэлыда ветлөдлө иганыс да, вынъя лоө восьтыны.

– Локтан да звөнит, паныд петала, – велөдiс верөссө ань.

Андрей Васильевич вөляысь тапиктö, өтарө-мөдарө гоньялө, тувсовъя сынөдсө апалө. Кузь тушаыс кусынтчөма, нырыс увлань видзөдө, өні дзик нин варышлөн кодь лоөма. Да и чукыръясыс чужөмас лыдтөм-тшөттөм сярвидзөны. Синмыс водзын радлунөн югъявліс, а өні вөйөма гуранө, быттьö шог пыкө.

Видзөдө: паныд локтö пөрысь пөль, беддя. Надзөник восьлалө, өдва довгө. «Коньөрөй, оз вермы, тыдалө, – ас кежас жалитыштіс Игнатов. – Гашкө, сьөкыд висьөм жö көвъясьөма? Вывті нин, буракө, пөрысь. Кадыд тай со ставлы мөрччө, ставсө нюкыртө, весиг изсө дзимбырө пөртө».

Локтысь пөлысь вөли Сидоров. Чужөмыс векнялөма, нырыс нөшта крукыльтчөма, тошсялөм бандзибсө вождө уна лыда чукыр, быттьö лэчыд черөн керышталөма. Восьлавны сылы сьөкыд, эбөссө висьөмыс нылыштөма. Килутшыс доймө, сой вечиксө лэптыштны оз вермы, кокъясыс оз кывзысьны.

Вежон сайын Сидоров медавліс суседсө, мед аслас дзоля машинаөн катөдлас Ягдорөдз. Зэв окота вөли. Важөн көсйылис, гашкө, бөръяысь адззывны йөзсө да сийö местаяссө, көні коли аслас олөмын медся ыджыд тшупөдыс. Бурджык эськө вөли, эз кө кайлы! Адззылөмсьыс да кывлөмсьыс морөс пытшкөсыс гудыртчис. Лов вылас нөшта на сьөкыд лои. Вөлөмкө, колхозыс важөн нин бырлөма. Шванова ловъя дырйиыс на сийөс асалөма. Овмөсыслысь нимсө вежтөг став эмбурсө кабала сертиыс вуджөдөма торъя котырө, кодөс лөсьөдөма ачыс да Митрей Шурик рөдныяс. Та йылысь сиктсаяс төдмалөмаөсь регыд на, виччысьтөг. «Кызди сийö вермис тайөс вөчны? Кызди сылөн кийыс лыбис? – пузылис Иван Максимович. – А кытчө чинаясыс видзөдiсны?! Мыйла эз өлөдны? Öд колхозыс, өтувъя овмөсыс, артмис сиктсаяс эмбур подув вылын. Коді асьыс мөссө вайис, коді – вөвсө. Сэки кодсюрө весиг юрөн пудъясисны, олөмсö воштісны. А найө, кодъяс өтувтчисны, пөсь кисьтмөн уджалісны, озырмөдiсны овмөссө. Сийö налөн, сиктса йөзыслөн, өтувъя овмөс!.. Кызди сийö вермис?!»

Иван Максимович вывті ёна скөрмис Шванова и власьт вылө, коді, сы ногөн, тшөтш вөли мыжа таысь. Да өд асалөмыс кө муніс бур вылө! Но эз жö! Ягдорса овмөсын делөясыс дзикөдз нин дзугсьөмаөсь. Сийö оз юргы воддза моз. Оз нимава бур славаөн, а өд кутшөм совхоз вөли! А муясыс кутшөмөсь! Мыйта картофель да мукөд пуктас найө козьнавлісны! А видзьясыс, вөчөм видзьясыс мыйта чөскыд дзоридз сора турун вичмөдлісны! А өні мый лои? Коркөя керась-ясыс, кытчө Сидоров сымда пөсь кисьтіс, шылыыд да паськыд видзөдз вайөдліс, көні веж турун лөставліс, бөр вөрөн да ошйөнөн тырөма, нитшсялөма да тшаксялөма. Кыдз пуяс да весиг козьяс нюжөдчөмаөсь вывлань, мортысь нин джуджыдөсь. А Закарсиктса овмөсыс сідз и киссьөма, сідз и пазалөма. Мир туйбокса кирпичысь тэчөм кык рада картаыс тыртөм сулалө. Сөмын төв шутьялө пузвтөм мөс сулаланінъясөд, а жульөм өшиньясыс да киссьөм вевтыс быттьö ветлысь-мунысьясөс укөрайтөны.

Эк, эськө, вермис кө! Эк, эськө, бергөдны кө кадсө бөр! Шыбитлыны некымын дас во, но кысь! Тайö сөмын зэв гежөдика вөтын артмылө. Пыдзыртісны кадыс да висьөмыс вир-яйсө. Ёна

нин омольтчис мортыс, но эзысь рёма синкым улысь важ моз на дзирдыштли ёсь видзёдласыс. Югнитіс Игнатов мыгөр кузя, быттьо би югөр вожмаліс.

Өтвесьтасисны, óta-мөд вылас видзөдлісны. Төдісны, синкым вөрзьялөм серти позис казьявны, мый төдісны óta-мөдсө. Дзалснитлісны синнас и пыр жө бергөдчисны. Кыв ни джын некоднанныс эз шуны, сөмын зумыштчисны, парьяссө топөдісны. Сидоров водзө тотшиктіс бедьнас, а Игнатов аптекаө пырис.

Андрей Васильевич воис гортас дусыд* чужөма. Сидоровсө аддзыліс да, воддза олөмыс выль пөв син водзас ыльснитіс, гудыртіс морөс пытшсө, майшөдліс. Дыр пукаліс инпөлын. Телевизор пыр кутшөмкө кино муніс, а сійө быттьо эз и аддзы.

Чеччис, пырис ыджыд жырьө, перйис шкапысь ичөтик сумка, көні куйлісны аслас награда-ясыс. Со орденыс, удж вылын вермысьлөн первойя пасыс, республикаса нимөдана медальыс, ВДНХ-лөн зарни да эзысь медальяс, армияысь «За отвагу» медаль. А стеклө өдзөса сервантын куйлө дзонь нөб уна сикас почёт грамота да диплом. Быд пас казьятыліс, мыйысь сійөс сетісны, кызди шедөдіс. Думсө бергөдліс кольөм кадас, ылі вояс дорө.

Весиг дрөгмуніс, кор триньөбтіс мобильникыс.

Звөнитчис важ төдса.

– Сидоров пө кувсьөма, – кыліс трубкаын.

– Мы-ый? Да ме жө талун на аддзылі сійөс!

– Ас йывсьыс газетысь статья лыддьөма, морөсас кутчысьөма да диван вылас газетсө шамыртөмөн и пөрөма.

Виччысьтөм юөрысь Игнатовлөн пытшкөсас быттьо мыйкө ори, кокьясыс другөн лигишмунісны, и сійө жняпкысис-пуксис диван помө. Көть лөгалис Сидоров вылө, но эз, эз виччысь татшөмторсө. Эз думайт, мый сылөн скөрйывсьыс гижөмыс тайөн помасяс. Көсйис өд сөмын янөдны бур йөз водзас. Мед төдісны, кутшөм збыльвылас Сидоровыс! А со кызд артмис...

Игнатов каитчис. Вөчөмторсьыс первойысь татшөм ёна да пыдісянь каитчис. Сійө сөмын өні гөгөрвоис, мый лөглуныд вөлөма омөлик велөдысьөн, эз ков нөшта өти грек ас вылас босьтны. Зунгыртчис, ловнас уси, чөла пукаліс диван помын. Зіліс чукөртны ышмөм разалөм мөвпьяссө, уськөдны төд вылас мыйкө буртор, Сидоровкөд да аскөдыс йитчөмаөс.

Дум вылас воис армия бөрын медводдза паныдасьөмыс, кор Сидоров босьтіс сійөс бригадир-механикө, сэсса индіс шөр отделениеса управляющөйө и велөдіс зільны-уджавны. Пасйис козинөн да удж вылын вермысьлөн пасөн. Андрей воча, став сьөлөмнас сылань сетчис. Сибөдчис Сидоров дорө, кызди том веж турун нюжөдчө югыд шонділань, но мөдыс недыр мысти йөткыштис ас дорсьыс.

Сэки и бөрынджык найө эз көсйыны весиг кывны óta-мөднысө. А өні, диван помын пукалігөн, Андрей Васильевичлы кажитчис, мый Иван Максимович, мукөддырйи сыөн йөзөс чуймөдана вөчөмторьяс вылө видзөдтөг, эз вөв лөк мортөн.

Кор найө чорыд изьяс моз óta-мөдныслы эз сетчыны, өти полюса магнитьяс моз óta-мөдсьыныс йөткасисны, сэки жө, кор Игнатов сдайталіс экзаменьяс Киров карса институтын, Иван Максимович унаысь пывсьөдліс пось пывсянын сылысь дзоля Иван писө. Кызд сөмын уна патераа оланінысь мужичөйяс вөлі мунөны өтувья пывсянө, Игнатовлөн гөтыр – Лариса – сетліс пиыслы вежсян паськөм да ыстыліс пывсьыны. Чайтіс, мый кодкө отсалас пиыслы шоньд васө тазйө босьтны. Иван Максимович аддзас вөлі детинкасө да пыр и чукөстас ас дорас. Отсалас мыссьыны, небыдика корөсялас, пасьтөдас да мөдөдас мамыс дорө.

А өтчид, кор шөр отделениеса управляющөй, коді лои Игнатов бөрын, мыйкө вөчөма бура думышттөг, Сидоров сійөс видігөн пример вылө, кызди колө уджавны, вайөдас Игнатовөс. Кор тайө сёрниыс воис Игнатов пельөдз, сійө эз пыдди пукты Сидоровлысь кывьяссө. Чайтіс, мый сійөс бур кывйөн казьяштөмыс прөстө сідз нин сёрниас лөсяліс. А гашкө, весьшөрө? Гашкө,

* Дусыд (диал.) – нор.

Иван Максимович сылысь писё пывсьөдөмөн да бур кывйён казытыштөмнас и көсйис бөр ладмөдчыны Игнатовкөд? И аслыс Андрей Васильевичлы буретш сэки позис матыстчыны Иван Максимович дорё да видлыны бурасыны и водзё не пестыны өта-мөд дораныс лөглунсө? Эз матыстчы, эз миритчы. Но и Сидоров сэсса некутшөм воськов воча эз вөч. Мөдарё, пыр ёнджыка скөрәліс Игнатов вылө. Сэки кыкнанныс найё примитисны асьнысө сэтшөмөн, кутшөмөн вөліны, да некоднанныс эз көсйыны вежсьыны бурланьё.

«Эк, Иван Максимович, Иван Максимович! – ышловзис Игнатов. – Уна во свет вылас олін, но олөмыд кызкө гумыльгаён муніс да другён и ори. Гашкө, ме мыжа тэ водзын, но и аслад мыжыс юр выв тырыд. Нэм чөжнад прамөй другөс эн сяммы аддзыны, пыр сконйыштөм виччысин. Таён, буракө, ми и өткодьёсь тэкөд лоам».

Рытыс Андрей Васильевичлы вөлі сьөлөм дзугыльтана. Кажитчис, мый сы гөгөр өшйис ру кодь бовъялысь рөмыд. Воис нора, пач трубаын турөб моз лимзалысь, пыр пыдөджык морөс пытшкө йиджысь шогалөм. И личкис рудз мудзөм, коді шымыртлө мортөс кутшөмкө сьөкыд удж вөчөм мысти. И медбөрын кыпөдчис дой. Сійө пыр воө сэк, кор дзугсьө лолыд.

Сьөкыд висьтавыны бушкала төв ныр йылысь, коді уськөдө мортсө кок йывсьыс, нетшкө вужъяснас пуяс да жуглө керкаяс. Но висьтавыны, мый керсьө морт сьөлөмын, кутшөм бушков ыджыдалө сы морөсын, нөшта на сьөкыдджык. Кызди кокньыдик гөнөс лэбөдө төв ныр, сідз жө юрө вооны быдсяма думъяс, вөйтөны казытылөмъясө. Дзик тадзи суныштліс кольөм пөраас Андрей Васильевич, но кутшөмкө кад мысти вежөрсө шымыртлөм руыс разаліс, и первойысь чардбиён моз юрас воис мөвп, мый кывзис кө асьыс мамсө да эз кай Ягдорө, сылөн вермис лоны дзик мөд сикас олөм.

И та вөсна, и, гашкө, сы вөсна, мый Сидоров кадысь водз муніс мөдарьюгыдас сылысь гижөдсө лыддьөм бөрын, Андрей Васильевичөс топөдіс терпитны позьтөм дой. Сійө тупкис кыкнан кинас чужөмсө да дыр пукаліс вөрзьөдчывтөг, быттьө воштіс садьсө, сэсса надзөник лэптис юрсө. Чужөмас төдчис сьөлөм вөрзьөдана шемөсмөм. Гөгөрвоана, мый кольөм кадсө он вермы ни вежны, ни косөдны, и тайөс төдөмөн Игнатов лөня бөрддзис.

А сэсса төд вылас уси Сидоровлөн бур ру дырйи шулөмыс, мый быдөнлөн аслас вөля, а, сідзкө, и аслас судьба, и тайө казытыштөмыс Игнатовлы вайис лов вылас кутшөмкө кокньөдөм, и сійө лөньөдчис.

Гуасян лунө Карбердө Игнатов воөдчис автобусөн. Локтіс керка дорө, көні овліс Сидоров. Ошинь улас варовитисны некымын пөль да пөч. Сэні жө сулаліс шойна вылө кулөмаясөс новлан тупкөса машина.

Заводитис шматкыны-усьны мөс пель ыжда уль лым. Здук мысти, быттьө шабурён, вевттис сьөдасьны нин удитөм өшинь увсө.

Игнатов пыркнитчис да топөдчыштіс керка стен бердө, патераө эз пыр. Виччысис, кор Сидоровөс петкөдасны ывлаө. Сэки и матыстчыліс да горт вылас пуктіс кык быгзян дзоридз. Сылөн өні воддза кодь лөглуныс эз нин вөв, весиг синваыс доршасьны мөдліс.

Бергөдчис да көсйис нин мунны. Но паньдасис синнас йөзысь бокинджык сулалысь хирург Кармановкөд да здук кежлө сувтыштліс...

Пом.

Алёна
ШОМЫСОВА

Алёна Александровна Шомысова – коми поэт, гижысь, вуджӧдчысь. Чужис 1986 воын Куломдін районса Скӧрӧдум грездын. Помаліс Сыктывкарса государственной университетын филология факультет (2009). Лэдзис «Дзар» (2011), «Чӧв!» (2012), «Юрсигусь бордъяс» (2014), «Кӧчильлы козин» (2018), «Аля-каля» (2022) небӧгъяс. А. М. Лужиков нима премия лауреат (2012). Пырӧ Россияса гижысь котырӧ (2016).

Важ йӧз туй

Кывбуръяс

Ва

Киссьӧ, киссьӧ, помтӧг киссьӧ ва,
Мусӧ кӧсьӧ пӧдтыны ас выннас.
Сӧмын кодӧ татшӧм кадӧ сынас?
Майтӧгтурун енӧж пыдди са.

Кымын лун оз пуджлы некод сой,
Регыд уджлӧн горыс дзикӧдз орӧ.
Жӧлӧб помысь войтва киссьӧ шорӧн,
И он велав, асыв либӧ вой.

Некод нин оз висьтав тайӧ зэр
Тшакваӧн, ӧд ытва босьтӧс гӧгӧр.
Пачын важӧн кусӧма нин ӧгыр,
Кӧкыльтчӧма востымасян сер.

Сӧмын мамлӧн сьӧлӧмӧ оз коль
Шуштӧм ваыс весьӧпӧртан йисӧ.
Сиптӧ-восьтӧ мамыс кага кисӧ –
Синва пыдди аддзӧ лысва моль.

Му

Кӧнкӧ матын эм на важъя му,
Кодӧс оз нин казав йӧзыс ӧні.
Воштысьӧма тыдавлытӧминӧ,
Бытьтӧ сійӧс дзебӧма кад ру.

Тайӧ муас олӧ-рӧдмӧ чуд –
Аслас Енлы эскӧмӧн да уджӧн.
Лунысь лунӧ надзӧникӧн вуджӧ,
А сы бӧрся гӧгылясьӧ шуд.

Гежӧд гажлун вежлӧ олан визь:
Триньгысь-дзивгысь ыргӧн гудӧк улӧ
Тувсов ва моз ловныс яра тулӧ.
Гажыс эштӧ – юсӧ потшӧ из.

Лэбач горзӧм торкӧ ю дор чӧв.
Бытьтӧ лыа вывтӧ тувччысь каля,
Важ йӧз туйсӧ, гашкӧ, быд лун таля,
Сӧмын ставсӧ чышкӧ ва да тӧв.

Пу

Зэв нин вылӧдз быдмис мывкыд пу
Ылі нэмъяс сайӧ вошӧм муын,
Бытьӧ важся юлӧн нӧгыль руын
Муртса тӧдчӧ джуджыд нӧрыс чук.

Оз нин чальнас лым чиръяссӧ кут,
Оз нин топӧд кымӧрсӧ ён сывйын –
Кодзувъяссӧ гычӧдлӧ вож тывйын,
Восьтӧ налы мӧвпъяс тыра куд.

Сыкӧд гольны некод нин оз лок:
Разалӧма уна кыркӧтш вылӧ
Пу сьӧлӧма ордлӧн гырысь йылӧм –
Из кодъ топыд вужъя чой да вок.

Пуксьылӧ кор медся кӧдзыд вой,
Лайкъялӧмӧн пӧртмасьӧ вой кыа,
Аддзылӧны пуяс енэж тыас
Аслас ыджыд воксянь воӧм мойд.

Ки

Вӧрӧ гогын – зільӧ ичӧт ки,
Надзӧникӧн пугор сійӧ лӧсйӧ,
Сӧян дозмук мастеритны кӧсйӧ.
Кужысь мортӧн быдмӧ зарни пи.

Батьлӧн варчӧм кыис вӧчӧ лызь:
Пиыс регыд вежас кыйсян уджас.
Удачлуныс пиислы тшӧтш вуджас –
Тырмымӧн век лоӧ шыдӧс-пызь.

Пӧльлӧн сарӧг кыис вӧчӧ пыж.
Вомгорулас пӧльӧ мыйкӧ вашкӧ,
Сир кодъ зумыд нимкыв лыддьӧ, гашкӧ,
Мед оз чашйы пыжсӧ васа гыж.

Бытьӧ шойчӧ мудзӧм лӧбач борд,
Морӧс вылын кыис куйлӧ чӧла.
Окота нин пӧльлы мӧдлапӧлас –
Борд пӧлӧдыс кутӧ аслас орд.

Лов

Ветки пыжын кывтö öтка лов,
Юыс нуö сійöс арся войö,
Чусыд бинас тöлысь öдва койö –
Татшöмыдлы югыдыс оз ков.

Öтка лолöс гудыртöма шог.
Коркö öмöй сійö дзикöдз сöдзас?
Пöдса лои олöмö став öдзöс,
Öти здукöн вушйис олан мог.

Шедіс муысь да и сыліс көв.
Гашкö, öні енэж вöзъяс отсөг.
Паськөдöма со тай гыа отсö –
Кывт, кор мөдас пöльтны лöсьыд төв.

Гашкö, сюрö сэтысь бурджык пай,
Сöмын колö эскöм енэж вынас.
Öткалунсьыс лолыс сэки мынас,
Оз кө асьсö нылышт тöлысь сай.

Вир

Кыдзи юын уялысь кык сир
Сибалöны öта-мөдныс дінö,
Öти лолö пөрöны и нимö,
Кык том мортлөн лöсялöма вир.

Лунысь лунö тырö ыджыд куд
Кузьчышъянөн, чулкиөн да вöньөн.
Верöспу зіль руа тэрыб ньöвйөн
Корсьö анча-ручлысь дона ку.

Регыд йитчас öтиö кык рөд,
Артмас асьыс вужсö тöдысь котыр,
Тадзи-й быдмö öти кывъя войтыр –
Зумыд, кыдзи выльөн дорөм көрт.

Талун шызис маті вөр и луд:
Гиля-голя мунö сиктын көлысь.
Киссьö гозъя вылö енэж йöлысь
Сысьялөм, сөдз, сөстөм, дзирыд шуд.

Кыв

Ваысь коркӧ торъялӧма кыв,
Корсялӧма шысӧ войтӧн-войтӧн
Енма-муа костсӧ йитысь сойтӧд.
Кывйыс лоис ас пыр лэдзысь тыв.

Муысь коркӧ торъялӧма кыв,
Чуктӧдӧма изйӧ дзедӧм кадсӧ,
Нылыштӧма быдмӧгъяслысь ладсӧ.
Кывйыс лоис ловзьӧдысь му выв.

Пуысь коркӧ торъялӧма кыв,
Вежӧртӧма помтӧм паса корсӧ,
Юӧма лов бурдӧдана горсӧ.
Кывйыс лоис тӧдысь вӧр-пу йыв.

Ставсӧ ӧні ӧтувтӧма кыв:
Му, и ва, и пу, и би, и мортӧс,
Пас, и сӕй, и кӧрт, и тӧв, и ортӧс –
Уна нэмся енкӧлалысь мыв.

Людмила
ПРОШАК

Моя краткая биография сводится к четырём глаголам.

Первый: училась и учусь – в школе, университете, аспирантуре, докторантуре и везде, где только удастся.

Второй: работала и работаю – на работе (умудрялась на трёх одновременно) и сверх того.

Третий: писала и пишу – для себя, в газеты (от районки до АиФа), в журналы (экстрим и авто в приоритете), а последние 20 лет и книги.

Четвёртый: любила и люблю – семью, друзей, зверей, лес, зиму, библиотеки и музеи, дальние дороги. Всё перечисленное входит в моё понимание Родины.

Должности, звания, награды? Неинтересно, тем более что в конечном итоге на последней «аватарке» только фамилия, имя и отчество, да ещё прочерк между двумя датами.

Коронная фраза:

«Работайте! В работе счастье...»

© Ю. А. Спиридонов

И посетителя посетила смерть

Исторический роман

Продолжение. Начало в №2 2022 г.

Хронотоп III Царь церкви

Москва, Успенский собор,
16 января 1654 года, утренняя

Засмотревшись, Васятка клюнул носом сутулую спину иеродиакона Евфимия (он был старейший из справщиков). Тот, охнув, выдохнул, пошатнувшись:

– Фу́лассо-о́мат!¹

«Греческий, даже сейчас!» – отступая, подумал про себя Васятка, а вслух прошептал:

– Аф-е, патер²...

Отрок в Москву был взят из зырянского Троице-Стефановского монастыря. Местный епископ, заметив прилежание к книжной грамоте мальчика-годовика, отвёз его в Москву на Печатный двор, где Василия за восторженную любознательность прозвали Васяткой. Вот и сейчас всё вокруг казалось ему удивительным.

Раку с мощами патриарха Гермогена, уморенного в заточении поляками, из Чудова монастыря несли на руках. Почтить страдальца в день его преставления (спустя сорок два года) велел Никон.

По расчищенной дорожке процессия дошла до Успенского собора – усыпальницы русских митрополитов и патриархов – и остановилась в ожидании. Васятка осторожно скопил глаза на бранию. Носилки с прахом покоились на плечах монахов. Стояли ровно, не притоптывая и не переминаясь с ноги на ногу. От утренней стужи они сделались деревянными. Редко кто в сапогах, чаще в онучах на кожаных подошвах, подвязанных ремешками. А царя церкви всё нет...

¹ Остерегайся (греч.).

² Прости, отче (греч.).

Но чу! Визг полозьев заставил головы склониться, словно перед алтарём. Васятка, как и другие, зыркать не рискнул. В поле его зрения оказался лишь угол брошенной на снег медвежьей шкуры, на которую ступила расшитая туфля и тут же утонула в косматом мехе. У Васятки округлились глаза: перед ним промелькнуло явление Пресвятой Деве архангела Гавриила, который принес Ей радостную весть о грядущем чудесном рождении от Неё Сына Божьего, Спасителя мира... И всё это на туфле! Такая обувка могла принадлежать только тому, кого сам царь величает Великим Государем!

*Яренский уезд,
Ульяновский Троице-Стефановский монастырь,
6 апреля 1654 года*

Коты – сапоги из телячьей кожи шерстью наружу – намокли и разбухли. «А сказывал, смолой пропитаны», – мысленно укорил купца Васятка. Ему впервые привелось странствовать в одиночку да ещё и в страстную седмицу. Евфимий взял его с собой, отправившись по монастырям в поисках старых рукописных и печатных книг. Всех их по велению Никона надлежало включить в опись. По дороге Евфимий занемог и в Вологде слёг: «Васятка, поблизости из рассадников учёности – Ульяновский монастырь. Отправляйся, я тебя тут подожду...»

Игумен был у себя в келии, свод которой подпирал один деревянный столп, а вокруг него малыми столпами теснились книги, державшиеся друг на друге.

Наместник смотрел на дёргающийся кадык обетного дидаскала, а тот не мог наглядеться на переплёты книг, украшенные средниками, угольниками и жуковинами, а то и тиснёными узорами на обтягивающей их коже, и на потемневшие от времени застёжки, берёгшие пергаменные листы от коробления и усыхания. Поверх двух стопок кодексов, как мост, лежал толстый служебник, почти квадратный, с тиснением на чёрном переплете. С него лестницей спускался свиток...

Игумен стоял в красном углу под иконами. Непрошенный гость – у самой двери. Их разделял книжный поток, и они были на разных его берегах.

*Москва, Печатный двор,
22 июня 1654 года, третий час*

Васятка толкнул дверь, та не поддавалась. Просунув голову в приоткрытую щель: мешала переплётная доска раскрывшейся книги.

– Убрал бы кто, – попросил Васятка, – а то ведь порвётся.

– Да пусть, – устало отмахнулся Евфимий, – всё одно в костёр.

Васятка протиснулся в дверь и нагнулся над книгой, чувствуя, как перехватило дыхание. Наместник Троице-Стефановского монастыря просил не включать эту книгу в опись: «Для Москвы она цены не имеет, а для нас бесценна».

– Да разве мыслимо так с древним благочестием поступать?!

– Славянские списки в сравнении с греческими – порченные...

– Не понимаю... Разве Стефан, создавший подобно Кириллу и Мефодию азбуку, был худшим дидаскалом, чем нынешние иноземцы?!

– А ты сам в пермском силён? Настолько, чтобы не глоссы абуром на полях писать, а правку в Стефановские книги внести? Я попытался. Ну-ка читай Псалтирь! – Евфимий ткнул в строчку.

– Исус! – пожал плечами Васятка, радуясь, что не оплошал.

– А по греческому правописанию Исус. И если бы только это. Надобно «милость мира, жертву хваления», а там: «Милость, мир, жертва и пение». Или «Бога истинна от Бога истинна», а у Стефана: «Бога истинна нарожденна»...

На Печатном дворе всё пришло в движение, чтобы спустя миг благоговейно замереть: стуча крепко по полу посохом, шествовал Никон.

– Приобрели на Афоне пятьсот книг, – на ходу докладывал Арсений Грек, дюжий и ражий, под стать патриарху, – двести прислали восточные патриархи.

– Из наших мерилом признать, – Никон пристукнул посохом, – некоторые из русских книг и то только на пергамене, а греческие никак не ограничивать.

– Новопечатные наравне с древнерусскими?! – ахнул Евфимий, составивший опись аж на две тыщи шестьсот семьдесят две старинные книги. – Неужто, Господи, антихрист уже родился?

Патриарх, потрясая посохом, удалился; Евфимия, подхватив под мышки, стрельцы поволокли следом; а Васятка, прикрыв служебник полой, выскользнул за дверь.

*Речь Посполитая, Вильно, Троицкий монастырь,
12 сентября 1654 года, шестой час*

Васятка привычно повернулся к красному углу – только распятие. Оградил себя крестным знаменем двумя перстами, хотя в ушах набатом взывало повеление Никона: «и тремя бы перстами креститься...» Униат удовлетворённо кивнул:

– Вижу, ваш патриарх тебя не убедил. Когда горят книги, недалёк черёд и людей, не так ли?

Васятка потерянно кивнул, прижимая к себе суму. Униат вкрадчиво улыбнулся:

– Я не умею видеть насквозь, но ты не похож на человека, который прихватил серебряный дискос. У тебя в суме может быть только книга.

– Для моей церкви она не представляет интереса, потому что написана на языке, который сегодня уже забыт даже на родине, в Перми.

– Меня всегда удивляла христианизация этих земель. Но Бог един, как едина и Соборная апостольская церковь. А раз так, то и Русь исконно крещена как католическая держава, а православная она только от сознания правоты веры, а не от её особенности.

– Владимир принял крещение от Византии.

– Но разве не превратилась Константинопольская София в мечеть?

Сочтя, что для первого разговора зёрен сомнения брошено достаточно, униат повёл гостя по длинному коридору.

– Одного патриарха ты оставил, другого обрёл. В этой келье сорок лет назад жил ваш беглый патриарх Игнатий, его гетман Хоткевич из Москвы с собой привёз. Завтра мы отправимся в Супрасльский монастырь. Он теперь тоже наш, униатский. Но в его библиотеке пятьсот с лишним рукописей и печатных книг, в том числе и православных. В Супрасле тебя ждут *argumentum ad baculum*³.

*Между Белостоком и Гродно, в расположении
шведских войск, 23 января 1706 года, перед утреней*

Под Гродно сыто ухали пушки. Шведская артиллерия довершала то, что до неё сделали кавалерия и пехота. Сорокатысячная российская армия, укомплектованная рекрутами первого Петровского набора, оказалась запертой в городе.

Городские ворота приоткрылись, выпустив горстку драгунов-лазутчиков, нахлёстывавших коней. Вдогонку грянули залпы. Из месива выскочил один всадник и устремился прочь, но и его коня догнал меткий выстрел.

Рекрут вывалился из седла и покатился с крутого обрыва вниз. Камень, о который он ударился спиной, не дал сорваться в овраг. Боль в позвоночнике, вспыхнув, погасла...

³ Аргументы посоха (жезла авгура).

*Речь Посполитая, Супрасльский монастырь,
7 февраля 1706 года, вечеря*

Рекрут открыл глаза: перед ним сидел дряхлый монах (про него уж не скажешь – Васятка). Его серая домашняя ряса была усыпана белесой пылью. В скрюченных пальцах он держал резную пластину и разглядывал её сквозь круглое стёклышко, которое само по себе держалось в левом глазу. Рядом, прислонённый к окну, стоял посох.

– Пить! – рекрут отвык от звука собственного голоса.

Монах поднял голову. Стёклышко, выскользнув из-под лохматой брови, повисло на верёвочке, которая была на шее вместе с крестом.

– Вот и очнулся, – старец поднёс к его губам ковш. – Звать как?

– Никитой, – он ощущал, как напряжённо бьётся на шее жилка, но нисколько не чувствовал ног. Вода текла ручейком за ворот. – Наша армия прорвала осаду?

– Да, и отступила к Киеву. Шведы последовали за ней. Быть может, тебя Бог сберёт для большего.

– Сделав меня калекой!?

*Речь Посполитая, Супрасльский монастырь,
26 апреля 1706 года, после утрени*

Монахи подхватили больного под мышки и за ноги, посадили на широкий стул с подлокотниками и скамеечкой для непослушных ног. Никита заёрзал – сооружение, скрипнув, медленно тронулось с места.

– Да за тобой теперь не угнаться, – старец Василий закашлялся смехом. – Ты не против небольшой прогулки?

Никита только успевал крутить головой: закрытые двери, распятия на белых стенах... Сзади одышливо пыхтел отец Василий.

– Я хочу увидеть церковь!

Старец посмотрел на желваки, заигравшие на скулах Никиты:

– Я думал начать с печатного двора. Его у нас называют типографией... Но так даже лучше. Я тоже с отрицания начинал, – и, не оглядываясь, направился к каменному собору.

Свечи потушили, и Благовещенский собор погрузился в полумрак, скрадывая странное сочетание пышной причудливости с отрешённой простотой.

– Этот иконостас работы гданьского мастера Андрея Модзелевского... А вот список чудотворной иконы Божией Матери Смоленской, её ещё называют Супрасльской. Она тут два столетия. В новосозданный храм её привез митрополит Иосиф. А фрески спустя полвека писали под началом Нектария, сербского иконописца. Бог един, но свою любовь к Нему мы выражаем по-разному.

– Нет! Если бы было так, то моего отца не били бы батогами лишь за то, что в его стрелецком полку толковали, как бы восстановить старую веру. Ему ещё повезло, иных – на плаху или в горящий сруб.

– Значит, не зря я прибег к тайнописи, Никона осудили, а книжная справа его ещё не раз для расправы послужит.

Под сводами печатного двора стояли деревянные столбы с перекладиной. Сквозь неё проходил винт, на нём была укреплена доска. Отец Василий кивнул – печатник наколол чистый лист на иголки. Никита, вытянув шею, наблюдал, как ковчег на подвижном столе, повинуясь шнуру, занял место под бумагой.

– Там то, с чего будет оттиск, – волнуясь, пояснил старец. – Абур, тебе предстоит о нём узнать. Если захочешь.

Белый лист мягко ударился об отливавший чёрной краской ковчег...

*Речь Посполитая, Супрасльский монастырь,
13 сентября 1706 года, утренняя*

Старец умер во сне, но вид имел такой, будто знал, что уснёт навеки: веки сомкнуты, морщины разглажены, руки сложены на груди.

Никита потянулся к посоху, прислонённому к лежаку отца Василия. Стул опасно накренился...

СЕЕТЬ ФЕЯН ЕПИСКОПА СТЕФАНА ПЕРМСКОГО ТИМАЕТЪ ВЪИИ ЕНОПА И КОНИ

Никита смотрел на надпись, но видел живого отца Василия: узловатые пальцы лежат на рукояти, а сам он, покашливая, смеивается:

– К кому бы ни попал посох, все будут читать начало не иначе как се есть деяние епископа Стефана Пермского. Это покажется очевидным даже для гонителей старой веры. Присмотрись, Никитушка, что здесь не так?

– Ну... Буква N у тебя неверная.

– Так ведь издревле Н означала иже, а N – наш. С течением времени первая буква исчезла, а вторая поменяла своё начертание. Тот, который вырезал на посохе до меня, чудака большой был: N писал по-старому, а T по-новому, как III.

– Но это в кириллице, а в греческом ведь тоже есть N?

– Да, – морщины на лице старца разбежались улыбкой, – именно это помогло мне скрыть имя Никона. И «старит» надпись, и указывает ключ.

– Сееть... То есть сеять? Ты нарочно так написал?

Ответом была лукавая улыбка. Никита снова вернулся к посоху.

– Деяне... То есть деяние? Сеять деяние Епископа Стефана Пермского... отымает... Я правильно понял – отнимает, препятствует... Выи?... Шей?

– Не разумеешь слово – читай по буквам!

– В... еры... – перечислил первые две буквы и словно споткнулся, посмотрел на отца Василия: – Неужто, отче, веры? Так просто...

– Для тех, кто разумеет по-русски, – улыбнулся старец, забавляясь. – Сейчас узнаем, насколько ты преуспел в греческом.

– Еон, – Никита растерянно пожал плечами. – Это ж что же такое может быть?
Тогда старец обмакнул перо и вывел погречески: ατων.
– Господи, ну конечно же! αιώνια, εσαεί... Веки вечные... Еон!.. Вера века?!

ΙΕΟΝΟΠΑΙΚΟΝΝ

– О... отец? Па... патриарх... Отец патриарх Никон? А что же предыдущая буква Ι перед еο?
– А ты разве не помнишь, в написании каких слов употребляется, к примеру, та же буква ι вопреки всем нашим правилам?

Никита, опустив голову, думал. Старец с нежностью наблюдал за своим учеником, но как только тот поднял глаза, снова посуровел.

– Супротив правил? Так в греческих! Ιερουσαλήμ! Значит, иерусалимский отец патриарх Никон?! Не наш, не московский и не всяя Руси, а иерусалимский?

ΟΠΣΤΒΟΙΒΛΟΠΜΥΕΣЯΙΚΟΝΟΠΑΙΝΑΒΙΣЯ ΕΜΟΥΒΕΣΤЪВРИЗАХИΡΕΕΜΥ

Повернув посох и пропустив первую треть, глаз нашёл уже знакомое буквосочетание икоN. опа. Да и дальше всё было предельно ясно: и... явися... явился? Емоу... ему? Бесъ... в... ризах... и... ре... рек? Ему...

– Отче, но я не могу прочесть начало...

– Сын мой, если не обозначены титулы, это не значит, что их нет, не так ли?

Никита окунулся в поиски пропущенных букв. Опсть... По наитию нашел окончание – еся... опасайтесь? Так, теперь надо вернуться и разделить оставшиеся буквы на предполагаемые слова: бо... ибо, потому что? и... ва... оп... му...

– Отче, тут подмена букв? Я не нахожу подсказку...

– Ты уверен, что в каждой букве должен быть сокрыт смысл?

ΒΕΕΤЪ.Θ.ΕЯННΕ.ΕΠΙСКУПА.СТЕФАННА.ΠΕΡΜЬСКАГО. ΩИМАΕΤ.ОВЫЙ.ΙΕΟ.Н.ΟΠΑ.ΙΚΟΝ ΟΠΣΤ.ΒΟ.И.ΒΛ.ΟΠ.ΜΥ.ΕΣЯ.ΙΚΟΝΝ.ΟΠΑ. И.ЯВИСЯ.ΕΜΟΥ.ΒΕΕΤЪ.В.РИЗАХ.И.ΡΕ.ΕΜΥ

До сих пор Никита считал самым страшным в своей жизни тот день, когда понял, что никогда не будет ходить. Оказалось, нет. Самый страшный день наступил сегодня: учитель оставил его. И теперь ему одному предстояла завершить предпринятое старцем – вернуть после починки костяные накладки на посох. Взамен утраченных отец Василий приготовил свои...

Восседающий на троне патриарх (тщательно вырезанный узор на мантии прямо указывал на это) на фоне островерхих башен, напоминающие те, что поставлены по четырём углам Софии после того, как турки-османы превратили её в мечеть. Пала Византия, падёт и власть никонианства. Но ещё красноречивее была надпись про

Ι. ΙΚΟΝΟΠΑΙΝ ΒΕΕΤЪ.

Пришли монахи снарядить усопшего. Налегая на скрипучие колёса, Никита покати к Супрасльскому образу. «Бог един, – вспомнил он, – но свою любовь к Нему мы выражаем по-разному...»

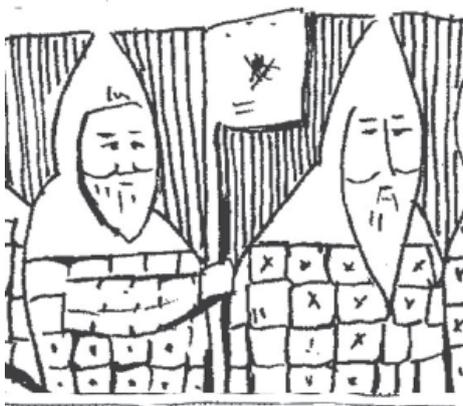
Думать мешал шаркающий звук за спиной. Никита с трудом развернулся, очертив полукруг. На шатких лесах стояли два маляра. Они макали в вёдра с известкой лохматые кисти и размашисто шлёпали по росписям. Капли срывались со стены и звучно плюхались на пол. Ещё взмах – и под белой известью исчезли ангелы, сзывающие трубами сонмы праведников...

– Не смейте! Эти фрески века уже тут, а вы...

– Не ори! Чай, не сами вздумали.

– Это я им приказал, а мне – митрополит, – подошедший на крики наместник говорил вкрадчиво. – Бывший король Речи Посполитой герцог Саксонский Август II разорвал отношения с Россией и отказался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, ставленника Карла XII. Бог един, и Он всем воздаст.

Наместник сверху вниз взглянул на сидевшего Никиту, ожидая, что тот скажет. Но тот покатил к выходу. Побелевшие пальцы срывались с ободов колёс.

Глава VIII

Красная гора

*На Шекнинско-Сухонском пути,
в устье Северной Двины, 9 июля 1410 года, третий час*

Ушкой, удерживаемая якорем, рыскала по воде, и точно также метался в думах Власий.

– Все на берег! Но к вечеру назад!

Последними палубу покинули чужаки, которых кормчий взял в поход, не спросив у ватаги. Если бы такое своеволие с набором попутчиков позволил себе любой купец, все бы возроптали. Но Власий – потомственный ушкойник. Сотоварищи смолчали.

Отто пожал плечами: на судне капитан первый после бога. Человека в ратном кафтане будут терпеть по привычке. Двое крестьян плывут никем незамечаемые. Но он, Отто, всем как бревно в глазу. Его не заторно отправить к голому Гансу. Капитан, услышав всплеск за бортом, сделает вид, что ничего не произошло. Не огорчится, если и не вернётся с берега. Может, для того и посылает?

Фрола загадочность поведения Власия раззадорила. Хмыкнув, он выбрал скрытное место. («Как был я сотником, так им и остался...»)

*Устюг, Успенский собор,
9 июля 1410 года, перед шестым часом*

Из полумрака собора на Кирилла смотрела Марпа с её круглыми, чуть навыкате глазами, маленьким ртом, весёлой пуговкой носа и широкими скулами. Он даже дотронулся до её щеки, но отдернул руку, наткнувшись на безучастное дерево.

– Кто это?! – схватил Кирилл за плечо ратника, еле дождавшись, когда тот поставит свечку. Больше никого в храме не было. – Как звать?
– Устюжанка! – поразмыслив, ответил ратник.
– Разве есть такая святая? Она новомученица?
– Ты по Устюгу пройдишь, – улыбнулся ратник, – и поймёшь. Сам откуда?
– Из Новгорода, – после заминки ответил Кирилл.
– Из Новгорода?! – Улыбку с лица ратника стёрло в один миг. – За Одигитрией опять пришёл?!

*Устюг, набережная,
9 июля 1410 года, перед шестым часом*

Забыв о налипшей на ладони чешуе, Фрол принялся наблюдать поверх развешенных сетей. Из скворечника, сооружённого на носу ушкуя, выпорхнула смуглолицая пигалица. Власий, склонившись, в чём-то убеждал её, изредка дотрагиваясь до руки, а она качала головой, противясь сказанному. Фрол кинулся обратно на ушкуй.

– Вот почему ты меня в поход ни в какую брать не хотел и в плавании на нос никого не пускал! Хотя мне-то что, я уже не сотник.

– Тебя из-за меня выгнали? Потому что не поймал?

Фрол тяжёлым взглядом посмотрел на Власия. («Уйми её!») Тот притянул Анку к себе, но она вывернулась из-под его руки:

– Знаешь, дядечка, а мне Егупа не жалко! – она сказала это с отчаянным вызовом. – Он ведь даже домашним хлеба вдоволь не давал, всё на продажу шло. Только мы с его матерью то, что он нам выделял, тайком половинили, и я относила горбушки соседским ребятишкам. Но каждый раз, когда я шла по улице, они бежали за мной и кричали: «Дай хлеба, Егуповский выкормыш!»

*Устюг, Успенский собор,
9 июля 1410 года, шестой час*

Кирилл распластался на паперти, уткнувшись носом в пыльные поршни. Поднял глаза и увидел пышного, как тесто на опаре, батюшку. Тот грозил пухлым пальцем топтавшемуся на крыльце ратнику:

– Ты что творишь? На чернеца замахиваешься?!

– Так он из Новгорода!

– Тогда, отче, ты удивляться не должен, что с тобой так обошлись, – и, повернувшись к ратнику, нахмурил пушистые бровки, из-под которых озорно блестели бусинки глаз: – А ты кулаками тут не маши! В храме перед Богом все одинаковы. Повинись!

– Ни за что! – ратник всхрипнул как зряшно огретый плетью конь.

– Тогда за побоище в храме накладываю на тебя епитимью на седмицу. Аминь! Изыди с очей моих! – вздохнул батюшка. – Не так страшна ошибка, как её исправление: вот о чём новгородскому епископу следовало подумать.

Встретив растерянно-недоумённый взгляд Кирилла, удивился:

– Что ж ты за новгородец такой, если не понимаешь, о чём я толкую?

– Да я... – начал было Кирилл, но осёкся. («У людей родословная, а у меня подорожная...») – Я смотрю, отче, у нас с тобой обувь одинаковая, прямо как от одного сапожника...

– А и впрямь! – удивился батюшка Василий. – Я свою на базаре у пермян купил, они мастера из оленей кожи шить. А ты свои где брал?

– Поминок... – Кирилл и сам удивился, как горько это у него прозвучало. – Ты, отче, про Одигитрию расскажи, будь добр.

Тот с неохотой оторвал взгляд от поршней Кирилла и повёл его на скамеечку, стоявшей на высоком берегу Сухони. У Кирилла аж дыхание перехватило от открывшейся красоты:

позади – купола, дождями да снегами зачернённые, а впереди река синевой с небом спорит. Батюшка Василий поёрзал, устраиваясь поудобнее:

– Тут у нас такая вышла история с предысторией. Как в лето 6904 Успенский собор сгорел, так мы его уже на будущий год восстановили...

– Странно, – не утерпел Кирилл, – как Стефана не стало, так и собор сгорел?

– Выходит, так, – слегка опешив, согласился батюшка Василий, – как раз в этом соборе он служить начинал. Да и я, признаться, тоже. Только он на года четыре меня младше, малец ещё совсем был, а подле отца уже стоял. Симеон ведь всю жизнь здесь прослужил. Вот и сына, как только тот грамоте выучился, в канонархи определил... А ты откуда Стефана знаешь?

– Долго рассказывать, – ему почему-то очень не хотелось признаваться, что сам он со Стефаном знаком не был. («Как хорошо и странно сказал он про него: не «знал», а «знаешь», будто о живом...»)

– Мне в мои годы спешить некуда, я бы послушал...

Кирилл молча засопел.

– Ну да ладно, – не стал настаивать отец Василий. – Мы его после пожара отстроили сызнова всем градом, а в лето 1398 года на нас ратью пошли новгородцы. Ведь пока Стефан жив был, он хрупкий мир меж всеми поддерживал, а как его не стало... Какие там татары, какие половцы – дети безобидные по сравнению с ушкуйниками. Посад пожгли, чудотворную Одигитрию как обычную полонянку повязали убрсом, храм разграбили, а чтобы следы замести – спалили дотла. Когда всё улеглось, Устюг снарядил послов к новгородскому епископу (и я в их числе был).

Ратник, наказанный епитимьей, устал прислушиваться и подошёл ближе. Отец Василий, согнав с лица мелькнувшую улыбку, продолжил:

– Владыка Иоанн удивился: «Кто посмел?!» (а может, прикинулся, прости Господи). Но позвал воевод да посадников и велел Одигитрию вернуть, а собор отстроить заново. И с тем хотел восвояси отправить, только мы упёрлись: без Одигитрии не уйдём. Долго прождали... Я так смекаю, укрывали её у кого-то из воевод в домово́й церкви. Двинулись мы крестным ходом в обратный путь. Владыка послал с нами мастеров.

– Мы им помогали всячески, – не вытерпел ратник, – подкармливали, по домам жить разобрали. Ну а как иначе?

– Да уж, дело известное, – миролюбиво поддакнул Кирилл, – рушат одни, а исправляют другие...

*Воспоминания отца Василия,
клирика Успенского собора о событиях,
произошедших в Устюге в 1379 году*

Отец Серафим, заложив руки за спину, направился вокруг собора. Со дня на день ждали возвращения Стефана из Москвы. Благословят его или нет идти в землю Пермскую?.. Я терял товарища (из молодых клириков в соборе было только нас двое), в обществе которого мне было временами как перед раскрытой книгой с незнакомыми письменами. А отец Серафим лишился своего лучшего ученика, в душе которого – в отличие от меня – он читал с печальной лёгкостью: «Не клирик он нам!..»

Завершив третий круг, отец Серафим не стерпел: «А вдруг пешком идёт? Василий, запрягай коня, съезди, встретить...»

Полозья легко скользили по укатанному тракту. Неподвижные ели сливались друг с другом настолько, что мне казалось, будто сани стоят на месте. Но неумолчно звенели колокольцы на сбруе, от заиндевшего крупа коня валил пар. Едем!..

Предчувствие не подвело отца Серафима: навстречу шёл размеренным шагом Стефан. Иней, осевший у него на бороде и усах, походил на безвременную седину. Я натянул поводья, замирая от вопроса: с благословением или нет?

Сначала, когда он вернулся из Григорьевского затвора, став рукоположенным священником, мы все подумали, что он заступит на место клирика в Успенский собор. Будь жив его отец, Симеон, лучшей доли для сына и не мечтал бы. И действительно, в утреню, обедню, вечерю и полунощницу Стефан служил вместе с нами. Но всё остальное время он пропадал дома за книгами или ходил по торжищу, отыскивая себе собеседников из числа пермян.

Однажды, посланный за ним отцом Серафимом, я застал его за странным занятием. Он сидел перед двумя раскрытыми книгами и, сверяясь с ними, писал нечто в третью. Его распирали радость открытия: «Представь, я закончил вносить последние исправления в грамматику пермского языка! Теперь она приобрела законченный вид!»

Бог милостив ко мне, но много позже, когда меня самого переполняло до краёв, я смотрел на себя со стороны и понимал: нет, всё-таки не настолько, насколько был счастлив он... Можно ли это назвать завистью? Возможно. Но тогда я просто смотрел на раскрытые книги, полуисписанные листы с переложением на пермский Часослова, Восьмигласника, Песней Давида, смотрел и удивлялся: да полноте, разве это и есть счастье?..

Я и сейчас считаю это его занятие зряшным. Слово Христово в Пермь, если и надлежало нести, то на русском языке. Пусть бы пермяне привыкали, коль они теперь под Москвой ходят. А как ещё, если я напрямик у Стефана спрашивал, есть ли в его излюбленном пермском наречии такие слова, как «Господь», «церковь», «милость Божия», а он мне ничтоже сумняшеся отвечал, дескать, да, он наполнит их старые слова новым смыслом. «Никто не вливает молодого вина в мехи ветхие», – возразил я словами Святого писания. Но у Стефана на этот счёт было подтверждение, которое он нашёл двумя стихами ниже: «И никто, пив старое [вино], не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше».

Я решил не сдаваться: «И как же будут называться в Перми православные христиане, если таковые будут? И для этого у них тоже найдутся старые слова?» Стефан улыбнулся: «А что их искать – Крїстос німо веськыда ескыіас». Но меня так легко не проведёшь: «И где же тут «православные»?!» Стефан смотрел с пристальной серьёзностью: «В Христово имя право верующие – разве это не есть православные?». Я негодовал: «Верить в Христа или в Христово имя – по-твоему это одно и то же?» Стефан улыбнулся: «Имя это вечно». Я махнул рукой...

В Москве должны были ему указать, на каком языке проповедывать, тогда бы его азбука осталась лишь потешным напоминанием о юношеских заблуждениях. Он снарядился в путь за считанные дни. «Отправился бы летом, – ворчал отец Серафим, – годы дождался, что ж сейчас горячку пороть, словно тебе от нас невтерпёж сбежать, мать вон сама не своя ходит...» Стефан, перевязывавший очередную стопку книг, уклончиво возразил: «Да тут всего-то шестьдесят вёрст...» Самый мелкий из изборонок вывернулся из-под руки, Стефан оглянулся в поисках более подходящей по размеру книги. «Всего-то?! – передразнил его отец Серафим. – Я устал тебе уже это твердить: ты задумывался над тем, почему в Устюге христианство уже два века, а в Перми, до которой всего-то шестьдесят вёрст, как не было креста, так и нет?! Тебе такое имя, как Кукша, о чём-нибудь говорит?»

Стефан кивнул, водворяя в стопку недостающую книгу: «Конечно, отец Серафим. Кукша просвещал вятичей и принял от них смерть. Но было это почти триста лет назад, да и я ведь не Кукша, а Стефан». – «А это имя чем легче? Потому, видно, тебе и при постриге менять его не стали, – голос отца Серафима, возвысившись, зазвучал как с Престола. Я едва заметно кивнул на хлопотавшую у печи мать Стефана. Отец Серафим, покаянно кашлянув, прошептал: – Чем тебе кажется легче имя первого христианского мученика, архидиакона Стефана, забитого язычниками камнями? Чем?!»

Стефан, собиравший по дому меньшие книжки, остановился: «Мы все умрём. Только хотелось бы не просто от старости и немощи, а так, как святоотеческий завет учит в тех книжках, которые ты мне сам читать давал. Думаешь, я забыл, кто меня грамматической мудрости сызмальства учил? Ты, отче. Потому тебе первому я благодарен за всё. И за твою нынешнюю тревогу обо мне тоже».

Отец Серафим не успел ответить – в дверях стояла мать Стефана с блюдом, прикры-

тым полотенцем. «Черинянь, – грустно объявила она сыну, а для остальных пояснила: – рыбак это. Такой, каким его пекут в Перми. Отведайте!» Помолвившись, сели к столу – во главе отец Серафим, напротив Стефан. Мать, расправив фартук, присела на уголок рядышком с сыном, положила ему кусок из середины и посмотрела на всех извиняющимся взглядом. Стефан коснулся щекой её плеча: «Спасибо тебе, мама...» Разговор не клеился. «Я мешаю?» – порывисто встала она из-за стола. Стефан удержал её: «Посиди с нами, мама...»

Уезжать было назначено завтра после утрени. Отец Серафим служил её сам. Мы – Стефан и я – ему помогли. В храме было многолюдно. Мать Стефана стояла вместе со всеми и всё же одна. Белый плат сливался с лицом... Отец Серафим вышел к пастве, читая по памяти: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками; будут в руки брать змей; и если что смертоносное выпьют, ничего не повредит им...»

Когда дошло до нас известие о гибели Стефана, отец Серафим, плача навзрыд (к старости слёзы у человека близко, как и у дитяти) повторял именно эти слова: «И если что смертоносное выпьют, ничего не повредит им...» То ли старик о чём-то предполагал, то ли просто вспоминал то утро, не знаю...

Но всё это было много позже, а тогда все стояли, слушали проповедь и понимали, что она по сути обращена к одному Стефану. «И волос с головы вашей не погибнет», – отец Серафим протянул своему ученику напрестольное Евангелие. Когда к подарку учителя были добавлены другими клириками праздничные фелони, напрестольный крест и водосвятная чаша и всё это уложено в сани, тихо и незаметно подошла мать, тронула Стефана за руку, тот сразу обернулся. «Отойдём, сынок, ненадолго», – она вывела его из храма и повела за угол. Не решившись следовать за ними, мы остановились в отдалении. Снежное поле терялось в белесом небе. Где берег, где река? Мать показывала слабой рукой Стефану на чернеющий среди снега валун, к которому вела протоптанная дорожка. Ещё были живы старики, помнившие из своего раннего детства, как на этом камушке сиживал праведник Прокопий. «Присядь, сынок, перед дорожкой на камушек...» Стефан покачал головой, но, взглянув на мать, сел...

Устюг, Красная Гора,
9 июля 1410 года, шестой час

Проморгавшись (солёный пот ел глаза), Кирилл наконец разглядел, кто ему задал этот диковинно прозвучавший вопрос: «Ень милуйто или юздо?» Кирилл почувствовал, как у него подкашиваются ноги...

– Что, отче, не разумеешь? – любопытствовала старица: – Я у тебя спросила, как тебя милует Бог?

– Думаешь, – усмехнулся Кирилл горько, – милует?

– О-ко-ко! Что ты такой недоверчивый? С чем ты к Богу, с тем и Он к тебе.

Коротенькое «О-ко-ко!» доконало Кирилла. Он сидел рука об руку с женщиной, которая выглядела не то как ожившая скульптура местной святой, не то как состарившаяся Марпа.

– Вижу, ты не наш, не устюжский, подумала, из Перми на торжище приехал. Но ты не оттуда? Издалече?

– Из Новгорода, а ещё раньше из Смоленска, из Вильни, из Киева, из Ростова, – Кирилл и сам удивился тому, как устало это прозвучало.

– Что ж это тебя по свету носит?

– Послушание у меня такое...

– За что ж это тебя так наказали?

– Нет, я сам его принял.

– Сам? Тогда тебе, сынок, от него не освободиться. Сбросить можно только чужой груз. Я человека, который сам себе избрал путь, ведала...

– И что с ним стало? – Кирилл чувствовал, словно воздух вокруг сгустился, как перед грозой, когда всё стихает, укутываясь в сгущающуюся тьму.

Женщина вопрос Кирилла словно и не слышала. Он уже хотел было тихо встать, как она остановила его:

– Не спеши! Глупо уходить, прежде чем поймёшь, зачем приходил.

*Воспоминания вдовицы Дарьи
с Красной Горы о событиях,
произошедших в Устюге в 1379 году*

Я не так себе представляла епископа. Точнее, я его вообще никак не представляла. Человек, стоявший в дверях, им был. Я это знала, но всё равно подумала о том, что даже у наших местных батюшек ризы отливают золотом. А передо мной стоял черноризец, единственным украшением которого было серебро седин.

Посох, который он сжимал в руках, делал его похожим на странника. А я почему-то думала, что он за эти годы в Перми стал точь-в-точь как его язычники. Впрочем, ничем особливим они от устюжан не отличались, разве что шубами с шерстью наружу, хотя и у нас их носили многие.

Я помню пермских торговцев столько же, сколько себя саму. Они приводили оленей с добытой по дороге северной рыбой, ягодой, мехами. Наиболее удачливые селилась в нашем городе. Такие, как мой отец. Но никому из устюжан не приходило в голову ехать жить в Пермь, даже заядлым звероловам и рыболовам. Никому! Кроме одного... Того самого, что стоял сейчас в дверях избы. Он улыбнулся застенчиво, будто через силу.

Человек может измениться до неузнаваемости во всём – в обличье, в походке, в повадках, но если перемены не затронули душу, то улыбка всю жизнь сохраняется такой, какой была в детстве.

Он всегда сторонился наших игр, как бы радостно нам всем не было. «Ты почему так редко улыбаешься?» – «Разве?..» У него была замечательная улыбка. Я была убеждена в этом с того самого утра, когда на первом уроке отец Серафим нас, самых младших, усадил прямо перед собой. Нам было по семь. Девять мальчишек и одна девчонка. Белобородый наставник взял вощаную дощечку и вывел на ней дрожащей рукой: «Ну, дети, кто мне скажет, что это за буквы?» Батюшка смотрел поверх наших голов на старших. Но ответ прозвучал из нашего ряда. «Аз – буки – веди!» – выпалил мальчишка, сидевший рядом со мной. Отец Серафим благосклонно кивнул усердному ученику, а тот повторил: «Аз – буки – веди... Я – буквы – знаю?» Наставник начал терять терпение: «Да, эти три буквы ты уже знаешь, но есть ещё многих других, которые надо вызубрить, а потом склады, которые каждого слова костяк...» Мальчишка его перебил: «Аз – буки – веди! Буквы сами складываются, говорят за нас: «Я буквы знаю»...»

К концу года мы одолели всю азбучную премудрость. «Теперь, когда вам известны все сорок две буквы, – сказал нам отец Серафим, – вырежьте их на обратной стороне дощечки по порядку – от аза до ижицы». Я даже украсила края узорами, и удостоилась за то особой похвалы. Когда отец Серафим взял в руки следующую дощечку, губы вытянулись в суровую линию: «А это что? Я сказал, буквы расположить по порядку?!» Мой сосед побледнел, но отвечал твёрдо: «Отче, особняком от остальных только ферт, фита, кси, пси и ижица». – «Но по-о-о-чему?!» Мальчишка застенчиво улыбнулся: «Потому что заимствованы из греческого алфавита. Ты же сам, отче, сказал, что они только для иноземных слов...»

На будущий год меня уже не посылали учиться. «Той грамоты, что есть, достаточно, – осадил меня отец, – чтобы быть подспорьем и мужу в делах, и детям в учении. Вон, соседский сынок, как и ты, год отучился, а уже молитвы читает в соборе, где отец служит. Там, глядишь, чин и место его унаследует...»

Детство как сосулька, свисающая с крыши: привстав на цыпочки, ты примериваешься к

ней, чтобы отломить и хрустко разгрызть, а луч солнца выскочит из-за снежных туч, и она, истончав, прольётся каплейю прямо у тебя на глазах.

Мы играли в снежки возле торжища. Особенно старался один тощий жердяй. Я размахнулась... Снежок, перелетев через голову моего обидчика, ударил в нарты. Запряжённый в них олень укоризненно покосился на меня влажным коричневым глазом. И точно с таким же выражением посмотрел мой бывший сосед по ученической лавке. «Торговать учишься, что ли?» – спросила я, уставившись на вощаную дощечку в его руке. – «Нет, что ты!» Я заглянула ему через плечо. Процарапанные на воске знаки напоминали птичьи следы на снегу. «А это что?» – «Сам не знаю, азбука наверно...» – «Чья?» – «Пермян, нарты ведь их...»

Даже будучи ребёнком, я никогда не чувствовала сил посмеяться над ним. В нём было что-то такое, чего он и сам, наверное, толком в себе не понимал, иначе бы не улыбался так робко и задумчиво...

Мы повзрослели как-то вдруг. Однажды утром я, перекинув косу на грудь, почувствовала, что она теперь не так лежит, как раньше. И все те мальчишки, с которыми мы ещё зимой играли в снежки, каким-то новым взглядом посмотрели на мою косу. Особенно тот длинный жердяй...

Мой бывший сосед по ученичеству не уступал ему в росте. Прознав, что он любит сиживать на высоком берегу Юга, я однажды его там подкараулила. Села рядом и стала ждать. Бежала вода, день клонился к вечеру. Он произнёс, не спуская глаз с излучины: «Жизнь скоротечна, как речная быстрина или травный цвет! Как успеть выучиться всей грамматичной премудрости и книжной силе?» Я вспыхнула и, чтобы не разрыдаться, убежала.

Спустя три дня за мной примчалась младшая сестрёнка, когда я полоскала в речке бельё: «Скорее, Дашка, тебя батюшка дожидается!» Выловив рушник, я бросила в корыто поверх остального...

Отец Серафим, как и полагается такому гостю, сидел в красном углу под образами. Завидев меня, все домашние засуетились и едва не опрометью повыскакивали друг за дружкой из избы.

Я стояла, пряча мокрые руки под фартук. Батюшка прокашлялся: «Сядь, дитятко, и выслушай меня внимательно». Я опустила на краешек лавки. «Для моего самого лучшего ученика – ты знаешь, о ком я говорю, – есть два пути: удовольствовавшись приобретённой уже грамотой, жениться, принять сан и служить, скажем, в нашем соборе, или продолжить изучение Писания. «Иже кто... имени Моего ради, сторицею примет и жизнь вечную наследит...» Отец Серафим едва не увлёкся, но всё же оборвал себя: «Я что хочу сказать, Дарья? Он пойдёт по второму пути, ему никогда не утолить книжного голода, который будет снедать его до самой смерти. Не пытайся это понять, просто поверь мне!..»

Я закрыла ладонью рот, чтобы не закричать. Батюшка кроил по-живому. «К тебе, Дарьюшка, сватов засылает Путятя (тот самый длинный жердяй). Твои отец с матерью уже согласие дали. Приучи своё сердце слушаться разума. Вы будете хорошей парой, я сам вас повенчаю...»

Отец Серафим как в воду глядел: мы прожили душа в душу двадцать лет, вырастили пятерых детей и уже собирались нянчить внуков... Путятя к тому времени стал у воеводы правой рукой. Но за каждый щедрый урожай приходится рано или поздно платить бескормницей. И чем дольше делятся хлебные лета, тем страшнее и внезапнее голод...

Однажды Путятя вернулся домой раньше обычного. Я ещё стояла у печи. «Знаешь, кого сегодня видел? – он юркнул босыми ногами в копытца и, устроившись на лавке, произнёс с расстановкой: – Того парня, что батюшку Серафима из себя выводил, помнишь?» Вместо меня ответил выпавший из ухвата горшок. Он раскололся на черепки, во все стороны брызнуло варево. «Обожглась?» – участливо спросил Путятя. «Нет!» – и, уткнувшись в фартук, расплакалась.

На рассвете устюжская дружина скрытно уходила в поход. Против кого? Ради чего? Никто ничего не сказал. Головной отряд вёл мой Путятя. Мы простились скомканно и поспешно. Он наклонился меня поцеловать, я увернулась: «Да что ты, на людях!..»

Минуло три дождливых дня. Едва распогодилось, как я отправилась полоть. Солнце стоя-

ло в зените, когда по огороду промчалась орава мальчишек, что-то крича. Я им вслед: «Что случилось?» Самый маленький на бегу повернулся: «Тётя Даша, победа!..» Я не успела обрадоваться. У нашего двора остановилась телега. Скорбно сгорбившийся возница был красноречивее любых слов...

Я очнулась в конце межи. Весь мой путь по огороду был выстлан вырванной с корнем ботвой. Я рвала её руками и зубами. Поднялась и не смогла пошевелить языком: рот забит землёй. Потом мне сказали, что наша дружина в устье Чёрной речки из засады напала на новгородских ушкуйников, преградив им дорогу в Пермь. «Они угрожали напасть на Устюг?» – «Нет, но об этом одолжении попросил епископ Пермский...»

Как только установился санный путь, новгородцы прислали нашему князю откуп, признав силу нашей рати. Серебро, наполнившее казну, сделало уступчивее даже наших житопродавцев. Снаряжая хлебные обозы, стало уже добрым обычаем снижать цену: «Для Пермского епископа?» – «Тогда дешевле на треть! Он же наш, устюжский!» Я не хотела о нём слышать. Он был виноват в гибели моего Путяты и каждого из пяти дружинников. Я даже корову начала выгонять на пастбище позже, лишь бы не встречаться с матерью Стефана. Дома-то ведь бок о бок стоят.

И вот в один такой день я вдруг увидела: соседская корова жалобно мычит и трётся об изгородь. Что же, её с вечера в хлев не поставили? Ответом было разбухшее вымя. «Тётя Мария!» – позвала я и раз, и другой. Пошарив рукой, нащупала щеколду на калитке и вошла. Она лежала у самого порога, неловко подвернув под себя левую руку.

Пришли соседи, мы положили её на лавку под образами. «Удар у неё, – определила всеведущая бабка Зинаида, – больше десяти дён не проживёт. Соборовать бы...» – «Надо бы с оказией известить Стефана, – предположил призванный отец Василий, заступивший на место почившего батюшки Серафима. – А елеосвящение совершать не могу, потому как в беспамятстве она».

Все с готовностью согласились и, тихо переговариваясь, поспешили восвояси. Когда дверь за последним сочувствующим закрылась, я поняла, что осталась с больной одна. Мне ничего больше не оставалось, как метаться между своими детьми и лежавшей в беспамятстве тётей Марией...

Я потеряла счёт сменявшим друг друга дням и ночам, все они слились в одну длинную седмицу. Я поняла это лишь тогда, когда увидела на пороге Стефана. Мы не виделись с той самой поры, когда он отправился в Ростов. Двадцать лет! Нахлынули ли на меня воспоминания? Нет, всё умерло во мне. Я помнила в это мгновение лишь об одном: он виноват в гибели моего Путяты. «Зачем пришёл? Из-за тебя и твоих язычников я осталась без мужа, а дети без отца!..»

Стефан печально кивнул и, отстранив меня, склонился над матерью. Ужаснувшись себе, зажала рот рукой. Боже мой, как же я могла забыть! Прижавшись к стене, я стояла, не зная, уйти мне или остаться. Стефан между тем огляделся в доме, будто гость: «Скатёрку бы да блюдо с пшеницей на стол. Поможешь сыскать?» Я метнулась к себе. Когда вернулась с чистым столешником и утицей, в доме пахло ладаном, кадило ещё слабо дымилось, окутывая дом спокойной, тихой грустью. Стефан стоял на коленях перед матерью и держал её руки в своих. «Пшеницы нет, только рожь. До нового урожая не дожили, а старый по сусекам скребём. Думаю, у тёти Марии тоже закрома не ломаются. Тосковала без тебя...» – «Она тебе об этом говорила?» – «Разве нужны слова, чтобы одна мать поняла другую?»

Не ответив, Стефан положил на стол крест, достал сосуды с красным вином и прозрачным елеем, отлил из них в плошку, смешал и поставил на зерно посреди утицы, окружив её семью стручками и семью свечами. «Воды согрей...» Я поставила котелок, подкинула дровишек в печь. Стефан, затеплив тем временем ещё две свечи, одну протянул мне, а вторую вложил в руки матери. Я придвинулась («Не ровён час, выронит!»). Но нет, свеча горела ровным пламенем, бросая солнечно-жёлтый отблеск на её безжизненные руки.

«Соборовать будешь? В беспамятстве? Отец Василий сказывал – грех...» – «Она с нами, всё

понимает, даже на рукопожатие мне ответила, просто у неё нет сил веки поднять». Он закрыл глаза и погрузился в моление о болящей. Свечи тихо плавилась... Он взял струец и крестообразно помазал елеем широкий лоб, крылья заострившегося носа, округлые щёки, пересохшие губы, еле заметно вздымавшуюся грудь и державшие свечу руки. «Отче святой, Врачу душ и телес...» Загасил первую из семи свеч и продолжил молитву. Потом настал черёд второй свечи, третьей...

Сумерки, наполнившие избу, обострили звуки: вот зашипел свечной фитилёк, вот забурлила вскипевшая вода, вот затрещало смоляное полено в печи, вот в дрёме замурлыкала кошка. Боль ведёт себя так же: то запустит в тебя все когти, а то свернётся калачиком. Стефан, смешав воду с вином, поил с ложки мать. Она прильнула головой к его плечу, словно дитя. «И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь...» – тихо приговаривал Стефан. Мать, не открывая глаз, мелко и часто глотала. Красная струйка текла по её подбородку, растворяясь в складках чёрной рясы сына.

Я проводывала их поутру, выгнав на пастбище обеих коров, и вечером, когда, подоив, возвращала бурёнку в хлев. Приносила кувшин с молоком, краюху хлеба, забирая принесённое ранее почти нетронутым. Мать спала, а Стефан сидел перед нею и читал Евангелие. Со стороны это выглядело так, будто отец рассказывает дитяте на ночь сказку.

Минуло два дня. На третье утро я замерла на пороге: Стефан спал, уронив голову на книгу, а тётя Мария творила у печи блины. Придя в себя, я кинулась на подмогу. «Не надо, Дашутка, я сама, – остановила она меня, слабой, почти прозрачной рукой. – Вдруг я его в последний раз потчую... А ты лучше отдохни. Тебе есть от чего устать».

Удерживая черпак обеими руками, она окунула его в миску и осторожно вылила молочно-белое тесто на раскалённый лист. Блин, пузырясь, зарумянился по краям золотисто-коричневыми кружевами...

Я отвернулась от жара, чтобы поправить платок, – Стефан, заложив руки за голову, сидел на лавке, где ещё совсем недавно лежала его мать, и следил за каждым её движением.

«Проснулся? – улынулась она седому сыну. – Умывайся – и к столу, а то всё простынет. Ты блины-то ешь? Я и не спросила, вдруг скоромное не станешь». – «Буду, мама, буду». Он ел, а она, прилежно сложив руки на коленях, смотрела на него, не мигая, как ребёнок смотрит на огонь.

«Трудно тебе, сынок? Седой, будто старец...» – «Трудно, мама». – «Всё из-за язычников, сынок?» – «Да нет, с ними проще всего. Знаешь, чего ждать. Беда лишь в том, что я для них человек из Москвы». – «А ты им скажи, что у нас в Устюге, почитай, каждый второй корнями из Перми». Я не утерпела: «И ты, тётя Мария?» – «А хоть бы и я. Моего отца купец привёз. Откуда? Он не помнил, мал был. На меня глянь – ответ на моём лице. Хотя болезнь уж всё с него стёрла...» – «Ты красивая, мама...» – «Так ведь ты приехал, сынок. Скажи мне, если не язычники, то кто же так сильно огорчает тебя? Не всё же тебе исповеди слушать! Уедешь, а я разговоры наши буду перебирать, твоими заботами жить». – «Заботы мои, мама, нескончаемы. Пермь – край скудный людьми, но обильный сокровищами природы, в коих и у Москвы, и у Новгорода, и у Литвы, и у Орды нужда великая. Да мало ли ещё у кого...» – «Ну и отдай! Все люди данники, так заведено». – «Но источники иссякнут, если дани не ослабить...» – «Ты не делишься, а они думают, что себе всё оставить хочешь...» – «Книги – мои дети, мои наследники. Будет на то воля Божия, я в епархии монастыри размножу, ибо с ними разрастается собиранье книжных сокровищ. Оно сбережёт умы и души от запустения...»

Мать покачала головой: «Подумать только! Ты – епископ! Это, наверно, очень трудно – владычествовать над людьми?» – «Не владыка я им, а заступник. А это труднее. Знаешь, мама, когда я, маленький, канонаршил в нашем соборе, то поглядывал, где там отец, и знал, если что не так, он поправит. А теперь все смотрят на меня. И неверные тоже. От них вся державная смута. Запустение в храмы приходит не из Орды, а из неверных душ. Им самостоятельность государства нашего и мир церкви православной как кость в горле. Потому и митрополитов

на Руси не счесть, и тайных переговоров за спиной у великого князя тьма тьмущая. Все об единстве на словах пекутся, а на деле власти алчут». – «Сынок, что тебе до них? Каждый в этой жизни как утлая лодья. Один налегке под парусом пройдёт, другой впихнёт в неё всё, что глаз видит. Миг – а на волнах лишь щепки...»

Мы виделись с ним ещё однажды. Уже после того, как я закрыла тётке Марии глаза. «Она тихо, по-христиански умерла», – сказала я в утешение. Он пожал плечами: «Что у Бога является причастием? Может быть, мученичество?»

Рядом с этим человеком я провела детство и встретила юность. Но понадобилось двадцать лет разлуки, чтобы понять, что не так в его улыбке: когда он улыбается, его глаза остаются занятыми созерцанием того, о чём – я уверена – обычному человеку и предполагать не следует...

Он ждал, что я скажу ещё. Но я молчала. Тогда заговорил снова: «Знаешь, родительский дом без присмотра. Там, правда, две старицы обретаются, пусть свой век доживут, ладно? А во всём остальном дом твой». – «А на семьи остальных ратников у тебя домов хватит?» – не знаю, почему я так зло сказала: то ли от растерянности, то ли от боли...

Он прошёл в красный угол, положил за икону грамоту: «Это тебе и твоим детям дарственная», – и тихо затворил за собой дверь.

*Московское великое княжество,
Устюг, Красная Гора,
9 июля 1410 года, девятый час*

Посеревшая от прошумевших над ней лет и зим изба зримо присутствовала в этом возникшем из ничего разговоре. Дарья, всё ещё перебиравшая чётки воспоминаний, очнулась:

– Вот он, этот дом. В одной половинке – приют, в другой – я с младшими детьми. Старшим нашу с Путятой избу оставила. Ничего, справно живут. Я как сюда переселилась, стала захаживать в Успенский собор: свечку на помин души его родителей Симеона и Марии поставлю и всю седмицу с лёгким сердцем хожу. А когда его самого не стало, то и собор погиб с ним в одночасье... Как восстановили, снова хожу. Может, заночуешь? У нас места хватит, одно слово – приют.

– Да нет, пойду я, пока не стемнело, идти пора.

– Не стемнело? – неожиданно звонко рассмеялась Дарья: – Так у нас сумерки сгустятся в осень, а всё лето ночью светло как днём. Уже давно вечер. Беги, отче. А коль без тебя уплыли, так ты возвращайся!

– Я вернусь...

*Устюг, набережная,
9 июля 1410 года, девятый час*

Отто не спешил подниматься на ушкуй. Устроившись на перевёрнутой килем вверх ладье с кульком ещё тёплых пирожков, которые он купил на торжище, Отто принялся бдеть.

Ушкуйники потянулись с берега: задние окликали идущих впереди; те останавливались, поджидая догонявших. Ватагой, громко переговариваясь и похлопывая друг друга по спинам, прошла команда и со второго ушкуя. И что же?! На нём всем заправляет подельник Власия купец Иван Кочерин!

На такую удачу – zwei Nasen toten⁴ – не смел надеяться даже расчётливый Ганс Вреде. Предводитель немецкого торгового двора, когда поручал Отто проследить за ушкуйником, понятия не имел, что тот отправится в Биармию на пару с Кочериным. С тем самым, вместе с которм Власий сорвал последнюю сделку с немецким двором.

⁴ Убить двух зайцев (немецкая пословица).

Такого ещё не бывало никогда! Когда герр Вреде перенёс окончательный расчёт на утро, оба купца на следующий день не явились. Хозяин русской Birchalle, за скромное вознаграждение присматривавший за посетителями, доложил, что к Власию и Ивану подсел ломбардец. Ганс Вреде был вне себя: он требовал отыскать его и отправить noch warm ins Jenseits⁵.

Кинулись в погоню, а его ни на одном торговом дворе никто не знает. И всё же Отто его настиг, уже на подъезде к Нарове, когда купец уже успел поверить в то, что спасся. Вытерев о траву клинок, Отто проворно обшарил обмякшее тело и честно принёс Гансу то, что он просил, – жизнь купца, оставив себе то, о чём Вреде не спрашивал, – карту Биармии с какими-то знаками.

Кому карта могла принадлежать? Викингам, ходившим в Биармию для добычи? Саамам, промышлявшим в этих краях мехами, серебром и моржовой костью? Не вызывало сомнений то, что рисунок исполнил умелый картограф, а знаки нанёс некто другой – небрежно и поспешно. Возможно, у того, другого, был повод торопиться и таиться... Но что могли означать эти знаки? Если это были места, особо богатые добычей, то почему этот некто не обозначил их одинаково? А может быть, он просто делал список с чужой карты, переняв для верности и обозначения? Отто был уверен: все ответы там, в Биармии. Но до неё ещё надо доплыть, не получив удар в спину. И от этого может быть только одно средство – дружба. В одиночку человек уязвимей. Но с кем из ушкуйников получится установить приятельские отношения, если невозможно понять: то ли все между собой дружны, то ли, наоборот, здесь человек человеку – вынужденный попутчик? (Jedermanns Freund ist niemandes Freund⁶).

По привычке погладив бритую голову, Отто поморщился: руку колот отросший ёжик волос. И в это самое время он увидел монаха. Немец оторопело перевёл взгляд с развевающейся рыжей бороды на ноги, которым черноризец косолапо загребал песок... Не увидев сапог, Отто подумал, что монах, сверкая чёрными пятками, топает босиком, но потом, приглядевшись, понял, что тот в какой-то детской, даже с виду очень мягкой, обуви. И всё бы ничего, если бы монах не спешил на ушкуй! Отто едва не застонал. Как бывалый моряк, он был убеждён, что небесные лоцманы приносят несчастье. Ещё большей бедой на корабле может стать только присутствие женщин. К счастью, монаха приняли на второй ушкуй. Увидев, как Власий окидывает взглядом команду, Отто поспешил на судно. Но стоило ему ступить на палубу, как он увидел Анку...

Глава IX Небесный лоцман

*За два дня водного пути до Перми, в устье Вычегды,
20 июля 1410 года, утренняя*

Река витиеватой дорогой вела ушкуи вглубь пармы. Сгустившееся в непроглядных дебрях безмолвие с прожорливостью большеротой рыбы проглатывало и всплеск волны, и краткий возглас, и внезапный удар о борт вынырнувшего из воды сухорукого чёрного дерева. Кирилл проводил взглядом цеплявшуюся за корму корягу:

- Что за река?
- Знамо дело – Вычегда! Кому ж тут ещё быть...

Кирилл, уставившись на воду отсутствующим взглядом, начал перебирать в памяти путеводительство Епифания.

⁵ Ещё тёпленьким на тот свет (нем.).

⁶ Кто всем друг, тот никому не друг (нем. пословица).

«Одна река, ей имя Вымь, обходя всю землю Пермскую, впадает в Вычегду. Другая река, именованная Вычегда, исходя из земли Пермской и шествуя к северной стороне, своим устьем впадает в Двину ниже города Устюга на четырнадцать поприщ. Третья же река, нарицаемая Вятка, течёт в другую сторону Перми и впадает в Каму. Четвёртая же река и есть Кама, обходящая и проходящая сквозь всю землю Пермскую, по ней многие народы и племена живут; река эта, устремляясь прямо к югу, своим устьем впадает в Волгу поблизости от города, называемого Болгар. Незнаемо как, но из одной стороны вытекают две реки, Вычегда и Кама, воды одной текут к северу, а другой к югу. Для всякого, желающего отправиться в Пермскую землю, удобен путь от города Устюга рекой Вычегдой вверх, пока она не войдёт в самую Пермь...»

– Мы плывём на север? – решил проверить точность сведений.

– Да не на юг же, встречь солнцу.

На переднем ушкуе убрали парус, подмытый рекой холм оцетинился хитросплетеньем корней.

– Что там у вас? – окликнули с соседнего ушкуя.

«У вас!.. У вас!.. У вас!..» – подхватило эхо в верхушках елей.

– Сели на мель!

«Ель!.. Ель!.. Ель!..» – уточнило причину эхо и затихло, укрывшись мохнатой зелёной лапой.

Поругиваясь, свесились за борт, промеряя вёслами дно и, скидывая рубахи и порты, по одному полезли за борт.

– Не толпитесь, черти! Ушкой потопите!

– И то лучше, чем с мели его стаскивать! Аа-а! Зарраза-а! – пустомеля получил тычок в спину. Взбаламученная голыми телами река приняла их с прохладцей.

– Ничего себе лето! Как лёд вода!

«Да!.. Да!.. Да!..» – подтвердило, посмеиваясь, эхо. Кирилл, помедлив, снял пояс и уж наклонился, чтобы стащить с себя рясу, но его остановил Иван Кочерин:

– Это их работа! Они за тебя утреню служить не станут!

Ушкой, вволю поупорствовав, как ни в чём не бывало закачался на речной глади.

– Бечёвку давай! – закричали из воды.

«Ай!.. Ай!.. Ай!..» – завопило эхо, проскакав по верхушкам елей.

Свесившись за борт, Иван с Кириллом принялись помогать ушкойникам взбираться на судно. Вскоре палуба наполнилась посиневшими от холода людьми. Приплясывая на ходу, каждый пытался как можно скорее натянуть на себя одежду.

– Куда цапаешь?! Это моя рубашка!

– Да на уж, на! А порты мои кто взял?!

Власий озадаченно поскрёб в затылке:

– А ведь неспроста они сели на мель! Хошь не хошь, а к берегу пристать надобно... Суши вёсла!

Первый ушкой, повинувшись Власию, уверенно подкрадывался к берегу, в песчаном чреве которого змеиным клубком сплелись корни деревьев.

– А мы? Нам куда деваться? – закричали со второго ушкуя.

– К нашей корме чальтесь!

Кирилл полез через борт следом за другими на соседний ушкой, а оттуда уже по хлипким сходям – на землю. Власий шёл, не оглядываясь. Почти вровень с ним шагала Анка, ловко перехватывая у него из руки ветви. Ушкойники, топоча, ломанулись следом.

– Куда все?

Иван сконфуженно махнул рукой и пропал в дебрях. Лохматая ель, за которой скрылся Кочерин, сокрушённо покачав лапами, замерла. И в этот самый миг Кирилл почувствовал на себе взгляд...

Разбуженный криками, Пашутка подхватился с мехового ложа, каким служила ему вытертая малица. Увидел ушкой – обмяк, словно некто невидимый схватил его всесильной рукой и зашвырнул в реку времени, бурно бегущую вспять.

*Воспоминания
пошлого купца Павла Васильевича Дуркуя
о событиях 1385 года*

Раздался треск, рухнула мачта, хлынули ливнем стрелы... Выросший на Волхове, я щучонком хотел было юркнуть в воду, но поскользнулся и едва не упал на растянувшегося на палубе отца Иоанна. Батюшка лежал, прикрыв руками голову, а на него капала кровь. И вот тут я увидел Бориску, навалившегося на вывернутое из уключины весло. Он был ранен, но жив. Я как наяву услышал слова, сказанные им в запале час назад: «затёсы на деревьях оставил с метками особыми». А если отец от деда узнал и сыну передал?! Я подхватил его под мышки и перевалил за борт. Ежели что, скажу – спасал... Поначалу даже перевязывал его раны. Но какая за это благодарность? Мальчишка отказывался открыть мне, как выглядит тот знак, который оставлял его дед на своём пути к Зарни Ань. Согласитесь, кусок хлеба нужно заслужить. Мне было горько видеть его упрямство, с каким он твердил, умирая с голоду: «Не знаю... ничего не знаю...»

*Московское великое княжество,
в устье Вычегды,
20 июля 1410 года, после утрени*

Широкая переносица переходила в грубо вырубленный нос. Насупленные брови скрывали суровый взгляд. Ушкойники остановились. Деревянный идол и два его собрата преграждали подступы к старой сосне, которая, как иссохшая трёхпалая рука, подпирала своими вершинами грозное небо.

У подножья лежало отёсанное древо. На нём среди истлевших шкур и крохотных серебряных слитков, похожих на иссохшие шляпки грибов, возвышался топор, едва ли не по обух ушедший в бревно.

– Ты глянь! Настоящий щучий, – Иван хлопнул ладонью по длиннущей берёзовой рукоятке.

– Не касайся! – срывающимся голосом прохрипел Власий.

– Чего орёшь, как кошка на пожаре? – Кочерин отдёрнул руку.

– А то, – насупился Власий, – не знаешь разве, что будет тому, кто дотронется до кумира или возьмёт что-либо из жертвенного?

– Господи боже мой, да я взамен положу что-нибудь другое.

– Ещё раз тронешь, далее иди без меня!

Ушкойники, наступая друг другу на пятки, привычно понесли немудрёные подношения: кожаные браслеты, медные перстеньки, каменные бусы, литые фигурки бородатого Велеса, амулеты-змеевики, двусторонние иконки... Предстояло задобрить местных духов, чтобы поверили: добыча мехов, серебра и золота – это промысел пришедших, но из-за пустого озорства никто из них кумирниц не коснётся.

Кирилл стёр со лба испарину – пара глаз, следившая за ним из ельника, пропала так же внезапно, как и появилась. («Надо быть поближе к людям...») Ломанулся в чашу и тут же наткнулся на багрового от возмущения Кочерина.

– Иван, ты чего это? Вот-вот закипишь, остынь...

– А-а! – безнадежно махнул рукой купец. – Ты лучше скажи – Стефан кумирницы крушил, так? И ему за это ничего не было, так?!

Кирилл открыл рот, но за него ответил Власий:

– А у тебя вера такой же силы?! Хоть в полынью, хоть на костёр, да?

Кочерин, не отвечая, шёл. Острог снова нагнал его:

– У тебя купеческие обычаи есть? Деньги из рук в руки не передавать, первую заработанную гривну с почётом хранить... Есть?! – и, не дожидаясь ответа, окликнул немца: – Отто, ты морские обычаи знаешь? Что моряку хорошо, а что плохо, что можно, а что нельзя?

Не зная, как сказать это по-русски, немец заложил пальцы в рот и бесшумно изобразил свист, а потом замахал руками себе в лицо.

– Точно, – поддакнул кто-то из ватаги, – свистеть – дурная примета, бурю накликать можно.

– Sehr schlecht... – истина требовала полного перечня, но о себе тоже помнить нужно, поэтому он счёл возможным продолжить по-немецки, – eine Frau und ein himmlisch Lotse⁷.

Отто глупо улыбнулся, глядя на озадаченные лица ушкуйников, и как ни в чём не бывало продолжил уже по-русски:

– Также плохо начинать плаванье... am Freitag... в пятницу.

– Мы в среду вышли!

– Vortrefflich! И очень хорошо zum Opfer bringen⁸. – Отто прижал руки к груди, а потом простёр длани в направлении святилища.

– Вот! – поднял палец вверх Власий. – У них тоже без приношений не обходится. Только что он там бормотал: фрау, лостэ... Кто-нибудь понял?

Кочерин, не первый год имевший дела с немецким торговым домом, только вздохнул...

*Московское великое княжество,
в устье Вычегды,
20 июля 1410 года, после утрени*

Пашутка отпустил колючую лапу, и она хлестнула его по глазам. Проморгавшись, он продолжил наблюдение за капищем. Сам он побывал там ещё вчера, вытянув вперёд руки, как девица с караваем. «Совсем изголодался, ни крошки не осталось», – плаксиво причитал он, оправдывая своё подношение. (Он действительно приправлял еду просфорками, прихваченными ещё при бегстве из Григорьевского затвора, запас уже подходил к концу.) Перешерстив взглядом жертвенник, втиснул корочку между двух невзрачных зеленовато-коричневых камушков.

– Совсем из головы выскочило! У меня ведь есть подношение побогаче! – Он достал из-за пазухи одну из последних просфорок и притворно спохватился: – Да что ж я?! Сейчас уберу эту плесень.

Корочка вместе с двумя её соседями перекечевала в потную ладонь Пашутки. Он вполз под ёлку и достал нож. Стоило лезвию тронуть зеленовато-коричневый покров – и самородок сдержанно отозвался огненно-жёлтым сиянием. Не подвёл и второй камушек...

И вот сейчас, наблюдая за ушкуйниками на капище, Пашутка чувствовал себя удальцом: опередил всех. Но купеческую гордость затмевала тревога, отзывавшаяся звоном в ушах, настолько его волновало присутствие среди новгородцев рыжего монаха – того самого, что прибыл в затвор вместе с Епифанием, о котором так часто вспоминал Стефан в свои последние дни.

Пашутка сверлил взглядом Кирилла. («Я всех убедил сначала в своём юродстве, а затем и в смерти. И вот – на тебе! Что этот пройдоха надеется здесь сыскать? Неужели ему с Алферием повезло больше, и хранитель ему выдал Стефанову тайну? Нет. Не было там ничего, да и Алферий после меня уже ничего сказать не смог бы. Мёртвые молчат...») Но тут как раз к тому месту, где Пашутка устроил засаду, рысцой приближался немец. Пошлый купец распластался на осыпавшихся иголках, которые жадно впились ему в живот. Зажурчавшая у самого уха струйка заставила Пашутку зажмуриться. Наконец, всё стихло. Он уже хотел оторвать голову от земли, как вдруг сообразил, что не слышал удаляющихся шагов.

⁷ И очень плохо... женщина и небесный лоцман, т. е. священник (нем.).

⁸ Превосходно! [И очень хорошо] приносить жертву (нем.).

Взгляд Отто был прикован к стволу лохматой ели, на котором проступал затёс с каким-то знаком. Не такой ли он видел на карте, которую взял в качестве трофея у ломбардского купца? Подхватив сползшие штаны, Отто полез за пазуху. Немецкая пунктуальность требовала дотошного сличения. Stimmt aufs Haar⁹! Отто начал ощупывать взглядом соседние ели – ничего... Ну что ж, придётся klein anfangen¹⁰. Убедившись, что он предоставлен самому себе, Отто снова достал карту, деревянную коробочку и иголку.

У Пашутки ломило переносицу и слезились глаза. Он следил за тем, как Отто вертит круглую коробочку, как тычет иголкой в карту, как снова прячет её вглубь потёртой куртки...

*В устье Вычегды,
20 июля 1410 года, перед первым часом*

Не остывшие от ссоры Иван Кочерин и Власий Острог избегали смотреть друг на друга. Кирилл, не выносивший распрей, посапывал на берегу: «Ничего-ничего! Дорога, как река, сольёт воедино все пути...»

Ушкуйники возвращались с капища, опасно обходя стороной черноризца: неловко перед батюшкой выказать себя язычниками. А Кирилл и без того был сам не свой. Его путешествие, начавшееся декабрьским вечером с ухода от погони за Епифанием, пришло к какой-то очень важной точке, значения которой он ещё не мог понять.

Чужая история стала его собственной. Вот уже полгода что ни день, то новое поприще. Добрых полторы сотни рассветов он встретил в пути. Несчитанную тьму тьмушающую шагов прошёл! По тысячам за день, по десяткам тысяч за седмицу. И всё это ради того, чтобы сейчас понять: подлинное странствие только начинается. Он смотрел на Вычегду, а видел текущую вспять реку Времени, по которой уготовано плыть его вопрошающей душе...

Кирилл стоял, не чувствуя под собой ног. Подхваченный стремительной волной Времени, он и поступать должен был так, чтобы не оказаться безжалостно выброшенным на берег безвременья.

– Прошу вас, подойдите все ко мне.

Ушкуйники нехотя приблизились: на скучающих лицах – отчуждение.

– Отсюда начинал свой путь Стефан. Я знаю человека, с которым он был дружен с детства. Его зовут Епифаний. Он – книжник, искусный в плетении словес, – написал молитву, обращённую к своему отсутствующему другу Стефану. Она такая искренняя, что я запомнил её сразу, как только услышал. Мне очень хочется здесь и сейчас прочесть её. Прошу вас, помолитесь вместе со мной.

Ушкуйники переступили с ноги на ногу. Кирилл, повернувшись к ним спиной, размахисто перекрестился:

**О преподавный нашъ отче, священнй епископе Стефане,
аки к живому тебѣ глаголемъ. О, добрый подвижникъ правыя вѣры!
Ушкуйники, вѣдто перед прыжком в прорубь, осенили себя крестом.
Но Кирилл их не видел, он и себя самого не слышал. Глаголила его душа.
Увы мне! Волнѣла посреде пѣчины житийскага моря,
и како постигнѣ в тишинѣ змиления и како дойдѣ в пристанище покалннѣ
Но тако добрый крѣмникъ сын, отче, тако правитель, тако наставникъ,
из глубины насъ от страстей возведи, молюся.
Посоветвѣй и помогай моему сиротствѣ. Створи о насъ, отче, молитвѣ къ Богу.**

⁹ Тютелька в тютельку (нем.).

¹⁰ [Придётся] начать с малого (нем.).

– «Сотвори о нас, отче, молитву к Богу...» – неслаженные голоса, запинаясь, повторили слова, и молитва, подхваченная эхом, растворилась в небе.

*Московское великое княжество, в устье Вычегды,
20 июля 1410 года, до утрени*

Холодный, бодрый рассвет готовился встать над тайгой. Озябший Отто хмуро брёл по щиколотку в тумане к реке. Споткнувшись о полено, подумал было, что сошёл с тропинки, но нет: оно лежало посередине.

– Zum Donnerwetter noch einmal in der Fruhe!¹¹ – выбравшись, Отто отшвырнул и, прихрамывая, продолжил путь.

Он не любил утро по привычке. В любое ненастье матрос обязан, закатав штаны, босиком шлёпать по ледяной воде. Сняв с себя куртку, взялся за бритвенный нож, а подкраившийся к нему из-за спины человек – за топор с длинной рукояткой...

Власий открыл глаза и осторожно высвободил руку, за которую и во сне держалась Анка. Костёр покрылся пушистым слоем золы...

Что-то было не так, но, что именно, кормчий спросонок не мог понять. Так и есть! Ещё с ночи, помочившись на полено с особым заговором, запер ночлег от всякой нечисти, а теперь полено исчезло. Власий припустил к реке. На валуне лежал человек. Свесившиеся руки не сопротивлялись течению реки...

Всполошившиеся ушкуйники кинулись врассыпную кто в парму, кто к реке – искать обидчика. Власий и Анка хлопотали над раненым.

– В лесу кроме нас ни души, – сказал Кирилл и тут же вспомнил взгляд на него самого из ельника. – А может, зверь?

– Окстись, батюшка, на берегу топор валяется.

Отто, не забывая тихо постанывать, ощупал себя, – куртки не было. Тогда он зашептал в последней надежде:

– Es ist kalt! Холодно, очень холодно!

Анка укрыла его шкурой. Она была затвердевшей и дурно пахла рыбой, но не это огорчило Отто.

– Если поймём, почему, то и найдём того, кто это сделал, – Кирилл косолапо переступил с ноги на ногу.

– Да что искать, батюшка! Это всё Иван Кочерин! Я своими глазами видел! – бросил через плечо Власий.

*Московское великое княжество, в устье Вычегды,
20 июля 1410 года, после третьего часа*

Кормчий ткнул пальцем в гвозди с глубокими зазубринами, вколоченные в длинную рукоятку:

– Вот этим тебя и причесали.

– Der Tebel hol mer! Ich war im Unrecht!¹²...

Кирилла колючками репейника покалывала досада. Вычегда больше не выглядела рекой Времени. Кирилл чувствовал себя снова так же, как на берегу Волги, Волхова или Неро-озера: та же крадущаяся поступь зла, та же тяжёлая усталость от нескончаемого поиска того кончика нити, ухватившись за который, бог даст, удастся распутать весь клубок... Рядом нет Епифания. Значит, весь клубок покотился следом уже за ним одним. («Но даже если так, причём тут этот немец?»)»

¹¹ Чёрт бы побрал ещё одно утро! (нем.).

¹² Чёрт меня побери! Я был неправ (нем.).

Власий, переложив топор из правой руки в левую, отвёл еловую лапу, заграждавшую путь, и повелительно посмотрел на Отто. Тот побрёл впереди, стараясь предугадать, к реке его направляет кормчий или к капищу.

Три деревянных собрата грозно взглянули на пришедших. У Отто заломило в затылке. Широко раскрытыми глазами немец наблюдал, как топор в руке герра капитана описывает дугу...

– Ты, Велес, и вы, боги Ена! – Капитана было не узнать: плечи опущены, брови умильно подняты. – Не гневайтесь...

Старая сосна качнула лохматыми ветвями. Приняв это за добрый знак, Власий тихо положил топор в сторонке от остальных подношений. Отто облегчённо вздохнул: каждый имеет право zu Kreuze kriechen¹³. Обшарил взглядом бревно с подношениями. («Как удалось тому, кто взял топор, keine Spuren hinterlassen^{14?}»)

...Чернёный варган лёг на ладонь таинственным ключом. «Здравы будьте! – Власий вдохнул обращение к земле, на которой стоял, к парме, которая обступила со всех сторон, к реке Вычегде. – Простите нас и станьте друзьями и защитниками».

Варган, ожив, подхватил слова Власия на вздохе. Звуки пробежали дрожью по губам и унеслись, перерождаясь в трепет листьев и рябь на воде...

Отто к сотворённой музыке остался безучастен. Он весь обратился в зрение, и не зря: из опавшей хвои выглянула грибная шляпка. Этот junger Steinpilz¹⁵ не походил на те, к каким немец привык на родине. Наклонился – гриб легко оторвался от земли: «Так это хлебцы, положенные друг на друга!» Отто не знал, как они назывались, но видел, как их раздавали в церкви. Обронить тут такие мог только der himmlisch Lotse! Отто оторвал взгляд от просфоры и вскрикнул: из зарослей за ним наблюдал небесный лоцман.

*Московское великое княжество,
в устье Вычегды,
в год 6918 месяца страдника в 22-й день, после утрени*

Отплыли, едва небо осветилось всполохами – предвестниками зари. Иван посмотрел на ушкуй Власия. В последний миг Кирилл отпросился туда.

– Не отрываю от кормчих дел? – Кирилл подсел к Власию. – Ты вчера на этой занятой штуковине играл... Научи меня!

– Вот так так! А тебе разве можно? – подначил его Власий.

– Ну, пылливость утолить – меньшее из зол. Я-то только на сиповке, «ратном игреце», дудеть могу... Ещё в дружине выучился...

Власий достал завернутые в белый лоскут три варгана.

– Они чем-то, кроме величины, отличаются? Голосом?

– Да, у каждого свой. Бери, какой глянется, – он выбрал с ручкой побольше. – Приложи его к зубам, чтобы между ними проходил язычок.

Кирилл, примериваясь, высунул кончик языка.

– Не твой, а варгана! Смотри: теми же пальцами, что крестишься, держишь варган с внешних боков, а большим пальцем – с внутренней стороны. Другой рукой, указательным пальцем, ударяешь по язычку. В твоём варгане он мягкий, а в моём – хлёсткий.

Кирилл приложил ко рту и дёрнул... Железная полоска, дребезжа, ударила о зубы. Звук прерывисто всхлипнул и стих.

– Прижимай плотнее. И бить надо уверенно, но не сильно, чтобы не один только указательный палец двигался, а вся рука. Смотри!

¹³ Ползти к кресту (нем.). Церемония кающихся в страстную пятницу.

¹⁴ Не оставить никаких следов (нем.).

¹⁵ Молодой белый гриб, боровик (нем.).

Кириллу казалось невероятным, что всё это лишь дыхание, претворённое в музыку. («Впал ты, Кирюша, в соблазны...»)

– Ёй-ё-ёй! – угадал, наигрывая, Власий настроение своего ученика.

– Он ещё и разговаривает? – Кирилл с сомнением посмотрел на варган, лежавший у него на ладони.

Кормчий поднёс варган к губам – язычок, повинувшись, проплясал весёлым дождиком. Власий опустил варган – последние звуки разошлись невидимыми кругами.

– Дарю! А мне пора за дело. Железные врата Вычегды позади, так что – олан-вылан¹⁶, Пермь!

Глава X Ош и орт¹⁷

*Пермь Великая, вверх по Вычегде,
24 июля 1410 года, первый час*

Холодные дождевые струи, сбиваемые ветром, косо обрушились на ватагу ушкуйников.

– Эх, напрасно Кирилла одного отпустили, – Иван Кочерин оглянулся в поисках укрытия.

– Это он с виду недотёпа, – возразил Власий, укутывая в плащ Анку, – а на самом деле хват.

Новый порыв ветра поймал плащ за полу и, наверное, вырвал бы из рук Власия, если бы не Иван. Втроём прижались к стволу кряжистой ели.

– Ему с нами тоже не с руки, как и нам с ним...

Иван промолчал. А что скажешь, если ещё на капище всем при батюшке неловко было, а уж по кумирницам промышлять – и вовсе.

– Правильно говоришь, промысел лишних глаз не любит. А этого куда? – Иван кивнул на немца, домовито устроившегося под соседней елью.

– С собой возьму, куда деваться, если пообещал...

– А те двое куда делись? По повадкам мутные...

Раздался треск, с веток стрелами полетела на головы мокрая хвоя.

Отто приоткрыл левый глаз: вывернутые из земли корни походили на щупальца морской твари. Но там, под деревом, капитан! Без него, – Отто в том не сомневался, – после покушения и утраты карты лично ему придётся туго. («Ich bin auf dem Seil tanze¹⁸!») Ель, под которой прятались Herr Capitan, schone Fraulein und seinen Geschäftsfreund¹⁹, приняв на себя вывернутую с корнями сосну, устояла. Повеселев, выхватил клинок... Подоспевшие ушкуйники пустили в ход топоры. Оттеснённый Отто горевал: герр капитан не узнает, что он первым бросился на выручку. Кто-то хлопнул его по плечу, немец вскинул брови.

– Herr Capitan!

– Держи, – Власий протянул топор, – без него тут как без рук. Ну и... как там у вас... Danke!

*Пермь Великая, с. Пырас,
24 июля 1410 года, перед третьим часом*

По односкатной крыше лупил дождь. Квадратная, как короб, изба задумчиво смотрела четырьмя окнами на главную дорогу и кормилицу-Вычегду, чёрную в непогоду. Сатана вытер ладонью мокрое лицо:

– Без лошадей мы всех из виду упустим.

¹⁶ Зд. здравствуй, букв. «живёшь-поживаешь» (древнепермск.).

¹⁷ Ош – медведь; орт – душа, дух, привидение (древнепермск.).

¹⁸ «Я окажусь в шатком положении (букв.: танцующим на канате). Это ясно!» (нем.).

¹⁹ Господин капитан, красивая девушка и его товарищ по делам, торговле (нем.).

– А эти ещё нам зачем? – буркнул Макарий, стоя к нему спиной.

– Затем, что не я немчурю обухом огрел и куртку спёр. – Сатана прошёлся взглядом по высокой подклети и массивному сруб.

На стук отозвались собака, затем в дверях показался хозяин. Волосы на голове, борода и усы, пего курчавясь, делали человека похожим на лесную чудь. Пёс-волк в два прыжка загородил его собой.

– Мы хотим купить лошадь. Ещё лучше две! Задорого! Ты понял?

На Оша слова не возымели действия. Он наблюдал за собакой.

– Может, по-русски не понимает? – Сатана вытащил слиток и защёлкал языком, изображая цокот копыт.

– Омоль войтыр²⁰? – спросил, усмехнувшись, Ош у пса.

Серый, вздыбив мокрую шерсть, зарычал, повернувшись к Сатане.

– Абу! Нет! – бросил Ош, и дверь захлопнулась.

*Московское великое княжество,
р. Клязьма, Троицкий монастырь,
24 июля 1410 года, третий час*

Всё ещё не получивший никаких известий о Кирилле, хотя и после прихода Андроника с Зосимой разослал с оказией запросы, Епифаний погрузился в работу над Житием Сергия. В распахнутое окно доносился шум листвы и редкие птичьи трели, но книжник ничего этого не слышал, в ушах звучал звериный рык.

...много зверей в этой пустыни жило тогда. Некоторые из них были стаями и с рёвом проходили; другие близко подходили к блаженному и окружали его. Среди них один зверь, называемый аркуда...

Спасённое на пожаре Кириллом Тетроевангелие, под обложкой которого таилось и Житие Стефана, лежало рядом. Так много недосказанного... Но ещё более требовался ответ на вопрос, что случилось с Кириллом после того, как его схватила стража в Литве?

Писание Епифанию давалось с трудом. Должно быть, ещё и потому, что время, в которое жили Стефан и Сергей, было и его собственным временем.

...Преподобный, видя, что не из злобы приходит к нему зверь, но чтобы взять из еды что-нибудь немного для пропитания себе, выносил зверю из хижины своей маленький кусок хлеба и клал его или на пень, или на колоду. Медведь брал её в пасть и уходил... Часто и хлеба на день не было; и когда это случалось, тогда они оба оставались голодными, сам святой и зверь. Иногда блаженный о себе не заботился и сам голодным оставался: он предпочитал не есть, чем зверя этого обмануть и без еды отпустить...

*Пермь Великая, вверх по Вычегде,
24 июля 1410 года, после третьего часа*

Аркуда ревел, разинув зубастую пасть: сзади его гнали собаки, а спереди на него наступал охотник с рогатиной. Медведь замотал головой и потащил всех за собой к дереву с зимовьем, сколоченным на сосне кем-то из промысловиков. На нём сейчас и сидел Кирилл.

²⁰ Худые люди (древнепермск.)?

Первый удар о ствол выдержал и настил, и седелец. Лишь хвоя просыпалась мелким дождиком. Охотник размахнулся – аркуда, выпустив кривые когти, отбил удар. Рогатина сломалась. Медведь подмял под себя человека, собаки оседлали зверя, а на них всех сверху обрушились Кирилл и зимовище. В этой куче-мале медведь выбрался первым, рявкнул и засверкал чёрными пятками. Охотник, потирая бока, уставился на монаха.

– Енъ милуйто или юздо²¹? – старательно выговорил тот, вспомнив устюжскую Дарью.

– Ты, должно быть, русский? Из Москвы, что ль?

– Можно сказать, что и так. А ты откуда наш язык знаешь? – Кирилл попытался встать и, охнув, свалился.

– Не ты первый из Москвы к нам пришёл... Сороковой взралыся²² калечит. А ты за меня принял...

– Да ничего, ногу подвернул, у меня посох есть, обопрись...

– Посох... он – твой?

...Стругавший мостки водил топором вкривь и вкось. Всё внимание – зубчатой кромке леса, от которого околицу отделяло лишь житное поле. Там по тропе грузно шагал охотник и нёс на себе добычу.

– Ош! Ош несёт большого чёрного оша!

Стар и мал передавали друг другу весть: Ош добыл своего сорокового медведя! Выстроившиеся у околицы почтительно наблюдали: вот взралысь остановился, вот смахнул пот свободной рукой, вот поправил ношу... Та вдруг заговорила человеческим голосом:

– Давай я всё-таки сам...

*Пермь Великая,
вверх по Вычегде,
24 июля 1410 года, после третьего часа*

Ушкуйники прислушались: звон, приближаясь, усиливался. Но если они стоят, то не церковь же к ним сама идёт? На дороге показались селяне: двое несли на коромысле било, а третий шёл сзади и ударял по нему. Печальный звон растворялся, чтобы вернуться подхваченным эхом. Троица остановилась у креста, стоявшего на лесной поляне.

– Ајо мїјан, вел тыдалан інын волюсо, мед вежаас нимыд... – начал старший. – ...мед воас каналомыд, мед воас гажыд... – подхватили остальные, – ...кучомко вел тыдалан інасын, му вылын²³...

– Он! – Власий закрыл лицо руками. – Опять он!..

– Кто? – подняла бровки Анка.

– Да ты не поймёшь! – Он досадливо махнул рукой, а она обиженно поджала губы. – Уходить надо вглубь, на Удору...

– Да, – поддержал Иван, – не поход, а крестный ход... Крестов понаставлено! Сколько Стефан здесь прожил?

– Вместе с нами в Новгород он приплыл, чтобы на нас же и пожаловаться, когда у меня Прокопка ещё совсем маленький был, – лицо Власия смягчилось и погрустнело.

Анка тревожно взглянула на него, но ничего не сказала. А что скажешь? Эта та часть жизнь (причём большая!), в которой ей места не было и нет. Радости и горести – всё там без неё.

– Стефан тогда уже года два-три крестил их тут, – продолжал вычислять Власий. – Да лет семнадцать он в Перми и прожил, – и, прислушиваясь к удаляющемуся звону, добавил: – Вроде как не зря...

²¹ Как тебя бог милует (древнепермск.)?

²² Охотник (древнепермск.).

²³ Отче наш, Иже еси на небесахъ, да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли... (Молитва Господня, древнепермск. – см. Г. С. Лыткин).

*Пермь Великая, с. Пырас,
24 июля 1410 года, после утрени*

Абу, вздыбив серую шерсть, оскалился, норовя вцепиться в ляжку. Мирошка истошно завопил и, прихрамывая, потрусил к себе... Ош ухватил пса за загривок, проводив соседа взглядом. («Вон как ковыляет... А ведь ты, Абу, едва не задрал медведя, вцепившись ему в ляжки, да? А что если...»)

Не договорив, вернулся в лун керку²⁴. Опершись спиной о стену, сполз на топчан, покрытый шкурой его тридцать девятого медведя. Им был пестун-двухлетка, опаснее которого только медведица. Лишённый лап и головы, теперь он походил на остров. С головой, конечно, было бы красивее, но её Ош, как полагается, похоронил, предварительно выбив зубы, чтобы убитый зверь не смог ожить. Клыки вместе с когтями торжественно покоились на залавке рядом с рогатинами. Их тут ровно тридцать девять. Сороковой здесь не место.

Ош направился в лес, нарочно выбрав путь мимо дома Мирошки. Не услышав на стыне²⁵ ничего, что бы напоминало ржанье или топот, Ош сурово кивнул. Абу зарычал. Казалось, человек и пёс подозревают одно и то же: их сороковой был необычным медведем. Как превратиться в такого, Ош знал от деда: надо снять одежду и три раза перекувыркнуться через голову сонди-гон-пуджид²⁶, а чтобы стать снова человеком – кувыркнуться обратно, сонди-гон-ни-луд²⁷. Только надо, чтобы никто не оставил отметину, как Абу. («А если пёс признал в Мирошке вчерашнего врага?! Да ведь и лошадь почует медведя! Значит, сосед вынужден свести коней со двора?!»)

Прильнув к окошку, Мирошка следил за тем, как Ош топчется у его подворья. («Что ему от меня надо? Волчищем своим едва не затравил... Да и попы не грибы, чтобы их в лесу находить. Всё не просто так!...») Но больше всего Мирошке не нравилось ещё одно странное совпадение: в тот самый день, когда Ош притащил монаха, в селении появились те двое чужаков, что купили у него втридорога лошадей. («Странно, что они пришли ко мне, ведь дом Оша стоит первым...»)

Мирошка продолжал сидеть у окна, поглаживая укушенную ногу. Вот прошёл Ош со своим собакой-волком... Вот косолапо топает черноризец, которого уже всё селение за глаза звало «Сороковой Медведь Оша». Впрочем, Мирошка смотрел на него, а видел другого монаха...

*Видение событий,
произошедших в зиму 1379 года,
туном с. Пырас Мирошкой*

Он шёл, опираясь на посох, размеренным шагом привычного к дальним переходам путника. Из приоткрытого (по оплошности или с умыслом?) сундука на первых санях выглядывали предметы, которые озадачивали: ларцы, напоминающие крошечную домину, подсвечники и масляные светильники, пучки свечей вместе с внушительного размера крестами и совсем крошечными крестиками. Вся эта непонятная утварь притягивала любопытствующий взгляд. Ош тоже был тут.

Ну ещё бы! В Пырасе все знали, что он зачистил в Устюг. Настреляет зверья – и на торжище. Как по мне, так остался бы он там, глаза бы мне не мозолил. Мы в ту пору были в сильной ссоре и на охоту теперь отправлялись врозь. И всё из-за того, что однажды у Оша заболел любимый пёс. В тайге он плёлся позади хозяина, а наутро издох. Ош нашёл возле него щучью челюсть и догадался, что навели порчу.

²⁴ Летняя половина дома (древнепермск.).

²⁵ Крытый хозяйственный дом (древнепермск.).

²⁶ Если буквально, то против шерсти солнца (древнепермск.).

²⁷ По шерсти солнца (древнепермск.).

Я же всегда защищался от заговоров, имея при себе щучий зуб, Ош решил, что я и есть виновник. Надо ли говорить, как я обиделся! Пустяки какие все эти рыбы кости! Тун нужное слово скажет – и дерево засохнет, не то что зверь лапы протянет...

И вот теперь Ош, нянча на руках нового волчонка, шёл напрямик к хозяину обоза: «Видза олан, Степан!» – поздоровался мой вчерашний друг и нынешний недруг с монахом²⁸ как со своим добрым знакомым. – «Олан-вылан, Ош!» – обрадовался тот.

Всё селение изумлённо смотрело уже не столько на монака, сколько на Оша. Откуда он знает, как зовут чужака? И чужак ли тот, если говорит на пермском языке?

Не желая сталкиваться лицом к лицу с Ошем, я пошёл вдоль обоза. Он состоял всего из трёх саней. Содержимое первых было мной уже изучено, потому я начал присматриваться ко вторым: та же утварь, дополненная холщовыми свёртками разного размера и... топорами. Я подошёл к третьим саням: сложенные стопками и перевязанные бечевой, тут лежали книги. Я видел одну такую у забравшегося в наши края ганзейского купца. Но у него была единственная книга, а тут – гружёные с верхом сани!

Полозья заскрипели. Возницы, ими были устюжские дружинники, шли рядом. Обоз свернул во двор к Ошу. У всех на кончике языка вертелся вопрос: «Мыйда?», а у Оша был наготове ответ: «Выйда²⁹!»

Из сна меня вырвал стук. Открыл – хмурые спросонок мужики, вооружённые дрекольем: «Собирайся, Степан у кумирницы!» Ну что ж, я как все. Взял дубину и пошёл. Повернувшись к нам спиной, он прилаживал перекладину на крест. Топор в его руке работал споро...

Окружив пришельца, мы, наверно, подумали об одном и том же: хоть нас и больше, но нелегко придётся с дрекольем против него. Тихо прошелестела трава – это упал топор... Степан стоял, являя собой точь-в-точь сработанный им крест. «Да возьми ж ты топор!» – я и не заметил, как произнёс это вслух. Степан улыбнулся и... повернулся к кресту лицом.

*Еска ме оті Јенмо Ајо, Быдкутьыс, вел тыдалан іносо, муосо,
быд тыдалтомосо, тыдалтомос уджалыс³⁰...*

Јенмо Ајо?! Ни один тун не смеет обращаться к Ену, верховному небесному божеству, создавшему из куска облака землю и всё доброе на ней! Сейчас ударит молния. Зажав дрекольё в руках, мы ждали...

*Оті Мезосо Ісус Крістос, Пі Јенлон, отічужом, Ајыс чужом
водынджык быд немјасыс, Југыдлыс југыд, Јен іна Јенлыс, чужом,
удкалтом, оті еча Ајыскод, Сыон быдон лоома³¹...*

Ісус Крістос, Пі Јенлон? Такого бога мы не знали. Но как убить безоружного туна, которому известен сын самого Ена?

На следующий день Степан снова у креста говорил с Еном. Первыми подтянулась ребятня. За ними, якобы приструнить мальцов, – матери и бабушки. А уж следом – мужики и старики. Слушали, во что верует пришелец. В человека, ради нас сошедшего с небес и страдавшего за нас, и потому распятого, погребённого, а затем воскресшего и севшего по правую руку от отца. В то, что царствию его не будет конца...

*Ајыс петалыс олом уджалыс, Вежа Лол, Ачыс Аслас Ајкод,
Пикод јурбітан, Ачыс нималодом, вод, шуысасон воіном³²...*

Вежа Лол³³? Что за вечно живой дух? И как задабривает его Степан? Оті вежа, Оксома, Ыстомаса вічко³⁴...

²⁸ В древнепермском, да и в современном коми, отсутствуют буквы и звуки «ф», «х».

²⁹ Почему? – Потому! (древнепермск.). Русский аналог: потому что кончается на «у».

³⁰ Вѣрю во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же вѣемъ и невидимымъ...

³¹ И во единаго Господа Ісуса Христа, Сына Божія, единароднаго, Иже отъ Отца рожденнаго прежде всехъ векъ, Света отъ Света, Бога истинна отъ Бога истинна, рождена, несотворенна, единосушна Отцу, Имжевся быша...

³² И въ Духа Святаго, Господа, животворящего, Иже отъ Отца исходящего, Иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема, и славима, глаголавшаго Пророки...

³³ Вежа – светлый, зелёный, святой; лол – дух, душа, жизнь (древнепермск.).

³⁴ Во едину святую, Соборную и Апостольскую Церковь...

Мы вконец растерялись. О какой сходке³⁵ и о каких посланниках³⁶ речь? Он, что, этот Степан, не один к нам явился? И в каком это таком доме все они намереваются приносить жертвы³⁷ своим богам?

Степан остался среди нас один. Устюжские дружинники ушли домой, а посланники, о которых он каждое утро у креста говорил с Еном и его сыном, так и не пришли. Возможно, они, непривычные к нашим зимам, просто заблудились и замёрзли?

В небе повисло словно вылепленное из снега солнце. Пришелец сидел на поваленном дереве, рядом стоял посох, а он строгал короткий шестигранник, который был в середине толще, чем по концам. Отмерив половину, Степан начал вырезать зубцы на рёбрах. Я проверил, при мне ли щучий зуб, и подошёл ближе. Мы едва не столкнулись с Ошем. Каждый сделал вид, что не заметил другого. «Что это будет?» – спросил у Степана Ош. – «Пасы, ну святсі, – пришелец показал на зубцы. – Их триста шестьдесят пять, как дней в году. На каждом ребре по два месяца. Эта линия посередине разделяет их. Сегодня начало года – первое марта, я его отметил особой бороздкой, видишь?»

Я зашёл за спину... По всем сторонам жезла шли пасы. «А это что?» Людям не нравится, когда их окликают из-за спины. Но он даже не нахмурился, стал указывать на метки: «Верба лун, нуисп лун, Куина лун, шор спас лун, оспожа лун, Иоанн Предтеча лун... И я понял: каждый из посланников является в свой день!

Тут кто-то спросил: «Мыи та Вавежедан³⁸?» Степан начал рассказывать, как Ен Пи вошёл в реку, где посланник Иоанн Предтеча крестил людей. Крестос сделал это, надеясь водами погребсти человеческий грех. «Каждый из вас может не только креститься с моей помощью, но и водой окропить своё жилище, орудия труда, чтобы призвать благодать Ена». Хвала Войпелю, в такой лютый мороз никому лезть в воду не захотелось. Все стояли молча. Думали. А это плохо.

На следующий день я шёл к капищу мимо креста. На нём висела беличья шкурка! Сорвать её я не смел. Я не хотел ссориться с богом, живущим на верхнем небе. А вот Степан – это совсем другое дело...

Я отправился к Ошу, захватив с собой четырёх тунов. «Где пришелец?» Ош пожал плечами. В углу в обрамлении черепов с клювами, медвежьих когтей, волчьих клыков висела раскрашенная доска. «Кто это?» – «Ен Пи». Теперь я уже не сомневался: беличья шкурка на кресте – дело рук Оша...

Венец за венцом рос сруб на высоком берегу. Вот уже и тесовая крыша остроконечным шлемом с крестом украшена... Наступил особенный день – Куина лун. Накануне Степан сам об этом сказал: «Завтра день сошествия Вежа Лов на посланников³⁹. Троица – потому что нам явлено попечение о нас всех Лиц Триединого Бога – Ен Ай творит мир, Ен Пи⁴⁰ искупает грехи людей от порабощения Омоля⁴¹, а Вежа Лов освящает в вичку людей, которые Крестос німо веськыда ескысіас⁴². Наша вичку построена во имя Николая Чудотворца. Он помогает утопающим, невинно наказанным, нуждающимся и скорбящим. Мне он тоже помог, я до вас дошёл в его день⁴³... Но я хочу, чтобы вы поняли: вичку – дом для жертвоприношений, но Ену не нужна ваша добыча, ему дорого ваше искреннее обращение к Нему. Это единственная жертва, которую Он готов принять от вас.

Куда ещё медлить?! Я установил лук в расщепу дерева так, чтобы стрела целилась в оконце. Взял с собой ещё один лук и ушёл до рассвета. Степан уже был на ногах: стоял как раз на том

³⁵ Оксома – собрание, сходка (древнепермск.).

³⁶ Ыстома – посланный (древнепермск.).

³⁷ Вис – жертва (словарь акад. И. И. Лепёхина), а вичку – церковь, жертвенный дом.

³⁸ Что такое крещение? (древнепермск., см. словарь у В. И. Лыткина).

³⁹ Святой дух (древнепермск., см. толкование в конце книги). Точнее, апостолов.

⁴⁰ Ен Ай – Бог Отец, Ен Пи – Бог Сын (древнепермск.).

⁴¹ Противник Ена, диавол, низвергнутый им вместе с бесами (кулями) в отверстие земли.

⁴² В Христово имя правоверующие (древнепермск.).

⁴³ Празднование святителю Николаю совершается 22 мая и 19 декабря.

самом месте, куда была нацелен лук. Я прицелился – стрела, коротко прожужжав, воткнулась чуть выше его головы. Степан оглянулся. Наши глаза встретились. «Не убоишься ... стрелы, летящей днём», – он снова повернулся ко мне спиной. Я понял, что опоздал и опустил бесполезный лук. Они все уже были с ним – и Ен, и его сын, и Вежа Лов, и посланники. Будь Степан один, он бы убоился стрел.

Глава XI Две грамоты

*Пермь Великая, в 45 верстах до Усть-Выми, близ с. Гам,
9 августа 1410 года, после утрени*

Проворные руки, скользя по щекам и носу, задержались на глазах. Мирошка попятился. Тун усмехнулся («Боишься, что отниму?») У туна было бесхитрое имя – Ёнто⁴⁴. Гамовцы помоложе считали, что он из слепородов, а те, что постарше, нашёптывали, что его глаза перестали видеть после того, как он прогнал Стефана.

Мирошка, поспешивший с известием, всё-таки опоздал. Ёнто ещё вчера узнал о происшествии, о котором улем гудел Туглим, но ещё не знал Пырас: женщина, девятнадцать лет назад повстречавшая на дороге Степана в прохудившейся обуви и отдавшая ему новую пару, на этой же дороге снова встретила монаха. Он был обут в рваные поршни.

– И что же, он и правда похож на Степана?

– Ну... Н-нет... Он... Ош луп-лап⁴⁵... Рыжий, длинный... – Мирошка понизил голос до шёпота. – Он идёт дорогами Степана...

– Так ты считаешь, что он орт⁴⁶? – усмехнулся тун.

– Но он же идёт его дорогами, Ёнто...

*Пермь Великая, в 60 верстах до Усть-Выми, близ с. Гам,
9 августа 1410 года, после утрени*

Под лопатку впился жалом сучок. Но Пашутка не замечал неудобств, стоял, задрал голову и прижав руки к груди. Сатана с ленцой, так и не спешившись, наклонился и рванул ворот его рубахи.

– Что ты взял у немца? – Замусоленная карта упала на хвою. Сатана мрачно посмотрел на выгоревшие дыры.

– Вяжи его, пусть за твоим конём бежит. Он запомнил и сжёт.

– Я не помню! Ничего не помню! – упал на колени Пашутка.

– У нас вспомнишь, – заверил его Сатана.

*Пермь Великая, в 45 верстах до Усть-Выми, близ с. Гам,
10 августа 1410 года, третий час*

Озираясь по сторонам, Кирилл сбавил шаг. Где же это несчастное селение, где, как сказывал Ош, Стефана едва не убили? Податливый мох скрадывал шаги, и Кирилл от этого беззвучия почувствовал себя потерянным. («А говорили, что сбиться с дороги невозможно, иди себе берегом и иди...») Но тут его ушей достигло слабое жужжание. В стволе зияло дупло. Кирилл повеселел...

⁴⁴ Слепой (древнепермск., см. словарь у В. И. Лыткина).

⁴⁵ Неуклюжий медведь (древнепермск.).

⁴⁶ Мистический двойник человека (древнепермск.).

Спустя мгновение незадачливый бортник кулём свалился с дерева и припустил что есть духу. «Аминь!» – сказал, когда дупло с мёдом осталось далеко позади. Попробовал вытащить мохнатую занозу из ладони – не тут-то было. Пальцы одеревенели. Вцепился в жало зубами. Четырнадцать», – отплёвываясь, сосчитал Кирилл. В ушах ухало... Впереди, среди чёрных стволов вековых деревьев, белели стены изб... Отставшая пчела догнала обидчика. «Пятнадцать», – и схватился за глаз.

Сінтом отложил бубен, стук в ушах Кирилла стих. («А я-то думал – сердце...»)

– Заблудился я, – развёл руками.

– Нет, это я тебя вёл. – Сінтом поднял резную колотушку, и бубен приглушённо отозвался... Раскачиваясь, закружил вокруг костра – и вдруг упал на мох... Кирилл заморгал... («Оттащить подальше от костра, что ли?»)

– Ты не орт! – Сінтом очнулся.

– Вот чудак! Спросил бы, я бы тебе и так сказал...

– Бельчатины хочешь?

– Мне бы орешков...

– Оставайся голодным, – Сінтом дотронулся до его распухших ладоней и переменялся в лице: – Опустит в ручей руки и держи, пока не заледенеют.

Сам ушёл в ближайшую из изб. Вернулся с туюском.

– Пчелиный яд!

– Ох, с меня на сегодня пчёл уже хватит.

– Неvegлас⁴⁷ ты, как и твой Степан! Яд только ядом и лечат...

*Видение событий,
произошедших в зиму 1380 года,
туном села Гам Сінтомом*

Весть о Степане в Гам принёс Мирошка, всклокоченный и несчастный. После неудачной охоты на пришельца он поспешил предупредить меня, чтобы я успел подготовиться лучше его, и тогда посланники Ена не сумеют больше спасти Степана. Про посланников, по правде сказать, я толком не понял, но переспрашивать не стал. У него – посланники, а у меня – заповедная роца с кумирницей.

Истёртый мозг белки (отличное средство от головокружения, которым я страдал после каждого камлания) превратился в пыль, когда ко мне ворвался сосед. «Степан! Степан идёт! У нас! Тут! В Гаме!» Я вышел вслед за Мирошкой.

По селению шёл простоволосый человек в серой от пыли одежде и мягких поршнях. На груди – крест, в руках – посох. Ну что ж, у меня тоже есть посох, его рукоять венчает медвежий череп (точнее, медвежонка).

«Мы не звали тебя», – выступил я вперёд. «Ветлысь-мунысь мортыд уна юысь васо юо⁴⁸», – улыбнулся Степан. Это было очень плохо! Он знал наш язык и потому уже не казался чужаком... «Черыид ассыис на няньсо сёй⁴⁹», – отрезал я. – «Я не попрошу у тебя хлеба, – улыбнулся пришелец, и я понял: мягкая сила способна противостоять самой жёсткой воле. – Просто помолюсь за вас Ену и пойду дальше...» Самому Ену?!

По моему наущению парочка крикунов, затесавшись в толпу, подогрела её, и она стала теснить Степана. Он отступил, не споря...

Все ликовали, а у моей победы был привкус горечи. Сначала я подумал, что это то, что я чувствую внутри себя. Но нет, горьким был дым, который выползал из заповедной роци.

⁴⁷ Невежда, неуч, но здесь в значении: простак (устар., церковно-славянск.).

⁴⁸ Странствующий человек из многих рек воду пьёт (коми пословица).

⁴⁹ Рыба своим хлебом обходится (коми пословица).

В отдалении на пригорке сидел Степан, опершись о ствол вывернутой бурей сосны. Если бы в его глазах промелькнула хоть тень ужаса, мы бы его убили. Но он был безмятежен, и поэтому страх, полагающийся ему, передался нам. «Пусть боги сами поразят его», – прошептал один, пятясь. «Пусть боги...» – повторяли остальные, потянувшись с пепелища. Да! Всякой расплате свой час. Мый гудйыштан, сйю и кокыштан⁵⁰. Я оглянулся на огонь. Он был иссиня-зелёным. Тогда я ещё не знал, что, меняя цвета, ко мне уже подступала слепота...

*Пермь Великая,
в 20 верстах до Усть-Выми, близ с. Гам,
11 августа 1410 года, до утрени*

Кириллу не хотелось уходить, не поблагодарив своего целителя и не задав ему вопрос: «Почему Сінтом сказал о Стефане, что тот был невегласом?» Кирилл снова склонился над ручьём и вдруг увидел то, что не замечал до сих пор: прямо перед ним, на другой стороне, стояла изба. Крыша терялась под мхом и хвоей. («А не глянуть ли?») Толкнул дверь – не заперто, и тут же споткнулся. Подумал, что о спящего на полу...

Из полумглы выступала насупленная переносица и суровая щель рта. Кирилл невольно сжал посох – свой духовный меч. Рядом лежал идол поменьше. «Как отец с сыном», – мелькнула зряшная мысль. Очертания идола-сына были помягче. Присмотревшись, понял: это потому что обгорел до половины. Идол-сын оказался в действительности идолом-калекой. Скрипнула половица. Незачем оглядываться, чтобы понять: это Сінтом.

– Эти избы – кумирницы, ждут своего часа.

– Разве оно когда-нибудь придёт?

– Быдтор локто ас кадо⁵¹, – усмехнулся Сінтом. – Даже смерть.

– А мне кажется, она-то всегда не вовремя...

– Быдтор локто ас кадо, – упрямо повторил Сінтом.

– А его, – кивнул Кирилл на идола поменьше, забыв, что собеседник слеп, – Стефан сжёг или, я не знаю, молния ударила?

– Степан, – со странным удовлетворением подтвердил Сінтом.

– Ты на него вроде как не в обиде?

– Кто ж на мёртвых обижается?

– А когда жив был, то и обида была?

– Если бы была, то не в Москве бы он голову сложил, а здесь. Зачем ворошишь прошлое? Схватит оно тебя, и взаправду тогда ортом сделаешься. Будешь жить тем, что и снегом запорошило, и мхом поросло. Этого для себя хочешь?

Кирилл помолчал... («Сказать по совести, я и не знаю, чего для себя хочу. Или знаю, но боюсь признаться, что завяз в прошлом...»)

– А почему обязательно «для себя»? Стефан ведь не для себя...

– А думаешь, для меня?! Для меня жёг моих богов, которым мои отцы-деды поклонялись?! Для меня мои родные слова на бумагу положил, чтобы ими про своего бога рассказывать?! Человек всё делает для себя! Для себя зверя добывает, чтобы самому быть в сытости и тепле и семье, ежели она есть. Для себя богов умасливает, пушнину им дарит, чтобы в охоте удачливым быть. Так во всём. А если не для себя, то и не для кого! Потому как если меня не будет, то что я для других значу и как я сам тогда узнаю, что они для меня есть?

– И головёшки эти ты здесь собрал тоже для себя?

– Это для тебя они головёшки, а для меня память, не меньшая, чем для тебя твой Степан, для которого мои отеческие боги тоже казались головёшками. Каждый защищает то, что носит в себе.

⁵⁰ Что копнёшь, то и клюнешь (коми пословица).

⁵¹ Всё приходит в своё время (коми пословица).

- И что же, уж и поделиться нельзя, обменяться?
- Всё моё – в головёшки, а всё его – на веру?! Это мена?!
- Скорее, замена. Ты же вот говоришь сейчас по-русски...
- А как же с вами иначе! Если вы даже книги своего Степана не бережёте, лишь потому что они не на русском, то кто же станет с пермянином говорить на его родном языке?! Другого ещё не появилось...
- Тогда в чём он был невеглас?
- На многих языках говорил, а языка личной выгоды не знал.
- Не пойму, то ли ты его ненавидел, то ли любил...
- Любить не за что. Я кумирницы собирал после него заново... А при нём довольно и того, что к нам не захаживал. Я ждал, когда он кому-нибудь понахрапистее его самого поперёк дороги станет... И дождался. Это был Пам-Сотник, конечно! Варышос варыш вартіс⁵²...
- Он ещё жив? Где мне искать его, скажешь?
- Сказать-то скажу: на Удоре. Только ты ведь не просто врагов Стефановых ищешь, а убийц? – Кирилл хотел отрицать, но смешался под взглядом незрячих глаз. – Мы и сами об этом думали, когда он назад из Москвы не вернулся... Те, кто тебе нужен, они не в Перми...
- Кирилл кивнул, не споря. («Всяк от своего гнезда отводит. И в Литве, и в Новгороде, и здесь...»)

*Пермь Великая,
в одном поприще от Усть-Выми,
11 августа 1410 года, шестой час*

- Кирилл, поднатужившись, вытащил ногу и едва не заплакал от обиды: поршня осталась в грязи. Поджав босую ногу, горестно вздохнул.
- Что за цапель? – раздалось над самым ухом.
- Кирилл от неожиданности вздрогнул и потерял равновесие. Уже оказавшись в луже, он укоризненным взглядом отыскал весельчака.
- Ондрей Фрязин, заморский гость, – мягко выговаривая чужезычные ему слова, представился тот, с улыбкой протягивая руку. – Ты обувки лишился, а мы – колёс.
- Поодаль стояла, завалившись на бок, подвода, и без того просевшая под поклажей.
- Придётся плотничать да клинить. Ты случаем не мастеровит?
 - Когда в ратниках был, многое приходилось делать впервые, так что могу попытаться. Только не лучше ли кого-то из пермян попросить?
 - Да есть они у меня в провожатых, только они же верхом привыкли ездить или на дровнях. А ты что здесь? Что за надобность у монаха одному по парме хаживать?
 - Послушание у меня такое, – опустил глаза Кирилл.
 - Не хочешь, не говори. Тебя Исаакию в помощь Москва прислала, да? Тогда один иди, тут рукой подать.
 - А кто это – Исаакий?
 - Хорош монах, – заморский гость усмехнулся, – Исаакий – епископ местный.
 - Да, должен же быть кто-то после Стефана...
 - Года два после его смерти в Перми епископа не было. За это время многое успело случиться.
 - Твоё дело купецкое, тебе то что – есть ли епископ, нет ли, – проворчал Кирилл («Теперь опять придётся надевать те, что Марпа подарила, вот жалость!»). Хлопотавшие возле телеги работники окликнули хозяина. Кирилл, выбрав бугорок посуше, уселся переобуваться.
 - Э-эй, монах, – в голосе купца слышались просительные нотки, – помоги телегу приподнять...

⁵² Ястреба ястреб ударил (коми пословица).

- Да-да, я сейчас, только вот переобуюсь...
- Ты в этом собрался по бурелому и грязи идти?
- Кирилл развёл руками – в каждой руке по поршне.
- Эх, божи люди! – К ногам Кирилла беззвучно упали ладные сапоги.
- Заморские? – сконфузился Кирилл, – я тебе их верну, как только до Усть-Выми доберёмся.
- Не жмут?
- Наоборот, ногам просторно.
- Ну и носи, мне они всё равно тесны.
- Чем могу отплатить тебе? («Третья пара обуви дарёная...»)
- Беседой да трапезой совместной. В дороге важнее ничего нет. Стефан это понимал, даже если врага перед собой видел...
- Так уж и врага? («Вот ведь! И шага не ступишь, чтобы о Стефане не вспомнить...»)
- Да, один из них перед тобой...

*Воспоминания о событиях,
произошедших в весну 6889 года,
заморского гостя и кормленщика Ондreja Фрязина*

Я возвращался в Пермь кормленщиком московского князя. У сердца, вместе с ладанкой, хранилась жалованная грамота Димитрия Иоанновича. Она стояла мне сорока соболей и пяти соколов. Всё это я терпеливо раздаривал московским стряпчим разного пошиба, пока не добрался до палат великого князя. Явился с моим престарелым дядею, который был слаб телом, но крепок рассудком и в подробностях помнил, как ходил в Пермь по пошине при деде и отце нынешнего князя.

Се яз, князь велики Димитрий Иоанновичъ, пожаловал есмь Ондreja Фрязина Печорою, как было за его дядею за Матфеем за Фрязином, а в Перми емлет подводы так было и доселе. А вы, печеряне, слушаите его и чтите, а он все будет...

Лёжа на подводе, я перечитывал это бессчётное число раз. Надеялся, что пермяне меня почтут? В той же мере, как и на то, что полчища комарья поредеют, морозы помягчают, ветры пообреют. Но путь к первой же кумирнице преграждал не суровый охотник-пермянин, не дерзкий добытчик-ушкуйник, а смиренный русин-черноризец.

Я свернул грамоту так, чтобы он мог убедиться в её исправности, узрев печать: святой воин с копьём и щитом – с одной стороны, а надпись «Великого князя Димитрия Иоанновича» – с другой. Поп, ни слова не говоря, достал грамоту с такой же печатью.

И что же теперь? Впрочем, я привык делить Пермь с ушкуйниками, почему и не поделить с церковью? «Церковная десятина» – так ведь это называется? Хорошо, ладно. Я говорил, а поп складывал подношения на медвежью шкуру. Меховая гора росла, переливались на солнце разношёрстные ворсинки. «Ты сам подумай, вот ты сейчас с ног сбиваешься, кумирницы ищешь, поживу на себе несёшь, а мог бы в это время молиться у себя в келье. Твоё ведь дело не промысловое, а божеское. Оба мы – великокняжеские людишки, чего же нам между собой не условиться? Я твою десятину сам приносить буду, ещё и свечек прикуплю...» Молчит, как глухо-немой. Только я хоть и фрязь, но к сану почтение привык иметь. Терплю, продолжаю уговаривать да улещивать...

И вдруг вижу: супостат в рясе те меха, которые в кучу стаскивал, хворостом обкладывает... «Ты что удумал?» – спрашиваю. Молчит, а сам по кресалу чирк-чирк... Огонь занялся, я – на костёр. Что ногами потоптал, что из пламени руками выхватил – в общем, спас малую толику. «Ну, – говорю, – вот это моя десятина, а твоя, уж не взыщи, догорает. Ополоумел ты тут среди своих язычников, что ли? Почему не берёшь себе в корысть?» И тут он, наконец, обрёл дар речи:

«Потому что это часть неприятельская. Я же тут не ради прибитка, а ради просветительства».

Меня всегда раздражала эта русская манера обожать юродивых, а сами они выводят из себя ещё больше: «В блаженного, поп, играешь? Церкви твоей тоже ничего не надо? А откуда вы тогда берёте золотые украшения на свои иконы? Думаешь, не видел, какими камнями сверкают кресты да посохи в руках московского духовенства? Да ты знаешь, поп, скольким из вас я соболей да серебра передарил, чтобы вы нужным людишкам близ князя шепнули о надобности грамотку фрязю исправить? А ты соболей в огне переводишь!» Рука сама схватилась за топор. Он ведь в этой глухомани у каждого наготове. Сзади меня раздался шум. Это были пермяне. Им больше, чем мне, не понравилось то, как хозяйничает в их кумирнице поп-русин. Я подхватил первые попавшиеся под руку меха и вскочил в седло...»

*Пермь Великая,
в 20 верстах до Усть-Выми, близ с. Гам,
11 августа 1410 года, после шестого часа*

Пашутка суетливо погладил Макария по спине и получил тычок локтём в живот... Ещё недавно пошлый купец хныча бежал на привязи.

– Господи, – не выдержал в конце концов Макарий, – он уже коню весь хвост повыдергал...

– А я так думаю, он нам и не нужен вовсе, – мрачно ответил Сатана. – Бред сивой кобылы карта эта, а ну, привязывай его к дереву!

Пашутка тонко заголосил, закатив глаза.

– Не трога-а-айте меня-а-а!.. Я кумирницы знаю, которые Стефан жёг! Головёшки те уже успели снова кумирницами стать...

Гости пришли той же тропой, что и Кирилл. «Его выслали вперёд дозорным? Непохоже... В любом случае урыд лазъяд ачыс оз пыр⁵³», – и Ёнтот отступил к главной из кумирниц.

Макарий, согнувшись в три погибели, подпирал спиной дверной косяк вросшей в землю избушки:

– Зря мы сюда пришли, тут во всех домах – деревянные истуканы.

– Нет-нет, – залебезил Пашутка, – где идола, там и подношения.

– Да сжёг всё твой Стефан!

– Нет-нет, никак не возможно. Он в Гам не ходил, всех гамовцев слепым родом называл. Тут всё, надо искать!

Ёнтот, затаившись в главной из кумирниц, обратился в слух. («Нет, тот русин не мог быть их дозорным, но пришли они по его следу...»)

Всхрапнул конь. Треснула сухая ветка. «Куда привязываешь? Ноги спутай, никуда не уйдёт...» – сказал густой бас. «Батюшка Андреюшка, милый, а ведь могли и куда-нибудь в подпечье спрятать, а то и зарыть, дикари эти...» – зачастил, захлёбываясь, визгливый. Ёнтот дальше уже не слушал. Он вспомнил этот ласковый, услужливый голос...

*Видение событий,
произшедших в лето 1381 года,
туном села Гам Ёнтотом*

После того, как Степан поджёг кумирницу в заповедной роще, я истоптал две пары котов, пока нашёл потаённую поляну. Здесь я и срублю пывсян⁵⁴, накрою в один скат брёвнами, насыплю на крышу земли, хвои и мха, чтобы никто не заподозрил, что это жильё. В углу сложу печь, вдоль стен поставлю лавки и переселюсь к моим кумирам...

⁵³ Белка сама в лузан не полезет (коми пословица, лузан – заплечный мешок).

⁵⁴ Ночлежная изба, банька (древнепермск.).

Вода на бегу тихо журчала, в ней купались редкие солнечные лучи. Вернее, я сначала так подумал, но поднял голову и не увидел ничего, кроме тёмно-зелёных лап елей. Откуда свет? Из воды выглядывал камушек. Его бок тускло желтел. Поднял со дна, провёл ногтем – находка засияла красно-жёлтым предзакатным цветом. Мне стоило труда заставить себя оторвать взгляд от ручья. Каждый камень казался самородком.

Я отправился назад, в село. Находку прихватил с собой. А по дороге мне встретились трое. Они мало походили на ушкуйников. Скорее, на одичавших купцов. Двое из них явно были заморскими гостями, а вот третий был новгородцем... Тогда я и услышал впервые этот услужливый голос. Он тоненько прохихикал: «А ведь неспроста ты идёшь из пармы без добычи? Что несёшь?» Двое других крепко держали меня, а он шарил суетливыми руками и, конечно же, нашёл...

У всех людей, которые смотрят на золото, одинаково остановившийся взгляд. Наверно, я точно так же смотрел на дно ручья, когда мне казалось, что где-то там скрываются другие самородки. Вот и купцы так считали. Напрасно я их убеждал, что он у меня единственный и несу я его в заповедную рощу. Потом они заставили меня ходить по головёшкам. Самому догадливому из них показалось смешным то, как я подпрыгиваю, и он снова захихикал...

Меня выручил случай: сначала раздался собачий лай, затем – многоголосая переключка охотников. Это гамовцы обкладывали волков. Оглянулся: стою на угольях, а рядом никого...

Сейчас я один. И никто не может постоять за кумиров, кроме меня самого. Силки, которые искусно спрятаны под мхом, приводились в готовность из главной кумирницы. Туда я сейчас и отступлю...

Здесь его и нашёл Макарий, приученный белоризцами сравнивать: где мох смят, где трава слегла, где ветка сломлена... Но Синтом в ужасе смотрел на что-то за его спиной. И хотя бывший белоризец видел – враг слеп, всё же оглянулся. И в этот же миг сам стал хуже незрячего. Там, куда смотрел Синтом, Макарию привиделась окровавленная рубаха игумена, бывшего в бою спина к спине со своим учеником...

– Нет тут никого, – Макарий со стуком захлопнул дверь. – Охотники, верно, силки поставили и ушли...

*Пермь Великая, р. Мезень, капище,
13 августа 1410 года, первый час*

Капища на Удоре не подвели: кумиры, как встарь, собирали щедрые подношения... Власий снял с кровли, сооружённой над идолами, очередную лисицу:

– Не пойму, то ли такие богатые, то ли несут всё что имеют?

Два наспех связанных плота проседали под грузом (ушкуи ждали в укромном месте, нечего было бы даже думать пройти с ними до капищ скрытно).

– Хватит, уходим! – крикнул Власий, набычившись.

Каждый спешил на ещё одну – самую последнюю! – ходку, а ревнителю отеческих богов подошли незамеченными. Парма укрыла их своими густыми ветвями, сделала неслышными шаги. Стрелы просвистели песню мести. Поляна огласилась криками и стонами. Уцелевшие втащили раненых на первый плот, впряглись гужом, спасая себя и добычу. Двое из ушкуйников рванулись было ко второму плоту, но Власий заметил их изворот.

– Не жадничать, уходим на одном!

Те сделали вид, что не слышали кормчего.

– Бросай!.. – поперхнувшись, кормчий удивлённо покосился: из левого плеча торчала стрела, расплзлось красное пятно.

Ближе всех к Власию оказалась, конечно же, Анка. Обхватила за пояс и потащила к плоту. Кормчий, зажав рану, оглянулся: удорцы, получив «отступную», отстали. Хотел было вздохнуть с облегчением, но пошатнулся...

*Пермь Великая,
Усть-Вымь, епископия,
13 августа 1410 года, перед вечерней*

Поросшие мхом стволы расступились, и с опушки леса открылся владычный городок Усть-Вымь. На высоком берегу из-за тёса серых крыш выглядывали маковки деревянных церквей. Епископия!.. Телеги свернули на дорогу, взбегающую вверх, к монастырскому подворью.

– Нам и дальше по пути? Ты в обитель? – Кирилл вопросительно посмотрел на купца.

– С гостинцами московскими да заморскими, – фрязь хитрецы подмигнул, – грех к братии не заехать, как считаешь?

Кирилл не успел ответить. Ворота распахнулись. Радушный инок, кланяясь, взял первого коня под уздцы, указывая путь подводам. Навстречу купцу шёл, раскрыв руки для объятий, пастырь в шёлковой мантии. Игумен? А может, сам епископ? Кирилл, отставший было от попутчиков, вдруг перешёл на рысь. Ворота уже почти закрылись, как он протиснулся в них плечом.

– Кто таков, брат? – спросил его вратарь, придерживая поскрипывающий створ. – Из странствующих, что ли?

– Да я вот тому фрязю попутчик. Мне бы к нему.

– А, раз так, то конечно, он у нас свой...

Кирилл припустил, но на середине двора остановился, стащил с себя сапоги. Ондрей Фрязин обернулся, услышав сопение.

– Да зачем? Я ж сказал, они мне жмут!

Мелкий камушек коварно подвернулся под голую пятку, заставив подпрыгнуть... «Должно быть, юродивый», – подумал вратарь, мечтательно глядя вслед ковыляющему босиком Кириллу.

Остыв от внезапного негодования («От страстей спаса нет...»), Кирилл побрёл на берег. В конце концов, ушкуйники, с которыми у него уговор, придут по реке. Перевернутые килем вверх лодки, сползшие к воде баньки – всё указывало на то, что ночлег можно найти и вне стен обители. («Сам виноват. Что этим доказать хотел? Что гостинцев не берёшь? Вот и ночуй вместе с рыбами. Авось не прогонят...»)

Дождик, прежде чем пролиться на землю, сначала опробовал свои силы на реке. Капли пошли мелкой дробью. Вымь потемнела и вспенилась. Кирилл, собравшись нырнуть под лодку, вдруг заметил приоткрытую дверь. Вбежал – и застыл на пороге. Банька оказалась обжитой: к оконцу притулился небрежно сколоченный стол, за ним сидел черноризец. Хозяин и незванный гость смотрели друг на друга, вслушиваясь в шум дождя...

– Прочитаем вечерню? – нарушил наконец молчание хозяин баньки. – Сыламным Тено, бурсіамным Тено, гажа ыдждодамным Тено. Мезосо, келмамным Теныд, Јенмо мїјан⁵⁵...

Ему шёпотом вторил дождь. Слова легко ложились на сердце и, даже не зная их, Кирилл понимал, о чём они...

*Пермь Великая,
р. Мезень, в одном поприще от капища,
14 августа 1410 года, утренняя*

Плот, гружённый добычей, качался на отмели. Хмурые ушкуйники избегали смотреть на избушку за спиной. Просевшая дверь открылась. Ушкуйники – все как один – оглянулись и разочарованно отвернулись: надеялись увидеть кормчего, а на пороге стояла Анка.

– Иван, – окликнула она Кочерина, – Власий зовёт.

Купец, робея, нырнул в приотворенную дверцу... Отто тихонько попятился в ельник.

⁵⁵ Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молимся, Боже наш (древнепермск. – см. Г. С. Лыткин. Зырянский край...).

– Уходим! – донёлся до него голос Кочерина. – Власий говорит, плечо подзаживёт, тогда нас догонит... Анка остаётся. Он и её-то не хочет, а меня и вовсе прогнал, велел вас вести...

Ушкуйники один за другим без лишних разговоров половинили снесь и чистые рубахи, складывали у избушки и хмуро отходили. Вода подхватила плот, избушка в ельнике скрылась из виду.

– А Отто где? – обвёл взглядом ватагу Кочерин. – Сбёг?

– Ага! А Фрол-сотник к Паму-Сотнику подался, – сострил кто-то.

– Уходим! – Кочерин нахмурился. – Я до Устюга, а потом назад.

Ушкуйники перемигнулись: мог бы и не говорить, и так ясно, что свою долю купчина им не поручит, оставит у доверенных людей.

...Кормчий, устав притворяться спящим, приподнялся: зачем осталась, если ничем не помочь, а сама пропасть запросто может.

– Так мы же с тобой, Власьюшка, теперь до самой смерти...

– Брось! Под венцом не стояли, каждый волен собой располагать.

Анка отвернулась, чтобы скрыть обиду, и застыла: в дверном проёме стоял немец с тесаком.

*Пермь Великая,
Усть-Вымь, епископия,
14 августа 1410 года, до утрени*

Кирилл проснулся от озноба, забравшегося под нательную рубаху. Засунул руки под мышки, тщетно пытаясь согреться.

– Да, – степенно молвил приютивший его монах, – такое оно, северное лето. Хочешь согреться – руби дровишки на растопку, чайком потешимся, – он кивнул на стену, увешанную пучками трав.

Кирилл потянулся к топору в красном углу.

– Не замай! Для дров – у двери.

Кирилл попятился к выходу. Молча наколол щепки, растопил, взял вместительный кувшин и пошёл к реке... Когда вода вскипела и наполнилась духом свернувшихся на дне котелка трав, он отважился:

– Что это за такой топор особенный, если под иконой стоит? – спросил, а сам покосился на онучи, которые наматывал на ноги восставший от сна монах: из меха, но потраченные молью, истёртые на изгибах.

– А что ты за инок такой, что в обитель на ночлег не просишься, а по берегу шастаешь? – вопросом на вопрос ответил монах.

– Прости, – Кирилл устало поднялся с лавки, – вижу, что неприятен тебе, лучше уйду. Не сердчай, отче, и спаси, Господи, что приютил.

Не дожидаясь ответа, согнулся, чтобы не задеть макушкой притолоку и зашагал прочь, стараясь ступать размашисто и твёрдо, но коварная речная галька так и норовила подвернуться под босую пятку.

*Пермь Великая,
Усть-Вымь, епископия,
14 августа 1410 года, утренья*

Михайловская церковь была незамысловатой. Неровные ряды мха меж брёвен; маленькие оконца; крыльцо с просевшим от непогод навесом – всё дышало безыскусственностью, если бы не купола. Их было два – один побольше, над самым храмом, и второй поменьше, над алтарём.

Не то чтобы Кирилл затерялся в толпе – в храме было полупусто – и всё же он был один из многих. Человек, пришедший со своей молитвой к Богу. Монахов было чуть больше, чем

паствы. Пели на русском, греческом и только в самом конце – на пермском. Белобородый черноризец вёл тихим речитативом, изредка сверяясь с раскрытой книгой. Его слова подхватывали два-три монаха. Остальные молчали, зато подпевали прихожане...

*Еска ме ѓті Јенмѓ Ајѓ, Быдкутьыѓ, вел тыдалан інѓсѓ, муѓсѓ,
быд тыдылѓмѓсѓ, тыдалтѓмѓс удкалыѓ...⁵⁶*

– Тыдалтѓмѓс удкалыѓ! – повторил с изрядным опозданием Кирилл – на него оглянулись.
– Ты откуда таков? – раздалось за спиной, когда служба закончилась. Вопросавшим был тот самый белобородый черноризец.
– Инок Кирилл, странствую, исполняя послушание.
– Вот так так! Сам-то доволен, что такое исполнять доводится?
– Случаются и огорчения... Из Ростова иду себе мало-помалу...
– Издалека... До тебя у нас оттуда почитай один Стефан был. Помнят про него ещё в Затворе? Кирилл, опустив глаза, кивнул.
– Вот и у нас не забыли, – проронил собеседник задумчиво. – А чего это ты вчера во фрязя сапогами кидался?
– Д-д-да!.. – пожал сутулыми плечами. – Так вышло...
– У Матвейки ночевал? На берегу, в баньке?
– На берегу. В баньке. Только как монаха зовут, узнать не успел...
– Сійо од важ вичкокод оттшотшъя⁵⁷, – рассмеялся книжник. – А пошли ещё разок к нему сходим, авось двоих не прогонит.
...Матвейка, хмыкнув, сдёрнул кусок холста, скрывавший миску, доверху наполненную серебрястыми рыбёшками. Свежевыловленные, они пахли рекой.
– Рыбка исключительно вкусная, особенно если запивать водичкой, она в реке кристальной чистоты. – Матвейка и книжник потянулись к миске, взяли по рыбине, проворно выпотрошив её и, слегка сдобрив сольцой, отправили в рот...
Кирилл отпилил ножом кусочек от самой мелкой из рыбёшек и на лезвии понёс ко рту.
– Рыбу у нас едят руками, – упредил Матвейка.
Кирилл вдохнул, потом выдохнул... («И зачем её запивать, если она и без того только что из реки?»)

*Видение событий,
произошедших в осень 1382 года, иеромонаха
Михайло-Архангельского монастыря Матфея*

Вымь обрушилась на берег, заглотив ближайšie баньки и избы. В одной из них жил и я со своим дедом. Больше никого на свете у меня не было. «Ага, – потрясал дед клюкой, – достучались туны до Йома, смоет Вымь Степанов жертвенный дом!»

Я всегда с терпением относился к старческим причудам, но на этот раз вспылел: «Чему радуешься? Это нас с тобой, а не его затопило!»

Река взяла в осаду и Степанову постройку с башенками на крыше, которые оказались над верхушкой прокудливой берёзы. Однажды я поднял глаза и увидел: от неё осталась лишь пара толстых ветвей. Мне казалось, что молния поразит Степана, его вичку, а заодно и меня, оказавшегося рядом, потому побежал во весь дух к деду. Нам никак не хотелось пропустить миг мстительного торжества наших богов, и мы взобрались на крышу. Вечерело, накрапывал дождь... «Пошли греться, ыджыд ай⁵⁸, дай помогу слезть...»

⁵⁶ Вѣрую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣм и невидимымъ...

⁵⁷ Он ровесник старой церкви (древнепермск., см. словарь у В. И. Лыткина).

⁵⁸ Великий отец (как и в большинстве языков), дедушка (древнепермск.).

Наутро я снова отправился на крышу. За ночь берёза стала безрукой! Может, боги покарают Степана завтра? Следующий день пришёл вместе с проливным дождём. Дедушка тихо похрапывал на печке, а я слушал дождь. Динь-дон! Динь-дон... Крик! И снова – динь-дон! Крик!

Пару раз поскользнувшись, я взбежал на холм, который утонул в тумане. Я не сразу разглядел за этой мутной пеленой чёрную рясу Степана. Он едва ли не сливался со стволом прокудливой берёзы. Раздался страшный треск. Мне даже показалось на миг, что это разломилось пополам небо. На самом деле дал трещину ствол – с утробным стоном. Взметнулось чёрное облако. Я упал наземь, успев заметить, как отпрянул Стефан. «Значит, ему тоже страшно?»

Тихо накрапывал дождь, высоко в небе кружили вороны, снявшиеся с берёзы, а она сама лежала поверженная на земле, Стефан сосредоточенно отряхивал рясу. Я уставился на торчащий из земли пень. Он желтел свежим сколом, а поодаль высилась меховая горка. Меня начал бить крупный озноб от страшного прозрения: Стефан воевал с берёзой – чтобы отнять у неё дары для своей вичку!

«С тунами не спорь и близко к себе не подпускай, – учил меня дед. – У нас с ними мера жизни разная. Нам с рекой да пармой ладить надо, а им – с богами». Но Степан заметил меня. «Иди сюда», – позвал он, копясь в меховой куче. Я остановился не так чтобы близко, но и не так чтобы далеко. «На вот, возьми, отличные онучи выйдут», – он протянул мне пару шкур, не спуская глаз с моих ног, выглядывавших из рваных поршней. Я отступал, пряча в замешательстве руки за спину...

*Пермь Великая,
р. Мезень, в одном поприще от капища,
14 августа 1410 года, первый час*

«Ent oder weder⁵⁹», – эти слова он не однажды слышал на парусниках от «косторезов». У них же Отто почерпнул и лекарскую премудрость: чтобы пациент попытался выжить, ему надо попытаться отрезать то, что причиняет боль. Раненого полагалась, напоив допьяна, привязать к широкой доске, даже если это herr Capitan! Но он смотрел на Отто спокойно и трезво:

– Почему не ушёл со всеми?

Отто хотел было сделать вид, что не понял вопроса, но herr Capitan нетерпеливо махнул здоровой рукой:

– Брось! Всё ты понял. Зачем остался?

– Не успеют они вернуться, – Отто кивнул на раненое плечо. – Sie sich selbst das Leben abgesprochen haben⁶⁰...

– Сам знаю, – грубо оборвал его Власий. – Потому всех и отправил, только она вот осталась, а теперь ещё и ты. Покоя от вас нет!

Раненый закрыл глаза, давая понять, что разговор закончен. Отто тесак покрепче стиснул и – лезвие в огонь, чтобы прокалилось. А теперь пора mit Feuer und Schwert zerstören⁶¹.

Власий не успел глаза открыть, а немец уже в рану нож всадил. Кормчий хрипло вскрикнул и обмяк. Отто обрадовался: хорошо, а то сур не шнапс, в голову бьёт слабо, лучше уж потом налить и себе, и ему, если, конечно, очнётся. Кромсал почти вслепую. Кровь, в три ручья бежавшая, мешала, но «косторез» стрелу, глубоко сидевшую, вырезал...

У Отто было такое чувство, что он снова на цепи. Только вместо галеры – банька. Да и женщина, которая его тут приковала, отнюдь не капитанша корсаров, хотя по характеру тоже – валькирия. «Ну что ж, – усмехнулся про себя, – рабы галеру не выбирают...»

⁵⁹ Буквально: либо так, либо этак (нем.).

⁶⁰ Вы сами себе вынесли смертный приговор (нем.).

⁶¹ Предать огню и мечу (нем.).

Глава XII

Спор о вере

*Пермь Великая, Усть-Вымь, епископия,
22 августа 1410 года, до утрени*

Смоляной чёлн качался на волнах, его дно устилал, отливая серебром, богатый улов. Ловушка, сооружённая из дранки, напоминала собой морду с разинутой пастью, в которую заплывала беспечная рыбёшка, за которой сама собой захлопывалась берестяная дверца. Кирилл, опустошив в очередной раз «гымгу» («Как я её назвал? Боже, я уже и думаю по-пермски...»), опасливо тронул за хвост одну рыбёшку, другую... Искал для трапезы уже уснувшую. Найдя, выпотрошил и, скупно посолив («Каждая крупинка на учёте...»), съел. Зачерпнув пригоршней забортную воду, запил...

Кирилл уже не впервые ловил себя на том, что его взаимоотношения со временем изменились. Если раньше он чувствовал, что река бежит вспять, то теперь время остановилось. Вставало и садилось солнце, сменяли друг друга дни, но все они были наполнены одним и тем же: молитвенным правилом, нехитрым трудом, неспешными беседами. («Я почти не думаю ни о послушании, ни собственно о Стефане. Всё это просто растворено в этой реке, в этом лесу, в этой епископии... Нет, в епископии, пожалуй, меньше всего...»)

Кирилл оборвал себя укоризненно («Ловишь рыбу? Вот и лови!»). Взяться за сеть – и едва не выпустил: как нарисованный из тумана возник ушкой. Кирилл плюхнулся на скамейку, лодка зачерпнула бортом («Это что же? Уже за мной?!»). Поднял голову – нет ушка, зато на его месте чёлн качается. Вот уже и лицо сидящего на вёслах разглядеть можно («Иван Кочерин держит слово купецкое...»).

Лодки с тихим всплеском стукнулись бортами. Иван с сомнением покачал головой:

– Уж больно ты, батюшка, на рыбака стал похож, если б не рыжая борода, то и не признал бы...

Кирилл, и без того чувствуя в себе перемену, вздохнул:

– И всё же, Иван, это я. А сам как? Дело своё справили?

Иван, помолчав, рубанул веслом воду...

– Власий раненый лежит, того и гляди богу душу отдаст. Зипунами мы тоже не разжились, большую половину пришлось вернуть, чтобы ноги унести, – купец помолчал и прибавил преувеличенно спокойно: – Но я тебя сюда взял и отсюда...

Кирилл не дал ему договорить:

– А Власий? Может, в епископии уход лучше, чем на ушке?

– А его нет с нами, он отказался. Остался в баньке на Удоре, в одном поприще от того капища, где нам так не повезло. Анка с ним.

– Да как же!..

– А ты не проповедничай! Я тебе ничего худого не сделал! А вот у меня с твоим появлением... О гибели брата от тебя знал! Друга и подельника, с которым не первый год в Пермь ходим, почитай, тоже потерял именно тогда, когда ты тут!.. Да и прибыток с этой ходки никакой!..

– Прибыток, – повторил Кирилл. – Ну-ну... Что ж ты Власия отпеваешь раньше срока, он ведь живой был, когда ты уходил...

– Ушёл я для того, чтобы вернуться, ясно тебе?!

– А не поздно будет?

– Не знаю, – сник Иван. – Он нас прогнал. Рана тяжёлая, а тут путь такой, что и здоровый костей не соберёт...

– Бог даст, выздоровеет, – примиряюще сказал Кирилл. – Ты прости меня, судейство не моё ремесло. Может, вправду из-за меня всё...

– А!.. Не виноват ты, промышляем грешным делом... Удача, видно, вся вышла. Я думаю, может, ты для совести послан? Мне Власий сказывал всех уводить – да, это так. Но я ведь о барышах думал...

– Для совести другой человек не нужен. Это так совпало, что она тебя тут, когда ты до меня доплыл, прихватила. А я... остаться решил.

– Ты, батюшка, одурел?!

– Да не то чтобы... – вспомнив, потянул за сеть. Улов перекочевал на дно лодки, рыбарь вытер скуфейкой лицо: – Знаешь, Иван, чудное тут со мной приключилось. Я... как бы это сказать... во Времени потерялся. Если бросить вёсла, то течение будет нести, так ведь?

– Ну...

– А я вроде как гребу изо всех сил, а всё на одном месте. Понимаешь? Только это не вода вокруг, это – Время.

– Даже и не знаю, что сказать... Похоже, тебе не легче моего...

– Да нет, мне хорошо даже. Вроде как вот-вот причалю к берегу...

– Однако собирайся, нам тут стоять не с руки. («Вот уж я влип: ждал проповеди, а попал на исповедь...»)

– Понял! – лицо Кирилла прояснилось: – Это не я тебе, а ты мне дан, чтобы у меня был повод остаться! Ты к Власию меня пошли!

– Сам не доберёшься...

– А я с кем-нибудь! Придумал! Я с фрязем пойду!

– Неужто мы его обошли? – оживился Кочерин.

– Ну да, седмицей раньше я его по дороге встретил.

– О, и ему, значит, подфартнуло, – не удержался купец.

– Ты б мне карту какую-никакую начертил, где Власия искать?

– Ага, чтобы фрязь по моим наметкам кумирницы чистил... – Кирилл засопел, Иван махнул рукой: – Ладно, есть чем рисовать?

*Видение событий,
предшествовавших 1396 году, иеромонаха
Михайло-Архангельского монастыря Матфея*

Всплеск на реке, скрип сосны, звериный рык – всему своя причина. Природа не человек, она на ветер слов не бросает. Когда живёшь среди всего этого сызмальства, то чувствовать учишься прежде, чем говорить.

Над владычьим городком сгущались тучи. Я это понимал, но объяснения не находил. Возможно, если бы я сопровождал владыку Стефана в его поездках почаще, то устройство внешнего мира не казалось бы мне схожим с пармой. Сейчас, когда седины в моей бороде больше, чем в тогдашние годы у владыки Степана, я понимаю, как простодушно было моё толкование человеческой природы, будто породы деревьев.

По молодости мне казалось это очень удачной затеей – находить ключ к пониманию сути людей, отыскивая для каждого свой двойник, «ас пу». Отче Стефане напоминал взметнувшуюся ввысь ель, под раскидистыми ветвями которой уже прорастает молодой ельник. Но я не мог не замечать того, чего не видел сам владыка: около него частенько увивались опасные корыстолюбцы. Не люди, а людишки.

Однажды владыка провёл рукой по лицу, словно умылся: «Хорошего человека, Матфей, можно и отпустить от себя подальше, он ещё лучше от этого станет, а скверного надо держать поближе, чтобы на глазах был и худого не натворил по злобе или корысти». Тогда я этого не разумел, а сейчас нет-нет да и спрашиваю себя: а ведь отпустил владыка на Удору Пама-сотника – выходит, не считал его пропащим человеком? Теперь уже не спросишь... А вот в отношении фрязей да ушкуйников не сомневаюсь: он приглашал их за свой хлебосольный стол (в глазах

каждого читалось непонимание того, как все они оказались здесь вместе), выходил к ним и произносил по-пермски:

Ајо мијан, вел тыдалан инын волысо, мед вежаџас нимыд⁶²...

Он не спрашивал никого, кто к какой вере относится. Он просто вынуждал их встать, отдавая должное вере гостеприимного хозяина. Всякий раз меня охватывало смешанное чувство: тревоги – за владыку, находившегося в таком странном окружении; гордости – за Пермь Великую, которую невольно чувствуют сейчас все эти фрязи, ушкуйники и оброчники, нахлынувшие в наши места ради поживы.

...τόν αρτον ήμών τόν έπιούσιον δός ήμίν⁶³...

Затем отче Степане начинал по-гречески. И я видел, какими растерянными становились лица иных гостей (слышать такое им доводилось лишь в раззолоченной Византии, в которой неизменно заканчивалось их странствие). Некоторые в смятении присоединяли свои голоса, благодаря Господа нашего за хлеб, даденный им в Великой Перми. Закончив по-гречески, владыка переходил на церковнославянский:

...и не введи насъ во искушение, но избави насъ от лукаваго...

Эти слова повторяли за ним уже окрепшие голоса новгородцев, а то и фрязей, которым, чтобы дела вершить, приходилось русский учить. Теперь я понимаю: отче Стефане вынуждал пришельцев считаться с нашей землёй, которую своей молитвой ставил в один ряд с Византией, Московией и иными русскими княжествами.

Павел Васильевич Дуркуй зачастил к нам. Порой приходил один. У нас же расплодился слух, что на Пашутку, как его все называли, иногда находит. У кого поднимется рука выгнать убогого? Перезимовал, а по весне исчез... Я помню, каким взглядом обвёл отче Степане келью. Он знал наперечёт каждую книгу, грамотку, карту. К этому я привык, но меня удивило другое: почему отче учинил поверку своему хранилищу после исчезновения Пашутки, как и после гостевавших фрязей или ушкуйников? По мимолётной улыбке я понял, что владыка закончил свой учёт и итог ему показался крайне любопытным. Так он улыбался – печально и загадочно – после отъезда ломбардского купца Йохана Клая. Тогда я и услышал слова, значение которых осознал, спустя многие годы: «Горе тому, через кого совершаются искушения...»

*Пермь Великая,
р. Мезень, в трёх поприщах от капища,
25 августа 1410 года, вечеря*

– Не только для людей, но и для дорог есть свой ад, – Ондрей Фрязин стёр со лба серое месиво из мошкеры. – Все самые лучшие дороги – прямые и ровные – попадают в рай, они где-то рядом с Римом, можно сказать, под дланью Папы. А все самые худшие – те, которые и не дороги, собственно, а так, одни направления, – они, соответственно, отправляются в ад. Он здесь!

Чертыхнулся и оглянулся на свой отряд: три московитянина-дружинника, выделенных боярами, вошедшими в долю, да манак.

На Удору пошли без местных. Мирошка из Пыраса, у которого для фрязей всегда всё наготове, и тот отказался: «Абу! Степана уж нет, а Пам-Сотник ещё там...»

Разожгли костёр. Стали варить похлёбку. Кирилл принёс охапку-другую сухого валежника. («Фрязь у ушкуйников перенял манеру похлебать горяченького и соснуть в тепле и сухости...»)

Фрязь свернул затёртый на изгибах дорожник Ивана Кочерина:

– Знавал я карты и получше...

– Что ж при себе не держишь? – устало усмехнулся Кирилл.

⁶² Отче наш, Иже еси на небесѣх, да святится имя Твое... (древнепермск.).

⁶³ ...хлѣбъ наш насущный даждь, намъ днесь... (древнегреч.).

*Воспоминания о событиях,
произошедших в лето 1391 года,
заморского гостя и кормленщика Ондreja Фрязина*

Мы сидели за длинным столом, на котором кое-где проступали жёлто-коричневые следы красок. Живопись? Здесь? Не то чтобы я питал глупую иллюзию, что отыщется на Руси такое место, где я могу почувствовать себя как в родной Флоренции, но мне было приятно угадывать в жилище пермского епископа намёк на мастерскую художника.

Место хозяина в красном углу под образами ещё пустовало. Расположившиеся по обе стороны стола были странным собранием людей. Нигде больше мы бы не сидели так рука об руку: иноземные купцы, новгородские ушкуйники, московские ратники (в нашем промысле меч нужен чаще, чем весы, – где торговля, там и грабёж, а где грабёж, там и бойня).

Всех нас сюда привёл один и тот же речной путь, и он же поутру разведёт. Этот епископ, у которого мы сейчас в гостях, знал, что делал: его владычный городок точнёхонько на перекрёстке водных торговых дорог. Все – и те, кому далее за Каменный пояс, и те, кому встречу, к моим родным местам, – идут по Выми и Верхней Вычегде.

«Тут не дадут пройти мимо без угощения, – склонился ко мне широкоплечий незнакомец, безошибочно угадав во мне такого же иноземца, как и сам, – только вот прежде еды и пития песнь молитвенная, и во время, и после...» Я отделался в ответ гримасой улыбки. Ни одно из правил Святого Бенедикта мне не под силу. Обет бедности? Целомудрия? Послушания? Готов лишь дать один обет – обет странника, и то ради того, чтобы стяжать богатство. Да! Я таков, каков есть, и абсолютно уверен, что все, кто сидит за этим столом, включая тех, кто будет сейчас усердно крестить лоб, ничем меня не лучше.

Я это отношу не только к собранию случайных гостей, но и к хозяину, которого мы ждём. Ах, он епископ! Ну что ж, это ровным счётом ничего не значит. Если он человек (а он человек!), то его человеческая природа такова же, как и у всех остальных... Епископия уже существует седьмой год, и я, получивший эти края в кормление от московского князя, изредка сюда навещивался, но чаще посылал вместо себя мною же нанятых ушкуйников. Понятное дело, они не упускали свою выгоду, но оговоренную долю (на четвертину меньше той, которую они платили в Новгороде) отдавали исправно, а я за это снаряжал их за новыми зипунами. И не только в Пермь. Но однажды, вернувшись из Европы (пермские соколы были там в цене у вельмож-охотников), я узнал, что о найме мною новгородцев стало известно их епископу. Ушкуйникам со мной выгоднее, да только жить им не во Флоренции, а в Новгороде. Поехал я в Пермь снова сам, хотя конечным пунктом длинной речной и морской дороги был для меня Константинополь.

От нечего делать я рассматривал сидевших. Вот бывшие мои работнички, они знают о Перми больше, чем о Новгородчине. А вот ещё явление – кажется, тоже новгородец (я слышал, как ушкуйники, посмеиваясь, величали его за глаза Пашуткой, а в глаза – Пал Василичем). Да и мой плечистый сосед тоже ещё тот фрукт: глаза бесцветные, но цепкие. Как он себя назвал? Йохан Клай, ломбардский купец? На немца не похож, не удивлюсь, если его послал сюда Ливонский орден...

Что нас – непримиримых соперников – заставило сидеть тут рука об руку? Я не мог этого понять, пока не увидел епископа. Это был тот самый черноризец, которого я десять лет назад оставил в лесу.

Чувствовал ли я угрызение совести тогда, когда схватился за топор или позже, когда бросил один на один с разъярённой толпой? Честно говоря, нет. Ведь хотел с ним по-человечески договориться, долю ему – считай ни за что ни про что, – предлагал, а он... Потом нет-нет да и вспоминал этого щаупрямца, но ушкуйников о нём не спрашивал, мало ли монахов со времён Святого Бенедикта по дорогам странствует да чудит, как может...

И вот теперь мы снова встретились. Он прошёл на своё место и, не садясь, обвёл глазами гостей. То ли мне показалось, то ли он действительно задержал взгляд на мне?.. Не знаю, уже спустя мгновение он повернулся к нам спиной. Мне с моего места не было отчётливо видно, но

я и так знал, что мы будем вторыми, с кем он заговорит во время трапезы. Первыми же будут те трое, что изображены на иконе... Он молился, склонив поседевшую голову. Большинство покорно начали креститься, а я строил предположения: сам ли он написал этот образ. Брызги красок на столе наводили именно на эту мысль. Но ещё более художника выдавало то, что икона была лишена золотых или серебряных украшений. Оклад – кажется, так это называется?

Общая беседа напоминала костёр под дождём: не разгоралась, но и не затухала из-за вспыхивающих то здесь, то там искр потаённого интереса. Не спросишь ведь епископа напрямую: мол, каким промыслом кормится твоя паства, в каких дебрях и топях скрываются те, кто жертвует в щедрой наивности староотеческим богам свою добычу? Становиться на ночлег разбрелись засветло. На рассвете в путь: раньше выйдешь – больше одолеешь за день...

Я проснулся с обманчивым чувством, будто выспался. В келью меня поселили на пару с тем самым широкоплечим иноземцем. Не услышав дыхания спящего, я коснулся рукой места у стены, где укладывался с вечера Йохан Клай – пусто. Вышел во двор. Ноги быстро промокли, столь обильной была роса. Впереди смутно угадывались силуэты двух церквей. Постройки поменьше растаяли во мгле, но одно оконце тускло желтело. Это было единственное светлое пятно. Вдруг оно, помигав, исчезло и возникло снова, но уже на другом месте, высветило широкоплечую фигуру в дверном проёме и погасло. Похоже, епископ (его келью я заметил ещё с вечера) закончил ночные бдения. Надо и мне попытаться уснуть...

Надежды на раннее утро не оправдались. Отовсюду, куда только хватало взгляда, полз густой туман, потому и причаливший чёлн, и человек, вышедший из него, были для меня неожиданностью. Сначала проступил тёмный контур одежд... Лодочником оказался Стефан!

«Задерживается ваше отплытие», – вместо приветствия сообщил он, вытаскивая на берег своё судёнышко. Я ответил колкостью: «А ты самый зрячий?» Он едва улыбнулся: «Зрю как все... Я с вечера уплыл...» С вечера?! Я был уверен, что воскликнул это лишь про себя, но, видимо, епископ без труда читал и в душах, и в мыслях: «Моим отсутствием воспользовались?» Я оставил его вопрос без ответа. «Зайдёшь в гости?» – спросил он и растаял в тумане. («Он поуже в плечах и повыше того, кто стоял в дверях его кельи, Йохан Клай – вот кто это был!»)

Разумеется, я не собирался выдавать ломбардского купца лишь потому, что тот расторопнее меня. Но мне хотелось успеть до отплытия вызнать, чем он разжился. Для этого нужно было отделаться от Стефана. Скажу, что заплутал. Взял чуть правее и... наткнулся на него же: «Я подумал, ты можешь сбиться с пути...»

В келье он, привычно лавируя, прошёл к столу, а я замешкался на пороге, выбирая, куда бы ступить. Всюду были стопки книг, щедро присыпанные свитками и разрозненными листками. Где тут голову преклонить, я, как ни старался, не смог отыскать. Книги, всюду одни только книги, а ещё – карты. Нарисованные опытной, но торопливой рукой, они были испещрены какими-то знаками, некоторые повторялись. Но вскоре я о них забыл, потому что увидел то, что сначала принял за родовое дерево. Но потом, присмотревшись, понял: листья и ветви очертанием своим напоминают земли – Новгородскую, Ордынскую, Московскую, Ливонскую, Тевтонскую, Литовскую, Польскую... А цвет? Почему разные княжества, хоть и вдалеке друг от друга, одинаково окрашены, а прочие изобилуют оттенками?

«Мир, разбитый на сотню цветных осколков, которые, чтобы обрести цельность, предстоит собрать», – Стефан кивнул на карту. – Что ещё делает наши представления о сущем столь сопоставимыми? И родственные связи князей, и устоявшаяся вера, и новые веяния, вызванные борьбой за власть, и язык, посредством которого обращается друг к другу большинство, – всё имеет значение. А вот Золотая баба, которую вы все ищете, капища, которые обшариваете, на этой карте будут не больше точки, соразмерно величине, сиречь значимости для общего мироздания». Я возразил: «Нет! Дорожники хранят лишь сведения в днях пути и в мерах длины да каркас маршрутных чертежей. Только и всего!» – «Просто положить свои земли на карту – этого мало...»

Во мне закипало раздражение, подстёгнутое бессонницей: «Свои земли?! Ты мнишь Пермскую землю своей?» – «Не своей, но московской...» – «Не уделить ли тебе толику внимания удалённости твоей Москвы от Перми? Что ей ближе – Новгород ли, Ливонский орден

ли, Литва ли, Орда ли или твоя Московия в окружении таких же мелкотравчатых княжеств, как сама...» Он не обиделся, но спросил: «Ты свою выгоду создаёшь одним махом или же по крупичкам?» – «Как в любимой твоей Московии сказывают: птичка по зёрнышку клюёт». («У меня товар всяческий: меха, соколы, оружие, вино, бумага и даже... новости. Кому что надо, то и везу. Вздумай я свою карту начертить, занятно бы получилось из-за хитросплетений...») Стефан неожиданно рассмеялся: «В Московии мне, когда укорить хотят, говорят: «в твоей Перми», а тут – «в твоей Московии»... Птичка – по зёрнышку, а государственность – по камешку в основание его... Сущность единой веры скрепит эти разрозненные камни, тогда и Московия не покажется ни тебе, ни кому другому мелкой и удалённой...»

Говорить больше было не о чем, надо было поспешить. Увы!.. Йохан Клай уже отплыл... Я его увидел вновь лишь спустя девятнадцать лет, за Наровой, с перерезанным горлом. На него напали, когда он спал. Рядом с телом не было ни товара, ни барыша, ни потаённого дорожника...»

*Пермь Великая,
р. Мезень, в одном поприще от капища,
год 6918 месяца моза в 28-й день, до утрени*

Фрязь хотел и не хотел найти Власия. Хотел – потому что надеялся, что кормчий – особенно, если будет совсем плох, – откроет ему дорогу к капищам Пама. Не хотел – потому что раненый их свяжет по рукам и по ногам. Не говоря уже о том, что монах, сбивший в кровь ноги, потащит Власия уж никак не на капища, хотя его Пам, кажется, интересуется не меньше, чем дорога к пивсяну с Власием.

– Банька должна быть где-то у воды, – несмело предположил Кирилл, – если будем идти всё время вдоль берега, наткнёмся.

– «Всё время!» – передразнил его фрязь и посмотрел на Кирилла, как тот бодро хромал в рваных поршнях. Нагнал и протянул сапоги.

– Ты ж говорил – подарил кому-то?

– Надевать будешь?!

Кирилл, взглянув на исполненное мрачной решимости лицо фрязя, взял молча, а тот продолжил наступление:

– Ты, человеколюбец, за мной только ради Власия увязался?

– Ну, не только...

– Не тушуйся, – фрязь облегчённо выдохнул. – Всяк человек за свой интерес радеет, а если того не заметно, так только до поры...

– А Стефан? – Кирилл в ожидании ответа замер с левым сапогом в руке, правый к тому времени уже был обут.

– И он. Если бы было иначе, то жив был бы по сей день.

– По-твоему любой, у кого есть свой интерес, рискует сложить голову? А сам ты тогда ещё как жив?

– А ты не каркай, – одёрнул его фрязь. – Интерес интересу рознь.

– Какая ж разница, если всякий интерес личный? – Кирилл, помешкав, натянул второй сапог.

– А вот какая! Видишь, к примеру, этот лес? Чей он?

– Да ничей, общий, наверное.

– А я возьму и делянку вырублю. И ты – тоже, и ещё кто-нибудь... Глядишь, пни одни торчат. Конец интересу любого, кто после нас сюда сунется. Если, конечно, прежде мы с тобой сами за одну и ту же ёлку не схлестнёмся. Пока будем сечь её каждый со своего края, она и рухнет. Да только у нас же интерес, мы того и не заметим, как она нас и всех, кто поблизости оказался, накроет.

– Так это если в лесу...

– А кто тебе, Божиему человеку, сказал, что в замках да кремлях иначе?

Дальше двигались молча, слушая, как трещит валежник да фыркают кони. Устав вытаскивать лошадей из топей, спешились.

– Лучше хорошо идти, чем плохо ехать, – усмехнулся фрязь.

– Хорошо, – хмыкнул Кирилл, отдуваясь, – если хорошо...

Банька открылась взгляду неожиданно. Наполовину вросшая в землю, она дышала опрятной новизной. Присмотревшись, Кирилл понял: это из-за подновлённого крылечка и насыпанных речным песком дорожек вокруг, свежеструганной лавочки и аккуратно сколоченного стола под причудливо изогнувшейся берёзой. Ондрей заглянул в притворенную дверь – никого.

– Может, тут банек этих как комаров?..

Лапы густых елей качнулись, пропуская вперёд махонькую, но ладно скроенную девицу. Кирилл обрадовался:

– Вот! Я ж знал, что тут живут! А Власий где? Мы – за вами...

– Нет его! – сурово отрезала Анка, развешивая мокрые рубахи.

– Как? Неужели... – голос у Кирилла дрогнул.

– А так! Встал – и ушёл. Ещё третьего дня поутру.

– Один?! А ты тут постирушки устроила. Тоже одна?!

Она отвернулась, чтобы вытереть о подол руки. Кирилл отвёл глаза. А когда взглянул снова – перед ним стоял... Отто с тесаком. Немец не сомневался: *der himmlisch Lotse*, не удовлетвовавшись картой, явился с компаньоном, чтобы отнять жизнь, что не удалось этого с первого раза. А указал ему путь встретившийся по дороге *herr Capitan*. Бежать бы, но не на глазах своей Валькирии. «Ты сказал: своей?» – и не удержался от счастливой глупой улыбки влюблённого человека. Кирилл и Ондрей с облегчением выдохнули: не так уж и велика опасность, если человек с тесаком в руке, но с улыбкой на лице.

*Пермь Великая,
р. Мезень, в одном поприще от капища,
год 6918 месяца моза в 28-й день, после утрени*

Пашутка дрожал не то от утренних заморозков, пробежавших серебристой изморозью по ещё зелёной траве, не то от близости мечты, которую он предвкушал с того самого дня, как ушёл, оставив Бориску умирать. Он боялся себе признаться в том, что с того времени прошло без малого двадцать пять лет. Четверть века? Вроде как много, а вспоминается лишь то, что хочется поскорее забыть...

*Воспоминания пошлого купца
Павла Васильевича Дуркуя о том, что
предшествовало событиям 6904 года*

Когда я ушёл от Бориски, то впервые оказался в лесу один. В моём положении было бы глупо считать себя заблудившимся, потому что я и без того не знал, куда мне идти. «Пропавший ты человек, Пашутка», – сказал я сам себе и заплакал. Плакал долго. Сначала о том, что из леса не выбраться. Затем о Бориске (я его не хотел убивать и не убил). Потом о Зарни Ань, которую, видно, не найти.

Говорят, поплачь, и станет легче. Ничего подобного. Люди врут себе и другим. Другим они лгут в том, о чём не хотят, чтобы кто-то знал. А себе самим – в том, в чём не признаются даже на смертном одре. Вот опять нескладность. А почему, собственно, надо в чём-то каяться у последней черты? Кому от этого станет легче? Что изменится – смерть отступит, сделанное обратится в пыль? Всё это враки, чтобы вконец запугать и запутать человека!

Но я нашёл способ, как убежать от себя и других. Вышло это само собой. Промысловики-устюжане наткнулись-таки на меня спустя дней десять, а может, двадцать (я потерял счёт времени). «Ты кто?» – спросили они меня. «Дуркуй», – сказал я. Мой ответ вызвал жалостливый смех. От этого мне хотелось петь и плясать. А почему бы и нет? Я притопывал, обмахиваясь под-вернувшейся под руку беличьей шкуркой, а они хлопали в ладоши...

Вернувшись в Новгород, я повторил тот же манёвр. Стоило кому-нибудь начать меня спрашивать про обстоятельства того самого дня, как я начинал приплясывать. Ну что тут скажешь? Дуркуй! В деле купеческом слава о том, что на меня «иногда находит», начала приносить при-быток. Я заламывал цену – за спиной крутили пальцем у виска, мол, сегодня Пал Васильич опять не в себе. На следующий день я являлся тихий и благостный, называл цену на пол-алтына ниже. Все вокруг кивали: вот, мол, другое дело.

Можно было бы так и жить, но мне не давали покоя Борискины слова про Зарни Ань. Хотел было пристать к новгородским ушкуйникам, но те меня сторонились. Я даже предлагал им свою долю в снаряжении похода, но они отказывались. Мало-помалу я научился промышлять в Перми в одиночку. Сначала по краешку Вычегды, а потом уж и в глубь пармы.

Изредка сталкиваясь с людьми, я напускал на себя дурковатый вид. Даже те, кто меня знал в лицо, не удивлялись. Иногда даже, сжалившись над спятившим пошлым купцом, брали с со-бой в обратный путь. Я вошёл во вкус бродяжничества от капища к капищу и даже начал делать кое-какие пометки в собственной карте и на деревьях. Изредка мне попадались очень даже не-плохие вещицы. Куда с ними податься, как не на Готский двор? Ганс Вреде был со мной очень мил и даже щедр, но ему нужно было то же, что и мне, – путеводительство по Перми.

Если не принимать в расчёт пермян, то был только один человек, который знал капища луч-ше любого из ушкуйников и тем более уж фрязей. Этим человеком был Стефан... Я всё чаще стал бывать у него вместе с другими промышленниками.

Этот Стефан был не промах! Если бы ему не пришла в голову блажь стать церковником, то, возможно одним пошлым купцом было бы больше. Впрочем, захотел бы им стать, то и стал бы. Не мешает ведь белый клобук новгородскому владыке резы давать и торги вести...

Гостей Стефан привечал в трапезной. Из-за стола нет-нет да и вставал кто-нибудь, якобы желая размяться. Выскользнув следом за одним из гостей, я убедился, что «разминаться» го-сти предпочитают возле Стефановой кельи. Однажды ночью один из них меня обставил. Это был Йохан Клай, иноземный гость. Он первым сообразил, что Стефан с вечера куда-то уплыл на лодке, и наведаясь в его келью. Видимо, довольно удачно, потому что после этого он промыш-лял в Перми в одиночку. Возможно, это его карта сейчас у меня в руках? Если так, то самого уже нет в живых, ибо вряд ли он отдал бы её немцу по доброй воле...

Я заявился к Стефану один, напустив на себя дурковатый вид. Вот, мол, как скрутило чело-века в тайге. Подбрасывал вверх беличью шкурку, плакал у иконы... Лишь изредка я ловил на себе его испытующий взгляд. Тогда меня охватывала лёгкая оторопь: ещё немного, и придёт-ся «вернуться в разум». Но потом Стефана что-нибудь отвлекало, и я с облегчением перево-дил дух.

Конечно же, я не раз заглядывал к нему в келью под разными предлогами. Поскольку угол, как известно, лишь четыре, то вскоре я мог представить местоположение всего, что там было, даже с закрытыми глазами. Я не раз видел, как Стефан сшивал листы и прикреплял к дере-вянным доскам-переплёткам, а Матфейка обтягивал эти доски нежной оленьей кожей. Когда Стефан ставил очередную книгу на грядку, то вид у него самого был такой, будто он очередной самородок к своим сокровищам приобщил. Самое обидное то, что ведь он действительно мог бы владеть ими, а не забавляться, как дитя малое, с пергаменами да досками ночи напролёт.

Пожалуй, я убедил в своей безвредности и бестолковости всех, кроме Матфейки или Матвейки, как его называли все пермяне. Стоило Стефану отлучиться, как этот вчерашний язычник принимался за мной следить с удвоенным вниманием. И всё же не уследил.

Как-то раз Стефан, опираясь на свой посох, пошёл к реке. Там его уже ждал спущенный на воду чёлн. Матфейка побежал исполнять какое-то срочное поручение. А я, ясное дело, попя-

тился к келье епископа. Мне казалось, что карта кумирниц (я был уверен, что таковая должна быть) всегда у него под рукой. Значит, где-то на столе. А может быть, за какой-то из икон? Все любят прятать там самое сокровенное....

Вдруг с улицы послышался взволнованный голос Матфейки: «Беда, отче Стефане! Татары к Перми подошли! К нам один с Лузы прибежал, тебя дожидается. Вятичи, со своих мест татарами согнанные, на берегу Лузы селенье за селеньем захватывают, пермян с домов выгоняют, иных бьют даже...»

Послышались шаги, открылась дверь. Я юркнул за растворённую дверь (а что как если Стефан её сейчас закроет?). Но он шагнул вперёд, к иконам. Может, достанет нечто потаённое, карты, к примеру, чтобы перепрятать, раз уж татарва у рубежей? Я осторожно выглянул. Не рассчитал, и дверь скрипнула, но Стефан не обратил ни малейшего внимания, провёл рукой по лицу, словно стирая усталость. Тяжко вздохнул и опустился на колени.

«Что ж это, Господи? Я один... Опять один...»

Я уж хотел было выскользнуть из кельи, но монахи и дружинники топтались на крыльце. Я слышал, как они между собой судили: время, дескать, не терпит, что ж владыка медлит? Стефан заговорил вновь:

«Господи, всё перетерпел от неверных – озлобление, ропот, брань, хулу, укоры. А однажды чуть не взошёл на костёр... Я здесь и законоположник, и исцелитель, и креститель, и проповедник, и исповедник, и учитель, и стражевой, и правитель. А был монах! Господи, ты же человеколюбец, ты всё про меня ведаешь. Ты ведь знаешь, я сизмальства отчий дом на монастырь променял, дабы учиться грамматической премудрости и книжной силе. Книжник я, Господи, книжник, а не воин, не правитель! Ну где же Москва со своею княжьей силой? Я один здесь, Боже праведный. Ты и я, и снег, снег, снег... Я не в силах один искоренить зла и глупости человеческой. Где власть – там и многие обиды... За что ты возложил на меня сей крест, Господи?»

Ладно, ещё когда подслушиваешь разговор человека с человеком, а вот когда с Богом... Край чёрной рясы взметнулся волной, оттого казалось, что Стефан не встал, а взлетел. Задев меня наброшенной на ходу душегрейкой, вышел на крыльцо.

Оттуда послышался его твёрдый голос: «Чтобы убивать друг друга, ума много не надо. Вятичи нам братья. Христиане, как и мы. Объединять Русь надобно, а не ослаблять распрями. Дружина наша пусть выступает к Лузе, но на тот берег не переходит. Супротив стоять, глаз с ордынцев не спускать. Устюжских ратников будем звать на помощь, только если татары в наши рубежи вторгнутся. А с вятичами мне потолковать надобно». Кинулись седлать лошадей, а я остался в Стефановой келье...

*Пермь Великая,
р. Мезень, в одном поприще от капища,
год 6918 месяца моза в 29-й день, утренняя*

Ондрей молча тронул за плечо Кирилла. Тот открыл глаза и без слов понял: «Пора уходить». Собрали пожитки, распутали лошадей...

Тут и Отто объявился, свежесбривший, бодрый:

– Der Lotse! А как же ein Frustick? – и для убедительности изобразил ложку, подносимую ко рту. – Bitte!

– А Власия на дорожку тоже завтраком кормили?

Немец слов не разобрал, но имя уловил.

– Bitte! – повторил настойчиво.

Трапеза не заладилась. Отто, не сводя глаз с Кирилла, тараторил на немецком. Ондрей слушал, изредка кивая. Ложка в руке Кирилла застыла на полпути. («В чём Отто пытается убедить фрязя? Почему перешёл на немецкий?») Ондрей поднял руку – немец смолк.

– Фу! Он говорит, что его там у вас кто-то обухом топора по голове огрел и карту забрал... Ну, он решил, что это ты.

– Я-а-а?.. – Кирилл облизал ложку. – Это ещё почему-у-у?

– У него очень убедительное обоснование, – Ондрей с любопытством посмотрел на Кирилла, – в святилище взяли топор, которым его ударили. Значит, у нападавшего не было при себе оружия. Из всей ватаги с пустыми руками был только ты.

– Ein! – вставил Отто и загнул один палец.

– Ну вот, где взяли топор, там и обронили просфорку – церковный хлеб, да? Его мог иметь с собой опять-таки только ты.

– Zwei! – вставил немец, загибая второй палец, и требовательно посмотрел на толмача: – Drei?

– Ну и третье, – раздумчиво перевёл Ондрей, – у него пропала карта Биармии с нанесёнными на неё особыми знаками...

Отто сгрёб ногой хвою и стал чертить на земле... Кирилл, как только появлялся новый знак, сопровождал его взволнованным шёпотом:

– «Жой». А эта? «Гай»? Далее «э», «зой»... Вроде как Стефанов абур, а всё-таки не то... Может, немец что-нибудь перепутал? Спроси у него!

Ондрей Фрязин его не слышал, подался вперёд, как тетива в луке:

– Wo nimmst du, Otto? Ich sehe diese Karte in Stefan⁶⁴!

– Что?! – Кирилл чувствовал желание выучить немецкий, причём немедленно. – Почему ты вспомнил Стефана? Ты знаешь абур?

– Что такое абур? Я видел карту с такими знаками у Стефана. И знал человека, у которого, кажется, была такая же, – пристально посмотрел на немца и отчётливо произнёс: – Его звали Йохан Клай, купец Ливонского ордена. Его убили и обобрали под Наровой!

Быстро повторил по-немецки, но лицо у Отто дрогнуло ещё тогда, когда имя прозвучало на русском. Не сводя глаз с Кирилла, немец тихо сказал что-то... Фрязь переспросил. Немец повторил, Ондрей кашлянул:

– Он говорит, что если Библия одна, то и Бог един. А значит, ты не имеешь права отказать ему в исповеди. Он хочет получить от тебя индульгенцию в обмен на карту, которую запомнил. Говорит, что ему она больше не нужна, он уже всё нашёл, что искал. Не пойму, про что это он, ну да и ладно. – И сквозь сжатые зубы скороговоркой добавил: – Батюшка, соглашайся, а то я тебя тут брошу! Ей-богу!

Кирилл засопел. («Если Егупу отпустил, то почему не отпустить и Отто? Неужели чем темнее нутро, тем больше желание оправдаться? А вот Марпа, чистая душа, носит в себе свою беду и молчит... И каким же обветшалым предстану я сам, в струпьях чужих смертных грехов, когда придёт мой час, будто мне своих мало...»)

– Хорошо, – сказал вслух, положив на стол ложку. – Правда, этой... как её... дуль-ген-ци... у меня нет, такого православные монахи с собой и не носят, уж извиняйте. Растволкуй, чтоб не уповал...

– Ему и так сойдёт, – отвечивал фрязь, пряча улыбку.

Анка слушала, прильнув щекой к берёзе. О том, как юнцом Отто убежал из дома и стал корсаром. Как был выброшен за борт и его выловили матросы с корабля папского легата. Как был отослан в Новгород. Как стал правой рукой Ганса Вреде, представителя Ганзейского союза, и выполнил приказ об убийстве Йохана, поломавшего не одну сделку Гансу. Как нашёл карту. Как проник в Пермь вместе с ушкуйниками...

– Чего же ты сейчас хочешь? – спросил впечатлённый Кирилл.

– Он хочет отпущения грехов, – мягко напомнил фрязь.

– Лишить жизни... спящего, – поморщился Кирилл. – Это так?

Красноречивее ответа была поникшая голова исповедника. Кирилл, горестно подложив ладонь под щеку, мучительно размышлял. («От церкви отлучить? Так тут и церкви нет, да он и не крещён вовсе!..»)

⁶⁴ Где ты взял, Отто? Я видел эту карту у Стефана! (нем.).

В мысли Кирилла вихрем ворвался оглушительный Анкин всхлип:

– Я тоже хочу на исповедь!

И, не дожидаясь, зачистила: про то, как жила у Егупа на побегушках, как её заметил Власий, как поняла, что никогда он не будет её, как вдруг заметила, что рядом есть человек, у которого тоже нет никого на свете...

– Всё! Хватит! – стукнул Кирилл ложкой. – Вас не на исповедь тянет, а на признание друг дружке. Я так понимаю: тебе, Отто, перво-наперво креститься надо в нашей вере, если у тебя это всерьёз...

Отто молча прижал руки к груди.

– Ну да, я понял... Креститься – в этом помочь могу. Надо бы для этого дела батюшку, только никого тут кроме меня нет. Надеюсь, там, – Кирилл поднял глаза ввысь, – не сочтут это за мою гордыню... Отныне отпускаются грехи и тебе, Отто, и тебе, Анка. Господь милостив, авось и не припомнит в последний час, только вы о содеянном не забывайте, кайтесь. Ну и чего ж во грехе жить-то? Повенчать вас, что ли? Только вы уж держитесь друг дружку до самой смерти... («Проповедник с меня, как и исповедник, – никакой...»)

*Пермь Великая,
р. Мезень, в одном поприще от капища,
год 6918 месяца моза в 30-й день, после первого часа*

За Ондреем было не поспеть. («Идёт по карте, которую ему нарисовал по памяти Отто. Вопрос лишь в том, насколько рисунок верен, а самое главное – у кого настоящая карта, с кем встречи не миновать...»)

...На Ондreja тарачилась слепым, невидящим взглядом чёрная, бесформенная старуха с прилепленными по бокам младенцами. («Это и есть Зарни Ань?») Протянул руку – изваяние оказалось каменным. На теле змеилась трещина, поросшая мхом. («Но ведь не зря же это капище отмечено на карте?») Повернулся и замер: за ним насмешливо наблюдал сотник, которого он не однажды видел в Новгороде, на владычем дворе. Замешкавшись лишь на мгновение, Ондрей Фрязин поклонился:

– О, вижу, не я тут первый. Мне откланяться немедленно или можно всё-таки остаться? В любом случае я хотел бы представиться...

– Я тебя помню, – перебил его Труфан, – ты к владыке с презентами наведывался, а грамота у тебя от московского князя на кормление. Так?

– Позволь в ответ поинтересоваться, владычий полк уже в Парме промышляет? Ушкуйникам доверия больше нет?

– В том-то и загвоздка, что это ты на промысле, а я тут дома.

– Да, конечно, тут не Италия. Я помню об этом...

– Нет, – Труфан улыбнулся, по привычке взъерошив седой чуб, – ты не понял: тут мой дом. Я вернулся, и теперь на Удоре два сотника.

*Московское великое княжество,
Пермь Великая, р. Удора, на капище,
год 6918 месяца моза в 31-й день, после утрени*

Косой солнечный луч подчеркнул чёрную рясу, но размыл черты лица. Впрочем, Пам-сотник смотрел сквозь Кирилла. Он ждал лишь одного вестника и теперь был уверен, что дождался. Всё указывало на это, даже возвращение сына, которого он ещё не удостоил ни единым словом. И поделом ему, мог бы, если бы захотел, и раньше вернуться...

Пам-сотник смежил пергаментные веки и стиснул сухие кулачки. Эти еле заметные движения не ускользнули от Кирилла. А тот был уже далеко-далёко и от незваного гостя, и от сына,

увезённого из Перми новгородскими ушкуйниками ещё отроком. Пам-сотник не видел и не слышал никого из них. Зато до него явственно доносился его собственный голос, только не надтреснутый и старческий, а уверенный и зычный...

*Воспоминания
Пама-сотника, князя Вымского,
о происшествии в зиму 6892 года и прочих событиях*

«Кто дал тебе власть такое творить? Кто послал тебя в землю нашу, чтоб надругался ты над нашими богами?» – я слышал свой голос, долетевший до меня сквозь тридцать шесть лет и зим. Я видел их все тридцать шесть так же зримо, как если бы это были годовые кольца, а сам я являл собой дерево. Само собой, срубленное. Иначе как вести подсчёт?

Но вся беда в том, что я слышал не только самого себя, но и пришельца из Москвы. Сейчас, когда его голос уже звучит из небытия, я могу признаться: он был больше чем пришелец. В Перми до него и после него хватало чужаков. Они появлялись и исчезали, промышляя на пользу Москве, Новгороду, Орде, Литве, тевтонцам, византийцам... И с каждым из них удавалось столкнуться. Поджог и стрела – доводы, к которым у нас прибегали в последнюю очередь. Мы чтили наших богов, а они охраняли нас. Пока не появился Степан.

Если бы он говорил на языке выгоды, мы бы договорились. Я подразумеваю не тунов, но князей Вымских. Пермская знать не привыкла кичиться положением и состоянием. Это такая же нелепица, как и телега, на которой ездит богач в городе. Надо же этакое прицепить к бедной лошади! Да ещё и взгромоздить на телегу крышу, стены, окна, двери. Говорят, некоторые и печку умудряются туда же пристроить. А что ещё остаётся человеку, разучившемуся держаться на лошади? На одном жадном тщеславии далеко не уедешь, тут уж пывсян на колёсах подавай.

Всё это глупо и чуждо пермянину, будь он простым охотником или могущественным туном, а то и знатным князем. Не по нам всё это, духу нашему противно. Мы делаем всё так же, как наши отцы. Запрячь телегу – нарушить старый обычай. Что уж говорить о вере!..

Сначала мы со Степаном засиживались в спорах ночами напролёт. На первых порах я просто пытался его купить, приготовив ему для его же оправдания слова, которые услышал однажды от одного новгородского попа. «Достоин бо есть дѣлатель мѣзды своея», – сказал он, помогая укладывать в свой возок связки пушнины. Я, разумея, что эти слова – ключ ко всякому, кто носит длиннополые чёрные одежды, – запомнил их, и они пригодились мне много раз. Но только не со Степаном.

Откровенно говоря, я недоумевал. Дело даже не в породе человеческой, которой свойственно приобретать, а не отдавать. В парме все деревья разные, но ни одно не растёт корнями вверх. Степан не мог не понимать того, что было ясно и мне, вымскому князю: он прислан Москвой, от него будут требовать мзды, а не крушения и сожжения кумирниц. Сами по себе они – остроумнейшее измышление, от которого всем польза. Наша дань – капля⁶⁵ по сравнению с податями, которыми облагают ближних русины, татары, литовцы, новгородцы. У нас человек на капище несёт то, что хочет, повинувшись лишь страху перед богами, с которыми ведут беседу только посвящённые. Если им и перепадают крохи со стола богов, то это не только справедливо, но и необходимо. Войпелю и даже самому Ену нужны на земле слуги, усердные и сытые.

Я предложил Степану мзду, которой достоин дѣлатель. Но это его лишь насмешило. «Ничего, – ответил я ему, – посмотрим, какого веселья преисполнится московский князь, когда узнает о твоих проделках!» Стефан по-прежнему улыбался и молчал. А мне и не нужен был ответ. Я его и без того знал. Поговаривали, что Степан был устюжским, а книжного вздора набрался в Ростове. Вот бы и сидел там! Будь моя воля, я бы всех, кто начитался, приковывал кандалами прямо в книгохранилище, потому что книжнику среди книг надлежит быть, а не среди людей, грамоты сроду не знавших.

⁶⁵ Вот – дань, вотј – капля (см. Зырянско-русский словарь Петра Савваитова).

Мы по-прежнему сживали со Стефаном ночи напролёт. Я уже не пытался его купить. Хотел ли я его понять? Вряд ли. От спора к спору мы становились всё более непримиримыми... Вот тут-то и заминка. Не поворачивается язык сказать «врагами». Но и ведь друзьями мы стать не могли. Тогда кем же мы друг другу были? Он не был мне ровней ни по возрасту, ни по положению. По годам годился в сыновья, а то и во внуки. По происхождению я был его выше. Повернись судьба иначе, его бы мать да и он сам могли бы быть у меня в услужении. Оставалось выяснить, был ли он мне ровней как тун...

Этот день я помню так, будто минуло не тридцать шесть лет, а несколько часов, отделявших полдень от захода солнца. «Кто дал тебе власть такое творить? Кто послал тебя в землю нашу, чтоб надругался ты над нашими богами?» Степан усмехнулся и бросил топор: «Разве это бог, если его прилюдно руками сокрушить можно?» На теле кумира зазмеилась трещина. Степан размахнулся, ударил ещё и ещё... Истукан пошатнулся, от него медленно отвалился кусок, глухо стукнулся о подножье и скатился к ногам Степана. Тот не отступил. Камень, покачавшись, остановился, словно наткнулся на невидимую преграду.

Я слышал за спиной, как скрипит снег под ногами бегущих прочь от кумирницы людей. Тогда я и понял, что не со Степаном мне надо говорить, а с моим народом. Я повернулся к людям: «Не слушайте пришельца из Москвы!» На поляне всё стихло. Почувствовав, что напал на верный след, я ещё более возвысил голос: «Что хорошего может быть нам от Москвы? Не оттуда ли к нам тяготы идут, дани тяжкие и насилия, и судьбы, и соглядатаи, и караульщики? Не от нашей ли охоты меха в Орду посылаются? Народ! Твои учителя были опытные старцы, а сей иноплеменник юн летами, следовательно, и разумом...» Я с радостью для себя отметил, как со всех сторон к Степану подступали мужики, кое-кто подбирал среди припорошенного снегом валежника сучья поувесистей.

Сомкнулся круг. Я предостерегающе поднял руку и вразвалочку вышел в середину, заранее радуясь внезапно пришедшей в голову шалости: «Ты нашего бога топором сокрушить решил, а сейчас мы твоего огнём испытаем! – и приказал стоящим цепью мужикам: – Сотворите костёр посреди вон того пивсяна, что на краю стоит, чтоб огонь до крыши достал!»

Взметнулся столб пламени, искры брызнули в морозное синее небо. Во все века во всех землях туны мерились своей силой. Я был уверен, что Степану против меня никак не устоять: у христиан один бог, а у нас много помощников и на суше, и на воде. За кем будет победа?

«Мои боги, на которых ты, московский пришелец, руку поднял, – меня защитят, и я пройду невредим сквозь огонь. Ты, иноземец, со мной пойдёшь! – сказал я, схватив Степана за руку и не удержался, чтобы добавить: – Ты сгоришь, манак! Сгоришь!»

Стефан сбросил с себя мою руку. Снял шубу и шапку. Остался стоять в рясе, осыпаемый снегом с оттаявших сосен. Поцеловал нательный крест: «Да, я не повелеваю стихиями, – негромко ответил он, не стараясь перекричать треск огня. – Бог христианский велик. Я иду с тобой, Пам».

И неожиданно крепко, как клещами, схватил меня за руку и повлёк в горящий пивсян. Пламя вмиг опалило бороду, брови, волосы. Я пятился, а Степан не пускал. Смотрел прямо перед собой, огненные блики отражались в зрачках. Языки жадно лизнули ноги. «У меня нет заговора, чтобы ходить по раскалённым углям», – эта мысль пронеслась в голове вместе с криком. Кто-то люто вопил. Этим «кто-то» был я сам. Я уже не пятился, а просто вырывался из рук Степана. Он не пускал. Тогда я камнем упал на него, и мы выкатились тесно сплетённым, тлеющим клубком.

Свет резанул по глазам, не доставало обгоревших ресниц... Поискал взглядом Степана, он уже отправился поджигать деревянных идолов. «Кто воистину верует, тот должен разыскать и вывести, где кумиры таятся. Найдёте в керке ли своей, у соседа ли ближнего, ещё ли где-нибудь, несите сюда, чтобы прилюдно руками своими сокрушить». Стефан оглянулся, отыскивая меня. Из-за опалённых ресниц он моргал так же часто, как и я. Выходит, мы с ним не только одинаково смотрели на свет, но и выглядели схоже... «Хочешь к святой вере прийти?» – спросил он меня. Не трата слов, я покачал головой.

«Убей его!» – подсказал кто-то из толпы. Я не верил своим ушам. А Степан словно и не слы-

шал: «А кто не захотел к святой вере прийти, тот пусть на Удору уходит с жёнами и детьми своими...» Я не видел его лица, но мне показалось, что в голосе таилась грусть. Конечно же, это было не так. Уверен, что он торжествовал. А грусть... Да мало ли что может почудиться обо-жжённому князю и поверженному туну... Стефану никто не возразил, но все избегали смотреть в мою сторону. Тогда он скрепил свои слова окончательным заговором: «Аминь. Да будет так».

Я ушёл на Удору и стал жить мыслью об отмщении. «Дон огыр вылын ко верман сулавны, сэки верман и овны на ордын⁶⁶», – говорят наши старики. Я не смог стоять на углях, но вынужден был жить с ними. Они жгли меня изнутри. Боги меня услышали и в 6910 году послали мне в помощь нашествие вогулов. У них были свои туны и князья, все они – в отличие от Степана – знали цену евангелистскому завету «Достоин бо есть дѣлатель мѣзды своя», потому мы договорились без лишних слов.

К Усть-Выми я приплыл на головной ладье, но Усть-Вымь оказался вогулам не по зубам. Простояв неполную седмицу, они пожгли погосты и развернули ладьи. Никакая мзда не смогла подвигнуть их брать владычный городок приступом. Они опасались устюжских дружин. Стоять под стенами, слушать, как бьют в било и Степан под этот звон заговоры творит, было равносильно тому, чтобы снова взойти на костёр.

Боги явили мне свою благосклонность ещё раз, прежде чем разувериться во мне. Всё в том же 6910 году, когда ордынцы хлынули к вытичам, те устремились в Пермь. Выдворенные татарами из родных мест, они точно так же обошлись с пермянами. Я уже был не тем Памом-сотником, что раньше, но всё же собрал четверть сотни храбрецов, способных постоять за своих единоплеменников, пусть и маловеров. Мы поспешили на Лузу, которая служила водоразделом между пермской и вятской землями. Волоки нас изрядно задержали. Когда мы вышли к реке, вятчи уходили, а пермяне едва ли не махали им вслед.

«А давайте-ка всыплем?» – предложил Кыска, самый шальной из нас. Но вятчи были с обозом – с женщинами, стариками, малыми детьми. Я покачал головой. И вдруг я увидел Степана. Он крестил уходящих. «Возвращайтесь на свои плодородные земли, – донёсся до меня знакомый голос. – Не отдавайте их разбойнику-иноверцу, соединитесь с земляками вашими». Он и тут меня обошёл! Кыска снова взялся за лук: «Ну хоть Степана?!» Я опять покачал головой. Может, я и не умею ходить по угольям, но в остальном не слабее его.

Тридцать шесть раз таяли снега и падали на землю вновь. Тридцать шесть раз уходила рыба на нерест. Тридцать шесть раз птицы возвращались в гнёзда и покидали их вновь по осени, которая подобна гружёному кораблю: арыд тыра караб кодь. На моей палубе лишь минувшее время. Его столько, что корабль вот-вот зачерпнёт бортом. Что ж, я готов идти ко дну. Но князь Вымский вынужден закончить век не на Выми, а на реке, название которой заставляет меня влачить свои дни... Я наушивал богов, чтобы те погубили Степана. Я силился сотворить чудеса, чтобы истребить память о нём. А теперь лишь мечтаю, чтобы исчез с земли мой след, ибо что может быть нелепее, чем могила Пама-сотника на берегу Вежа ю!

*Московское великое княжество,
Пермь Великая, р. Удора, на капище,
год 6918 месяца моза в 31-й день, первый час*

Пашутка плакал, размазывая слёзы по грязным щекам. Мечта на поверку оказалась грудой камней. Его, пошлого купца, провели как какого-нибудь приказчика!

– Поздно, – всхлипнул Пашутка. – Боже мой, как поздно... Поздно искать, поздно жить... Всё поздно... Кончилось время... Вторая карта! Вторая! И всё зря! Провёл нас всех Стефан...

Макарий, повинувшись знаку, поданному Сатаной, потянул коня за поводья. Отступили молча в чащу.

⁶⁶ Если сможешь стоять на горячих углях, то и сможешь жить с ними (коми пословица).

– Я думаю, у Стефана было много таких карт, – нарушил наконец тишину Макарий, – и он был совсем не прочь, чтобы его у них воровали почаще.

– Это как так?

– А сам подумай: за каждым язычником не набегаешься, да и от капища к капищу концы не маленькие. Вот он, как мне кажется, все те святилища, что разорял, на карты и наносил. Они ж всё равно подношениями прирастали, а кто этой картой разживётся, тот прибыль получит. И всем польза: ушкуйнику иль фрязю – добыча, а Стефану – невольная помощь от них.

– Выходит, он всех их к своему делу приставил? Только что это они все тут собрались – и трудник, и сотник, и фрязь с ними...

– Каждый со своей надобностью, – пожал плечами Макарий. – А вот мы что здесь делаем? И что Пашутка про нас с тобой скажет?

– Да кто ж дурака слушает...

*Пермь Великая,
р. Мезень, на капище,
год 6918 месяца кача в 1-й день, перед утреней*

Ондрей Фрязин разжал пальцы... Листок с подорожной, начерченной Отто, невесомо лёг на тёплые ещё с ночи уголья.

– Не-е-т! Это моё! – чья-то тень, вынырнув из чащи, отняла у костра добычу и метнулась обратно.

– Никак Пашутка?! – воскликнул Кирилл, но, смекнув, что он единственный, кого удивило появление пошлого купца, умолк.

Тот, укрывшись в ельнике, разгладил обе карты: первая, обгоревшая, отнятая у немца, и вторая, выхваченная из костра, отличались друг от друга. Пора возвращаться в Новгород, там у него карта, которую он добыл в келье Стефана, когда он отбыл на Лузу. Время сличать...

Фрязь испытующе посмотрел на сотника владычьего полка:

– Что, ты и впрямь теперь тут жить будешь? А как же служба?

– Отслужил, будет. Так что кланяйся от меня Новгороду.

– Да я на Москву сейчас двину, – фрязь, усмехнувшись, спросил Кирилла: – А ты теперь куда? Может, сгожусь тебе в попутчики, а, манак?

– Зэв бур, – степенно кивнул Кирилл, – очень хорошо.

– Зэв бур, – отозвался эхом Пам-сотник, не принимавший ни малейшего участия в проводах незваных, нежданных гостей.

Он и вовсе их не замечал, потому что всё его внимание поглотил тот гость, которого он видел сейчас своим внутренним зрением. С ним и прощался, его и благодарил...

– Аттьо, Степан, аддзысьлытодз, – прошептал вымский князь, – ни на одной твоей карте Зарни Ань не отмечена. Мы, туны, умеем хранить собственные тайны и уважать чужие... Спасибо, Степан, и до скорой встречи...

*Вопрошания Кирилла по дознанию
в пути из Великого Новгорода в Устюг,
а уж оттуда до Пермской земли*

Достав листки, Кирилл со вздохом отметил, что вопросов всё больше и смысл их всё тревожнее. («Ты, Кирюша, тайнописи хоть и малость, но обучен. Поостеречься бы, хоть так, как Киприан, подвергнув подмене некоторые из букв...») Старательно переписал всё и, отметив про себя, что для него самого Пермь за всё его странствие оказалась самым безопасным местом, пришёл к выводу, что едва ли не на половину вопросов ответы надлежало искать в Москве...

Затем принялся за посох. Работа с накладками подвигалась так быстро, словно кончикам

пальцев передались все смутные подозрения. Вырезал, почти не задумываясь. Вот Стефан и с ним ещё один его собрат идут на собор. Орарь на диаконе безгласно призывает к молитве и покаянию, и епитрахиль тяжким бременем спускается Стефану на грудь...

Как выразить важность вопросов, которые надлежит обсудить на этой встрече? Резец в руке Кирилла замер лишь на мгновение...

Впереди малолюдного собора, возглавляемого Стефаном, несколькими штрихами обозначилась фигура молодого мужа. Да, потому что речь идёт о будущем! А в руках у него... Поразмыслив, Кирилл решил, что тот не будет нести хоругвь (это запутывало бы, уводило от главного смысла Стефановского собора). Кирилл вручил своему молодому герою стяг русской дружины. Вот так тем самым и можно подчеркнуть значимость этого соборного движения. О судьбах всей земли русской речь, о будущности и государственности...

Смахнув с колен костяную пыль, осевшую на чёрной ризе («Вынужден признать, она уже выглядит так, будто я принял постриг не полгода назад, а весь свой век в этой одежде хаживал...»), Кирилл взялся за новую накладку.

Изобразив князя – старого знакомца, несогласие Стефана с которым он уже обозначил на самых первых накладках, Кирилл добавил ещё князей («Там видно будет, кто есть кто. А пока важно противопоставить их собрание собору Стефана и тех, кто с ним...»), но не забыл и о лицах духовного сословия. («Увы, но иным из них тоже место более не на Стефановом соборе, а среди княжеского толковища, ибо власти алчут не менее...»)

Кирилл пересчитал костяные накладки, их осталось девять. («Ну что ж, надеюсь, хватит на всё моё дознание, тем более что для Перми достаточно и двух...»)

Аттьо,
Енмо,
Ыджыд Енмо! –
мый видзин лёк йозысь,
мый видзин лёк висьомъясысь,
мый сы мында вичмодін
и шудлун, и синва...
Быттьо оти лунся турун,
чужлам-быдмылам,
и мыйла сомын волам
таладорас?
Аттьо,
Енмо,
Ыджыд Енмо,
ставсьыс ыджыд аттьо⁶⁷...

Он работал резцом, приговаривая про себя слова молитвы, услышанной на Удоре. Ему нравилось, как просто это звучит по-пермски: не Господь Всемогущий, а Бог, Большой Бог... Именно так! И он повторил по-русски, стараясь говорить как можно проще:

Спасибо,
Бог,
Большой Бог! –
что сохранил меня от плохих людей,
что сохранил от плохих болезней,
что столько даровал
и счастья, и слёз...

⁶⁷ Мирская молитва коми поэта Галины Бутыревой.

Как будто однодневная трава,
рождаемся-растём,
и что только приходим
в этот мир?
Спасибо,
Боже,
Большой Боже,
за всё большое спасибо⁶⁸...

«Они не убивали», – сказал он себе и, представив Оша, Мирошку, Сінтома, Пама-сотника, всех остальных, с кем его свёл путь, почему-то очень обрадовался. («Путик! У меня остался в Перми свой путик, своя дорожка. Я хоть и не прорубил её в лесу, но протоптал изрядно...»)

Кирилл снова взялся за резец. Прикрыв глаза, он мысленно представил корабль на печати, какую видел у Егупа Мясо за божницей и старательно вырезал на мачтах четырёхугольные флаги Ганзы на новгородских ушкуях....

Конец шаткому перемирию, но ушкуйников не обрадовала печальная весть. («Пожалуй, это похоже на наш поход в Пермь...») И, усмехаясь в бороду, вложил в руки одному из промысловиков ратный игрец. («Печаль на сердце требует созвучия... Ну вот, придумал сам себе оправдание, чтобы тоже быть на посохе...»)

Скорбно сгорбившиеся пермяне утирали слёзы подношениями, которые ещё недавно несли к кумирам. Поразмыслив, Кирилл вырезал чуть поодаль лес. («Без него, как и без реки, никуда...») Отстранившись, он оценивающе посмотрел на сделанное. («Деревья получились какие-то слишком уж похожие на людей, но это ж не просто деревья, это ж парма... Зэв бур, пусть остаётся так...»)

Продолжение следует...

⁶⁸ Подстрочный перевод с коми языка Елены Будриной.

Елена
ЕЛЬЦОВА

Елена Власовна Ельцова – поэт, переводчик, научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Родилась в 1979 году в с. Усть-Кулом Коми АССР. Окончила финно-угорский факультет Сыктывкарского государственного университета, Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького, аспирантуру Коми научного центра. Член Союза писателей России. Кандидат филологических наук. Автор литературоведческих статей, посвящённых жизни и творчеству коми писателей, пяти поэтических книг на коми языке и в переводе на русский, эстонский языки. Лауреат Государственной премии РК в области культуры (2022). Живёт в Сыктывкаре.

Альберт Егорович Ванеев: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Альберт Ванеев – коми поэт, переводчик, литературовед, исследователь коми поэзии и творчества основоположника коми литературы И. А. Куратова, руководитель научной группы по созданию энциклопедии «Республика Коми», общественный деятель.

Родился Альберт Егорович Ванеев 18 июля 1933 года в д. Буткан Удорского района Коми АССР. В год начала Великой Отечественной войны, осенью 1941 года, пошёл в первый класс Косланской средней школы. Посещая школьный литературно-творческий кружок «Удорские пионеры» (под руководством В. В. Крюкова), он написал свои первые стихи, которые уже в 1949 году были опубликованы в журнале «Войвыв кодзув». После окончания школы А. Ванеев поступил на историко-филологический факультет Коми государственного пединститута (1951–1955), затем служил в армии (1955–1957). Вернувшись, он некоторое время был литературным сотрудником редакции журнала «Войвыв кодзув» (1958), а в 1958 году стал аспирантом Коми филиала Академии наук СССР по специальности «Коми литература». В 1963 году в Москве А. Ванеев защитил кандидатскую диссертацию по теме «Вопросы мастерства в коми советской поэзии», получил степень кандидата филологических наук (1964). В 1961 году А. Ванеев стал младшим научным сотрудником отдела языка и литературы Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, и вся его дальнейшая жизнь была связана с работой в Академии наук: в 1966–1970-е годы он – заведующий отделом языка и литературы ИЯЛИ Коми филиала АН СССР; в 1970–1982-е годы – старший научный сотрудник сектора литературы и фольклора ИЯЛИ; с 1984 года – старший научный, а с 1994 года – ведущий научный сотрудник научного архива. Кроме того, с 1984 года А. Ванеев был заместителем главного редактора и руководителем научной группы по созданию энциклопедии «Республика Коми». Умер поэт 12 декабря 2001 года.

А. Ванеев – член Союза писателей СССР (1965). В 1968 году за балладу «Ичӧтик зонъяс» (Мальчишки), сборники стихов «Сосны под солнцем» (1966) и «Лун шӧр» (Полдень, 1968) поэту присудили Премию коми комсомола, а в 1980 году за книгу «Талун асылыс сӧдз» (Сегодня утро ясное, 1979) он был удостоен Государственной премии Коми АССР имени И. А. Куратова. А. Ванеев – Народный поэт Республики

Последней и наиболее значимой работой Ванеева-учёного стала монография «Коми-зырянское просветительство. Сущность и своеобразие» (2001), посвящённая исследованию жизни и творчества выдающихся коми деятелей И. А. Куратова, Г. С. Лыткина, К. Ф. Жакова, П. А. Сорокина.

Поэзия А. Ванеева – о северном крае, о характере северного человека, о прошлом и настоящем коми народа. Она отличается богатством и разнообразием форм и жанров: лирические стихи, баллады, стихотворные рассказы, поэмы. Поэт много работал над развитием такого жанра коми поэзии, как сонет.

Уже в раннем стихотворении «Локтö гортас салдат» (Возвращается домой солдат) и созвучном ему более позднем произведении «Воис ыджыд война вылысь морт» (Вернулся с великой войны человек) А. Ванеев открывает важнейшую в своём творчестве тему Великой Отечественной войны. Главной в них является идея о том, что окончание великой войны, радостное ощущение победы, счастья наиболее полно чувствуются солдатом только здесь, в родных сердцу местах: в небольшом селе у северной речушки, в родном доме, где ожидает его возвращения мать, при знакомых звуках маленькой хромки, при виде небольших лесных речушек, озера. Наибольшей эмоциональной и художественной силой в стихах поэта военной тематики обладают образы павших солдат. Глубину им придаёт близость с устным народным творчеством, как в стихотворении «Асья пальöдысь, лунья гажöдысь» (Будящий утром, веселящий днём), написанном в стиле обрядового причитания. В стихотворении «Ловъяяслы» (Живым) образ погибших солдат, которые даже после смерти остаются защитниками родины, неустанными богами, помогающими живым, символизирует человеческую память, молодость родной земли, будущее счастье людей:

Ми – аслыссикас еньяс.
 Ми ог мудзöй.
 И зiлям отсасьны век ловъяяслы ми:
 Ас морöс вужйысь вужъяссьöдам рудзöг,
 И чуньяс костöд лэдзам турун сi.

(«Ловъяяслы»)

Мы – словно боги.
 Мы не знаем усталости.
 И стараемся помогать всегда мы живым:
 Из корня своей груди мы растим рожь,
 И сквозь пальцы пропускаем травинки.

(«Живым»)

Многие стихи А. Ванеева посвящены теме военного детства. Детей войны – себя и своих сверстников – поэт называет ощутившими горечь дыма войны сыновьями, подмороженными ягодами рябины, колосьями, не успевшими созреть. Эти метафоры раскрывают горечь военных лет, голод, раннее взросление:

Эз кампета вöв миян челядьдырным,
А ёнджыкасö шомалибö курыд <...>

Ми öни йöзсянь кывлывлам ас пельöн,
Мый олöм туйöд зумыда пö мунам...
И абу дивö:
Кынмалыштöм пельысь
Век овлывлö и чöскыдджык, и юмов.

(«Кынмалыштöм пельысь»)

Не сладким было наше детство,
А больше кислым или горьким <...>.

Мы теперь часто слышим от людей,
Что по дороге жизни уверенно шагаем...
И не удивительно:
Подмёрзшая рябина
Всегда бывает и вкусней, и слаще.

(«Подмороженная рябина»)

Тема родной земли – одна из важнейших в творчестве А. Ванеева. Она раскрывается в образах мозолистых отцовских рук, рано умершей матери, села, где родился поэт, дома, где когда-то качалась его колыбель. Много стихотворений А. Ванеева посвящено матери: «Мам» (Мама), «Тайö кыдз пуыс вöли мем быдöнысь муса...» (Эта берёза была мне милее других), «Мамöлы гу вылас дзоридз» (Цветы на могилу матери). Родная земля – это добрая светловодная река Мозын и синеглазое озеро Буткан. Мечта лирического героя его поэзии – быть таким же щедрым, мягким, приветливым, как родная земля. Сложенная из нескольких стихотворений поэма «Мозын ю вомён пос» – крупное лирическое произведение А. Ванеева, посвящённое родной земле. Её основной образ – мост через реку детства – является символом неразрывной связи лирического героя с прошлым, с детством, с родными местами.

Особое место в творчестве А. Ванеева занимают произведения, посвящённые поэтам – В. А. Савину, А. П. Размыслову, Ф. Г. Лорке. Ещё в 1960-е годы он начал писать стихи об И. А. Куратове, которого А. Ванеев называл коми соловьём – «коми колип». Наиболее крупными среди произведений этого ряда стали цикл сонетов «Ловья Куратов» (Живой Куратов), цикл стихов «Куратов Туркестанын» (Куратов в Туркестане) и поэма «Иван Куратов». Основной идеей цикла сонетов «Ловья Куратов» стала идея памяти коми народа о своём поэте, его возрождённого, возвращённого в коми литературу имени и творчества. Поэма А. Ванеева «Иван Куратов» – многочастное лиро-эпическое произведение о жизни и творчестве И. А. Куратова, о его роли в развитии коми культуры. А. Ванеев стал и автором либретто к опере «Иван Куратов», поставленной Республиканским театром оперы и балета.

Важное место в творчестве А. Ванеева занимают стихи о любви. Наиболее известные среди них – «Ме тэ ради му вылас ола» (Я на земле живу ради тебя), «Алöй лента» (Алая лента), «Тундрасянь чуксасьöм» (Зов из тундры), «Нинöм эз вöв миян костын» (Ничего не было между нами). Автор в этих стихах размышляет о философии любви, о её диалектике. В любовной лирике А. Ванеева раскрывается характер северного человека, слышится эхо коми народных песен. Лирический герой его стихов почителен перед этим чувством, зная, что настоящая любовь бывает лишь однажды:

Быд мортлөн муслун – öтчыд быдмысь дзоридз,
И сетсьö, кыдз и олöм, öти дзик.
И уна вояс вомён восьлаліг
Дзик сöмын öтчыд инмас сьölöм дорöдз.

(«Быд мортлөн муслун – öтчыд быдмысь дзоридз»)

Любовь каждого человека – однажды растущий цветок,
И даётся, как и жизнь, лишь раз.
И шагая через многие годы,
Лишь один раз она коснётся сердца.

(«Любовь каждого человека – однажды растущий цветок»)

А. Ванеев – один из наиболее активных разработчиков сонета в коми поэзии XX века. В 1988 году он выпустил сборник «Войвывса сонетъяс» (Северные сонеты), в который вошли стихи о природе родного края, родном селе, любви, родителях, Севере. Многие сонеты А. Ванеева объединены в циклы – «Ловъя Куратов» (Живой Куратов), «Шонділӧн кытш» (Круговорот солнца). Созданные А. Ванеевым сонеты стали большим достижением поэта и значимым явлением коми литературы:

<...> Оз пӧрысьмы классическӧй сонет –
Пыр югыдджык и шаньджык биӧн ӧзйӧ,
И талун ловъя мортлы мичлун вӧзйӧ,
И чорыд киӧн пӧдтыны оз шед.

<...> Не стареет классический сонет –
Всё добрее и светлее его огонь,
И сегодня живому человеку красоту он дарит,
И не даётся уничтожению твёрдой руки.

<...> Вай кыпӧдчана бордъяс милань веськӧд,
Лэб Эжва весьтӧд, лӧз Печора весьтӧд,
Съыв комиӧн, классическӧй сонет.

<...> Направь взлетающие крылья к нам,
Лети над Вычегдой, над синей Печорой,
Пой по-коми, классический сонет.

(«Поэзиялӧн помасьлытӧм нэм...»)

(«Век поэзии бесконечен...»)

А. Ванеев – автор первого в истории коми литературы венка сонетов «Чужан сиктӧй менам» (Родное моё село). Это крупное лирическое произведение, состоящее из пятнадцати стихотворений и посвящённое родному селу, Северу, их прошлому, настоящему и будущему. Первые сонеты венка – о Севере: о красоте его природы, о живущих здесь людях, об их характере. Ледяным ветрам Севера, его серебряным снегам и метелям поэт противопоставляет силу, ум, отвагу и огонь сердца живущих здесь людей, тепло их дружбы и любви, без которых не согреет и не спасёт даже самая тёплая шуба. С родной землёй связан и родной язык – ему посвящён пятый сонет венка:

Ас чужан муӧй – мамлӧн шонтысь морӧс,
Да муса чужан кылӧй – ловъя лов:
Оз ло кӧ сійӧ – сьӧлӧм чеччас ортсӧ,
Оз ло кӧ сійӧ – сэки-й ме ог ов.

Ме кыла чужан кылысь вой тӧв увгӧм,
И югдӧм водзын раскысь лэбач шы,
И лажмыд берег нюлысь мелі гы,
И гулыд ягын пожӧмъяслысь шувгӧм.

Ме чужан кылён кужа прёща корны,
Кор съёлём вылам водлас мыжлён пуж,
Кор майшасьёмысь мездьсьны ог куж.

Меддонаторйой, лелькуйтанаторйой,
Ас чужан кылёй – ичотик сөдз шорёй <...>.

Родная земля – согревающая грудь матери,
И милый родной язык – живая душа:
Не будет его – сердце выскочит из груди,
Не будет его – тогда и я не буду жить.

Я слышу в родном языке дыхание северного ветра,
И в предрассветной роще птичьего голоса,
И нежную волну, лижущую пологий берег,
И шум сосен в гулком бору.

Я на родном языке умею просить прощение,
Когда на сердце ложится иней вины,
Когда от переживаний избавиться не умею.

Сокровище моё, бережёный мой
Родной язык – маленький прозрачный ручеёк <...>.

В произведении А. Ванеева показано прошлое, настоящее и будущее коми села. Его прошлое, давая силы для завтрашнего дня, живёт в воспоминаниях лирического героя и связано для него с военным детством:

Ас чужан сиктёй – менам кок ув вуж:
Сэн кóмтóm кока челядьдырöй лэбис,
Сэн быдман вынсö сетліс сиктса удж,
Сэсь аски кежлö нёняла ме эбös.

Мед съöd и шома, медым йики сора.
Но сэн ме сёйлі медся чöскыд нянь.

Моё родное село – корень под моими ногами:
Там пролетело моё босоное детство,
Там силы для роста давала деревенская работа,
Оттуда я впитываю силы для завтрашнего дня.

Пусть чёрный и кислый, пусть с примесью ости.
Но там я ел самый вкусный хлеб.

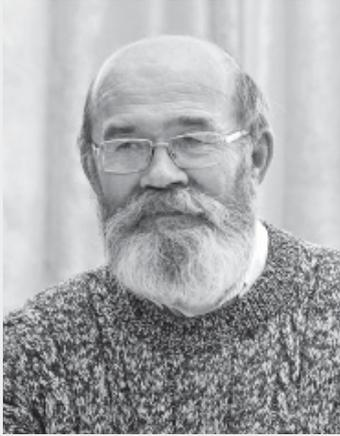

Участники семинара молодых авторов. Слева направо: Вячеслав Бабин, Альберт Ванеев – руководитель семинара, Александр Лужииков, Юрий Васюттов – руководитель семинара. Лемью. 1981 г.

В произведении А. Ванеева история большой страны раскрывается через судьбу маленького северного села. Прошедшее через огонь войны родное село – это работающие в тылу женщины; это дети, которым пришлось нести все тяготы взрослых; это сельские ребята, защитившие вместе с Россией и маленький родной уголок. Прошлое родного села связано с его завтрашним днём: вспоминая о прошедшем, лирический герой хочет знать и о его будущем. Последние сонеты венка – это пожелание родной земле, селу и живущим в нём людям долгой и счастливой жизни в будущем. Завершающая строка магистрального сонета – «Мед нэм оз кусны сиктын ёшинь бияс!» (Чтоб вовек не погасли огни в окнах сельских домов!) – символизирует бесконечную, негасимую жизнь. Самое сильное желание лирического героя – чтоб не прекращалась жизнь в его родном селе, чтоб всегда были люди, живущие в нём. Венок сонетов А. Ванеева «Чужан сиктöй менам» стал значительным явлением не только его поэзии, но и всей коми литературы. Он отличается новой для коми поэзии формой, а ещё особой торжественностью, патриотическим настроением. Венок сонетов «Чужан сиктöй менам» является проявлением любви и уважения поэта к родной земле, к людям, живущим здесь.

А. Ванеев – известный в Республике Коми переводчик. Им были впервые переведены на коми язык сонеты Данте, Микеланджело, Петрарки, Шекспира. Обогатили коми литературу его переводы стихов Е. Баратынского, С. Есенина, М. Лермонтова, А. Фета, А. Пушкина, А. Ахматовой.

*Фотографии из архива
Союза писателей Республики Коми.*

Алексей
ПОПОВ

Алексей Вячеславович Попов чужис 1950 вося июль 25 лунö Корткерöс районса Ыджыдвидз сиктын. Гижö висътъяс, повесътъяс да пьесаяс. Лэдзис «Грезд», «Мывкыд Парма», «Олём войтъяс» да мукöд небöг.

Евгений Афанасьевлөн «ВЕЖЛАСЯНА ПОВОДДЯ»

Дыркодь уджалі Корткерöс районса «Звезда» газетын. Дас сайö во, артыштан кө, лоас. Босътлісны литсотрудникөн да уна вонад быдмылі кывкутысь секретарöдз, коді чукöртö гижöдъяссö, сюся лыддьö да арталö, кутшöм лист бок вылö найöс пуктавны. Районса газетыд пыдöстöм мешöк кодь, помся виччысьö гижöдъяс. Воас нин кад типографияö нуны, мед тэчасны линотип вылын лэдзöм строкаяссö, а, видзöдан да, «розь» кольöма. Колö öдйö тыртны сійöс кутшöмкö гижöдөн. Бур, мый коми газетъясыд сэки районъясад вöліны на. Удораын петіс «Выль туйöд», а Кулöмдінын – «Ленин туйöд». Нöшта öти туй индалысь на вöлі – «Югыд туй» газет. Зэв öдйö лукйысян коми кывъя газетъясад да корсян, мыйöн эськö кольöм «розьсö» тупкыны. Тадзи унаысь вöвлі.

Öтчыд бара ковмис корсьысьны, мед «дöмны розьсö». И син улö уси «Выль туйöд» газетысь неыджыд гижöд. Буретш лöсялö тыртнысö. Косялі да котöртöді типографияö, медым линотип вылын көрт строкаöдз вайöдісны. Вежон кымын коли. Бара районса газетъяс вайисны. Видзöда да, «Выль туйöд» газетын бара петöма сійö гижöдыс, кодöс ме вежон сайын налысь жö босътлі. Серам петіс, да звöниті Удораö, мед дивитыштны.

– Коді тайö? – юася Удораын телепон босътысьыдлысь.

– Коді колö? – воча юасьöны менсьым.

– Тайö Корткерöсса «Звездаянь» дöзмöдчöны. Газетса кывкутысь секретарыд эськö колö.

– Абу сійö. Кочегаркаö петіс.

– А тэ коді?

– Евгений Афанасьев.

– Но-о, – нюзöдышти ме. – Тэнсьыд гижöдъястö «Выль туйöдсьыд» лыддьыла.

Сійö воча юаліс менсьым нимöс да шензьыштіс жö. Тöдö жö вöлöм гижöдъясöс. Сэсся юаліс:

– Тэнö семинар вылад корисны жö?

– Корисны.

– Менö тшöтш жö. Сэні вай бурджыка и тöдмасям.

– Бур. А мый нö кывкутысь секретарыд кочегаркаас вöчö? – юаси ме да висъталі звöнитчан мог йылысь.

Евгений Афанасьевыд гылыда серöктіс. Сэсся ог тöд, збыльысь-ö тадзи, гашкö, шмонитіс, но висъталіс, ми пö

Газетын уджалігөн.

кочегаркаас тшөкыда картіөн ворсам. Кочегаръясыс пө кык либө куим кос кер пыртасны, сюясны пачас да миянкөд картіасыны пуксясны. Сотчыштас кер помыс, да кокнас йөткыштасны, мед водзө өзъялас. Тадзи пө оз ков ворсөмсьыс манитчыны. А сэссия пө районса газетьясыд воасны, да пыралам жө редакцияс. Косявлам сэтысь, мый син улө усьө, да асланым газетө пукталам. Та вөсна пө и лои өти и сійө жө гижөдсө кыкысь сетөмыс.

– Ылөдлан жө эськө да, – воча серөкті ме. – Газетад тай ас район йывсьыд гижөдъясыс эмөсь жө.

– Шмонита, дерт, – шуис Афанасьевыд. – Аддзысям да сэки дырдзык варовитам. Өні ог эшты. Выль гижөд со корөны.

Тадзи ме медводдзаысь кылі Евгений Степанович Афанасьевлысь гөлөссө да казялі шмонитан русө. Сёрни бөрас корси «Выль туйөд» газетьяссө да выль пөв лыдди сылысь некымын висьт. Унаыс эз сюр. Торъя небөг сылөн сэк, 1980 вонас, эз на вөв. Висьтьясыс нюмбанаөсь. Зэв вежавидзана шмоняөсь. Оз тешитчы либө лёкногөн серав йөз вылас, а мелі нюмөн быттьө висьтавлө лоөмторъяс йывсьыс. Шмоньыд уна пөлөс овлө. Эм сатира, эм и серамбана гижөдъяс. Сатираыд чорыд кабыра, вермас весиг морттө вины лёкногөн дивитөмыд. А серамбана гижөдъясыд, мөдарө, ловзьөдоны мортсө. Со босьтам

Евгений Афанасьевлысь «Ылөдчан лунө» нейджыд висьтсө. Сійө сюрлі жө сэкнас, кор корсьыси «Выль туйөд» газетьсыс сылысь гижөдъяссө. Пөръясян лун йывсьыд литератураад уна нин гижөма, но Афанасьевлөн висьтыс торъялө жө мукөдсьыс. Сійө оз тешитчы йөз вылас. Гижөдъяссө лыддигөн казялан, мый став герой дорас матыстчө өтмоза. Абуөсь муса да мустөмъяс. Гижысьлы ставныс найө дзик өткодьөсь. Сэтшөмөсь жө и тайө висьтас. Керкаса көзяиныс, Чукушев, садьмө да дыркодь туплясьө вольпасяс. Мөвпалө, кызди таво кутас шмонитны йөз вылас. Пыр жө и казялан, мый Чукушевлөн апрель төлысыя медводдза луныс аслыспөлөс. Мукөд асывъясө сійө, дерт, мөвпалө дзик мөдторъяс йылысь. А талун жө сылөн эм дзик мөд мог, кызди эськө йөйтөдлыштны матыссаяссө. И, дерт, медводз сюрө гөтырыслы. Сэссия шмонитыштны көсьяна «висьөмыс» вуджө пөлыслы. Дерт, медводдза здукас гөтырыс дөзмыштлө жө верөс вылас. Но сэссия ачыс ышмас да курыдтор пыдди ваөн юктөдас Чукушевөс. Мужичөйлөн сьөлөмыс оз бурмы, да Чукушев петас Педул Виктор сват дорас, коді корас гөсьтөс тшай юны.

– Некор. Пывсьыны тэрмасы. Локті, мися, он-ө воны дась жарас костө пөжыштны, – ыстысьө Чукушев.

Сэссия мунас гортас да өшиньөдыс видзөдас, кызди сватыс локны пондас, дзункнитас-пырас көдзыд пывсянө, а петас нөшта на зільджыка. Ылысянь Чукушевыс оз и гөгөрво, пиньнас герчкө сватыс али нюмъялө. Вомыс тай пөлөс-а. Пырөма Чукушев ордад да, вөлөмкө, нюмъялө жө. Та вылын Чукушев сват вылас шмонитнысө оз на дугды. Босьтчас юктөдны курыдтор пыдди ваөн, кодөс асывнас вайліс сылы гөтырыс.

– Пывсян бөрад, гашкө... этійө, неуна? Гөтыр меным кисьтыліс жө нин.

Педул Виктор юис да шуө:

– Но мед. Горшө ёна жө нин косьмө вөлі-а. Ачым нин көсйи матыстчывыны ва ведра дорас.

Некутшом дөзмөм абу татшом сяма шмоньсьыс йөзыслөн. Налы весиг гажа, мый пыр өткодь сяма олөмө пырөдчылис ылөдчан луныс. И водзө на мунас. Сватыс висьталө Чукышевлы, мый сиктө милиция воөма. Пищальяс да кулөмъяс пө босьтчасны мырддявны, шобны пө ставсө кутасны. Сэсся Педул Виктор петас ас керкаас да өшиньөдыс видзөдө, кызди ыбвывса чарөм вывти Чукышев нарт кыскө, усьлө да мунө-тэрмасьө. Вөралан да чери кыян көлуйсө дзебны кытчөкө нуө. Со и став висьтыс, кодөс сэки лыдди. Зэв шыльыда гижөма. Он

некытчө крукасьлы. Öд овлөны сэтшөм гижөдъяс, мый лыддьөмыс быттьө коскөдзыд лым толати уйөм кодь.

Кор семинар дырйи медводдзаысь асьсө аддзи да пыдөджык төдмасим, гөгөрвои, мый Евгений Афанасьев гижө сідзи, кызди ачыс сёрнитө. Висьтасьөм кодьөсь сылөн висьтъясыс. Лыддян да, быттьө ачыс воча пукалө, ставсө лыддьө висьтасигмоз. Таын и кокныдлуныс гижөдъяссө лыддигас. И тайө кокниа гижөмас век казялан джуджыд мөвпъяссө. Серам саяс дзебөма найөс. Быттьө эськө өти морт йылысь висьталө, а аддзан став йөзыслысь олөм-вылөмсө.

Кор 1980 вонас Евгений Степанович воис семинар вылас, вөли лымъя на. Меысь да сыысь өтдор чукөстөмаөсь Елена Козловаөс, Альбина Ануфриеваөс, Вячеслав Третьяковөс. Бөръясө овмөдісны мекөд да Евгений Афанасьевкөд өти жырйө. Сэк Лёмьяад вөли на кык судтаа ыджыд керка, көні олісны пожөма ягын шойччысьяс. Вөли и вель ыджыд пусян-вердчанін. Бур гөстиничаын кодь вөли сэні.

Вячеслав Третьяков – армейской

Юрий Васютов, Евгений Афанасьев, Анатолий Афанасьев, Владилен Крюков, Альберт Ванеев («Виль туйөд» газет архивысь).

паськөма, капитан погонъяс пысалөма кителяс. Пединститут помалөм бөрын мунөма служитны да тайө кадас оліс Чимиавөрөкын, дзескыдінын пукалысьяс бөрся видзөдіс. Вайис серамбана гижөд, кызди сиктса зонъяс босьтчөмаөсь начкыны өти пөчлысь порсьсө да некызди оз сяммыны. Удал зонъясөн нимтөма кужтөм начкысьысьястө Вячеслав Егорович. Тайө нимыс сэсся миянлы, өти жырйын олысь куим гижысьлы, көвъясис. Неуна кө сөрмыштам, пыр жө Иван Торопов ли Альберт Ванеев юаласны мукөдыслысь:

– Көні нө удал зонъясыс?

Кодкө шмонитігмоз вочавидзас:

– Сулея начкыны кольчисны. Тыдалө, оз сяммыны...

Евгений Степанович вайис жө семинар вылас асьыс гижөдсө. Иван Торопов, тыдалө, водзджык нин лыддьылөма, да казявли, мый некымынысь найө торйөн сёрнитісны. Иван Григорьевич кызкө медводдза паныдасьөмсяньыс жө кутіс лыддьыны Евгений Афанасьевөс аслас бур өртөн. Коркө, семинар бөрас некымын во мысти, весиг шуліс:

– Гижысыяс пөвстын менам эм сөмын кык ёрт. Тайё Яков Митрофанович Рочев да Евгений Афанасьев.

Ёртөн Иван Тороповлы лоны зэв сьёкыд. Сійё эз ставсө сибөдлы ас дорас. И тайё семинар дырйи Евгенийос мукөд дорсыс пыдди пуктөмсыйс весиг вежалыштим. Мый найос пырысьтөмпырсө йитис? Гашкө, сійё, мый кыкнанныс томдырйиыс вөр пөрөдөмаось. Гашкө, сійё, мый кыкнанныс помтөг радейтисны да сьөлөмсянныс гижисны коми парма йылысь. Налөн весиг мыгөръясыс быттё вөліны өткодьось. Шуа тай, мый тайё семинар дырйиыс нин найос унаысь казьявлі мукөдысь торйөн пукаломён. Мый йылысь кө ас кежысь варовитисны. Отчюд нем виччысьтөг суи найос өти жырысь. Көсийи нин бөр петны, но Иван Григорьевич сувтөдіс:

– Кывзышт, Олексей, мый Женяыс висьталө.

Афанасьевлы выль пөв ковмис висьтаваны:

– Чарөм вөлі, да йөрайд сэк оз вермы өдйө пышйыны. Со и час-мөд мысти суөді. Казьяліс пемөсыд, мый ме матын нин, да мелань бергөдчис. И аддзи, кыздисылөн синваыс кутіс лэччыны.

– Кутшөм нө, Женя, йөраыслөн синмыс вөлі? Синваыс кутшөм?

– Зэв жугыльось, көритана синъясөн видзөдіс ме вылө. А синваыс ыджыд мольясөн искөвтис.

– И эн лый? – тыдалө, мөдысь нин кывлөма тайё висьталөмсө, да бара на юасис Иван Торопов.

– Эг, дерт. Бергөдчи да муні дай.

Аддзыліннныд кө, кутшөм синмөн Евгений вылө видзөдіс сэки Иван Григорьевич! Ыджыда пыдди пуктөмөн, вылө донъяломён.

Семинар дырйи ми ставөн асьным лыддим вайөм гижөдъяснымөс. Воис кад төдмөдны аслас выль уджөн и Евгений Афанасьевлы.

– Мирон дед писькөдіс өшинь. Тадзи

шусьё висьтыс, – кабала вылө видзөдлөм бөрын шуис Афанасьев.

Сэсса босьтчис лыддыны. «Мыйыс сөмын эз и вөв Мирон дедлөн сараяс: сьёкыд изки, гыр, көні важөн нин нинөм эз тойны, путшкысян машина, ичөтик пыж, кодөс оз туй нин лэдзны ва вылө да көні көзяин видзө арын вотөм пув, гөн тыра пестер, кытчө сійё тшөкыда дзеблывліс магазиньыс гусьөн вайөмтор; стен бердын сулаліс верстак, а сы вылын гөтырыслөн приданной көлуй тыра сундук; сәні жө өшлөма кулөмъяс, боталаяс, ветельяс, стен пөлөныс, верстак вылын жө, куйліс выль лызь гоз».

Ме мөвпышти, мыйла сійё та кузя гижөма, кутшөм лөті-мөті вөлөма сараяс. Эз өд көнкө сідз тайөс пасьяв? Вочасөн лои гөгөрвоана, мый Мирон дедлөн гөтырлы сараяс пемьд, да корө би нюзөдны. Пөлөйд талы паныд. Зэв пө дона сувтас. Би нюзөдысьыд өти дозийөн оз прөймитчы, сэсса провод колө ньөбны. Лампочкаыд дон жө сулалө и. Бурджык пө вай өшинь писькөда. И корас зятъыслысь «Дружба» пиласө. Пөлөлысь ноксьөмсө казьялөм бөрын сарай дорас став грездыс чукөртчө. Быдөн төдысь да велөдысь. Медбөрын пилаыд эргыны кутас да пиньсө сатшкас стенад. Но пилипызькөд тшөтш мыйлакө кутісны лэбны гөн да рузум торьяс. «Паклясө нетшкө, сійөн, тыдалө, и джөмдалө пилаыс», – чайтис Мирон дед. Ми, Афанасьевлысь висьтсө кывзысыяс, босьтчим нин гөгөрвоны, мый жө тайө лэбө. Ёд эз дзик прөстаысь висьт заводитчигас лыддьөдлы, мый эм Мирон дедлөн сараяс.

Розь лои писькөдөма, орөдөм керьяссө тойыштөма. «...Со и пырис мича асывлөн югөрыс пемьд сарайө. Но пемдісны Мирон дедлөн синъясыс, кор аддзис аслас киясөн вөчөмторсө... Верстак вылын куйлысь лызь гоз вөлі пилитөма шөри. Пилитөма, кытчөдз судзөма пилаыс, верстаксө. А кор аддзис гөтырыслысь шөри орөм сундуксө, тіравны кутіс быдсөн». Тайөс лыддьөм

«Виль туйёд» газет редакция.

бöрын ми кутим нин виччысьны Мирон дед гöтырыслысь мыччысьöмсö. И, дерт, воис сийö да ёна и пинялис мыжмöм верöссö. Весиг босьтöма шошаöдыс да люкöдöма нырнас, кыз сорсьöм каньöс, бонзьöм кöлуйланьыс. Мый жö Мирон дед водзö вöчас? Виччысим ми. Но лабутнöй пöльыд сöмын вомгорулас шуалö: «Но ланьт, ланьт. Мый лоöма лоöма нин. Сöвикö на абу сюрöма чеп улас, да сийö бур... Мун тшайтö пузьöд, шыдтö лöд, яйтö крöшит».

Та вылын помасис висьтыс. Пуксис чöвлöнь. Быдöн, тыдалö, сувтöдис син водзас ас сиктсаяссö, корсис Мирон пöль кодьöс. Да дивитыштисны асьнысö, мыйла найö водзсö эз мöвпыштыны на йылысь. Ме весиг вежалышти жö да дивити ачимöс, мыйла эг аддзы Евгений моз аслам Ыджыдвидзысь татшöм сяма дедсö. Öд быдсямаыс жö сэнi овлö. А он казьяв либö он кöлöвартлы татшöмтор вылас. Афанасьев казьялöма, и со кутшöм серамбана, бур висьт артмöма. Ошкисны гижöдсö ставöн. Медья ёна, дерт, Иван Торопов. Евгений жö весиг эз вашмунлы серамбана висьтсö лыддигас да öни сiдз жö кывзiс зумыш чужöмөн.

Сийö збыльысь ас пыткас видзис шмоньсö. Дерт, эз жö пыр зумышöн вöв.

Вашмунлас и шмонитыштас жö. Эм сьлөн «Вежласяна поводдя» повесьт. Бытьтö ассьыс русö нимас пыртöма. Вежласьлис жö сийö да. Видзöдöмпырысь, вöли зэв öдйö пузьö, но оз дыр кежлö. Недыр мысти дзик нин мöд морт тэ водзын. Кутшöмкö семинар дырйи (ми öтлаын вöлим некымынысь) бара жö овмöдчим Льöмъяуд. Кытчöкö тай Евгений недыр кежлö петалис да локтö зэв зумыш чужöмөн. Бöрсяныс пырö кутшöмкö мужичöй да дорйысигмоз мыйкö висьталö. Вöлöмкö, болгарин. Найö öд Удораын вель уна во вөрлэдзисны. Евгений Степанович петалигас паныдасьöма сыкöд да босьтчöма дивитны пармасö жугöдöмысь. Мöдыд некызди оз гөгөрво, мыйла нем виччысьтөг сийöс мыждöмаöсь. Ме пö öд вөрлэдзысь, мый тшöктöны, сийöс и вöча. Тэ пö мян начальство вылö элясь. Регыд мысти бурасисны, да кыкөн, муртса эз кутчысьöмөн, мöдöдчисны ывла вылö. Ме öни гөгөрвоа Афанасьевтö, сылысь дöзмöмсö. Öд сийö зэв ёна радейтис коми пармасö. Вель уна висьт и гырысьяслы, и челядьлы вөр-ва да сэнi олысьяс йылысь гижлис. Пуясыс, быдмөгьясыс сылы вöлины бытьтö ловьяöсь. Найöс сийö жалитис, кöсйис видзны доймалöмысь да лёк олас-

нога йöзысь. Весиг дзоридзьясыд сылы вöліны мусаöсь. Öти нейджыд висът сідзи и шусьö – «Дзоридз».

«Төвбыд ми пелегуйтам быдтасным бөрся, некор эг вунöдöй юктавны. Мукöддырийис чая ва на кисьтылам вöлі. Воис тулыс, да Ванькаыд мян кызди паськаліс, кызди пондіс дзоридзавны ярьюгыд гөрд дзоридзьясөн – весиг видзöднысö дыр он вермы, синьясыд доймöны. Китыр кодзув быттьö кисьтöма». Со татшöм кывьясөн гижöма сійö дзоридз йывсьыд. Тыдалö, кодöс тай «Мокрöй Ванькаөн» йöзыс ыдждöдлöны. Быдмö сійö жырйын, көні сöмын мужичöйяс пукалöны. И со жырсö лелькуйтысь, чышкысь да мыськысь олöма нывбабаыс удж вывсьыс мунöма. Сы пыдди локтöма том нывка. И öти асылö казьясны, мый дзоридзыд дзик тыртöм, сöмын корьясыс тыдалöны. Вöлөмкö, том нылыдлы дыш лоöма джоджад усьласьысь дзоридзьяссö чышкыны, да нетшкöма. Быттьö эськö нывбаба рöдыд дзоридзьястö ёнджыка радейтö да пыдди пуктö. А Афанасьевлөн мöдарö артмöма. Мужикувлы абу кажитчöма дзоридз вылад тадзи тешитчöмыд. Найö оз мунны да пинявны томиник нывкатö, а гижöд кольöны.

Со татшöмös:

«Галина Михайловна, öшиньвывса быдтасным норасис мянлы, дзоридзьяссö пö нетшкöмыд. Мöдысь сэсса эн вöч тадзи, куж нимкодьясьны мичлун вылас да юктав дзоридзсö. Ва ведраыс пельöсас, көшыс ведра вылас, дзоридзсö ачыл аддзан. Ми».

Тайö висьтнас Евгений Степанович быттьökö шыасьö став дорас, коді вермас вайны ловья быдтасьяслы кутшöмкö лектор. И кырымасьöмаöсь со «Ми». Тыдалö, тайö став йöзыс, кодьяслы донаöсь дзоридзьяс, пуяс, быдмөгьяс, вөр-ва. И татшöм йöз йывсьыс сійö гижö уна висьтын, куимнан повесьтас, кодöс слöймис гижны нейджыд олан каднас.

Кывйыс Евгений Афанасьевлөн вöлі зэв озыр. Аддзыліс дзик стöч кывьяс, медым

петкөдлыны мортлысь этшсö, мөвпьяссö, вöчөмторсö. Удораын чужөм-быдмөм, нэмсö сәні олысь мортыд эз вывтiась и ас гөгöрса йöзлөн сёрнитанногнас. Та кузя ми варовитлім семинар мунан рытьяснас.

– Ме ог көсийы вывті ёна суйны гижөдьясö удорасалысь сёрнитанногсö, сэтчös кывьяссö. Сöмын некымынös öти висьтас, мед став коми войтырыслы лоис гөгөрвоана. А öти-кык кывйыд вермас и вочасөн пырны став коми йöзлөн сёрниö, – шуліс сійö.

Ми сы моз жö мөвпалім. Менам чужан Висер вожын оз жö дзик литературнöй кывйөн сёрнитны. Кута кө гижны сідзи, кызди сёрниыс юргö, некод оз гөгөрво. Весиг висервожсясыс. Öд весиг сэтчös сиктьясас сёрниыс торьялö. Со Джиян грездын шуöны ныв пыдди «ны», чулки пыдди «чуки» да сідз водзö. А куим верстсайса Ыджыдвидзын тадзисö оз нин шуны. Та вöсна сэкся семинарьяс дырйиыс ми волім дзик öти кывйö: кутчысьны коми литературнöй кывьяс, но эмöсь кө асланым оланінын торьялана кывьяс, кодьяс эськö озырмөдасны коми кывсö, то суйны найös вочасөн, лыддысьысьяссö дözмөдтөг. Ми гөгөрволім, мый коми войтырös öтувтö сöмын литературнöй кывным. Миян, тюрк войтырлөн моз, абу дзик öтувья религия. Сöмын литературнöй кывйыс йитö мянös лунвывсянь войвылөдз. И пазöдчыны оз позь. Кодсюрö öні тайös вунөдлöны да, изьва ногөн кө, сукмалитөмөн, сьялöны ас сиктса сёрнисö гижөдас. И быттьökö весиг нимкодьясьöны на. Со пö ме кутшöм кывьяс тöда. Нöшта öтчыл пасья, мый выль кывьясөн комисö колö озырмөдны, но вочасөн. Татшöм мөвпö воим ми Евгений Степановичкөд да сэкся мукөд том гижыськөд нелямын да комын во сайын мунысь семинарьяс дырйи.

Бергөдчыны кө Евгений Афанасьевлөн олан ру дорö, пасья: тайö мортыс көсийс тöдмавны ставсö, мый сійös кытшалö. Зэв öдйö вермис тöдмасьны дзик тöдтөм йöзкөд. Медводдза семинар дырйиыс со

Пыисдінын. Праздник лунё.

мый вөлі. Өти асылё Евгений миянысь водз петіс жырйысь. Чайтім, семинар нуодысьяс пөвстысь кодкөдкө сёрнитчөма паныдасыны. Но, кор Вячеслав Третьяковкөд воим семинар нуодан жыръяс, Афанасьев сэні эз тыдав.

– Өти удал зон тай оз мыччась, – шуё Иван Торопов.

– Сійё миян водзын татчө муніс, – вись-талам Вячеслав Егоровичкөд.

Час нин мунё семинарыс, а Евгений век на эз лок. Кост вөчисны да тшөктісны миянлы корсьны сійөс. Кытысь өні сійөс и аддзан? Но век жө мөдөдчим. Мунам гөстинича коридортыс, да кутшөмкө жырсянь кылө сылөн гөлөсыс. Тотшкөдчим да пырим. И муртса бөр эг петөй. Афанасьев пукалө пызан сайын, а сійөс кытшалөмаось лилипутьяс. Сэки найө тшөкыда воывлісны Сыктывкарад быдсяма петкөдчанторъяснас. Евгенийлөн чужөмыс зэв шуда, а ичөт тушаа войтырыс быдса концерт сылы петкөдлөны. Муртса вермим кыскыны сійөс жырсьыс. Лилипутьясыд киас кутчысьөмөн оз лэдзны петнысө да.

– Муна вөлі, да син улө найө усины, – висьтасьө Афанасьев. – Ме и кыв-мөд шуи. Найө корисны пыравны. Ме некор на налысь концертсө эг видзөдлы. Со и кори петкөдлыштны. Налы любө, и меным аддзывлытөмтор.

Со татшөм мортөн сійө вөлі. Со татшөмөн ме кута төд вылын Евгенийөс. Сыкөд паныдасьлөмьясыс вөліны эз сөмын семинаръяс дырйи. Удораө командировкаө ветлігъясө век кежавлі «Виль туйөд» газетса редакцияс. Медым чолөмасьны сыкөд, Пётр Бушенёвкөд, Александр Палкинкөд. Өти волігөн Евгений нуөдіс менө ас ордас пажнайтны. Вель ылын олө, весиг пос кузя юсө вуджим. Ыдждыгягөн шуисны Кослан мөдлапөвса оланінсө. Кутшөмкө барак кодь керкаын сійө оліс. Кык челядькөд. Найө эз вөвны гортас. Евгений мыйкө кутіс лукйысьны шкапын.

– Төда эськө, мый абу, но век на надеяйд эм. Друг да сюрас, – ас улас сёрнитө Афанасьев.

– Мый нө корсян?

– Тэнö өд мыйöнкö гөсьтитöдны колö. Курыдтор думысь кöсья аддзыны. Тöда эськö, мый абу да. Но друг да... – водзö лукйысьö сійö да нем виччысьтөг юалö: – Òлексей, тэныд кос тшак оз ков?

– Оз.

– Кос тшакысь öтдор нинöм эз и сюр. Вай сытөг, курыдтортөгыс, видлам панясьыштны.

И ми пуксим пажнайтны. Тайö серпасыс öнi на син водзын.

Мöдысь аддзысьлим Юрий Васютов дорын. Нем виччысьтөг кыськö мычысис. Леонид Палкинкөд вöли. И удораса гижысьяскөд вель дыр варовитi. Евгений вöли неуна омöльтчöма. Тыдалö, висис нин. Но век на зiлис дзевны тайöс, сёрниас некор эз гарыштлы висьöмсö. А варовитiм сöмын асланым öнiя да водзö лойсь гижöдъяс йылысь. Та бöрын Евгений Степановичöс эг нин аддзыв. Сöмын коли казътивны сійöс да пыр выльысь и выльысь лыддъыны гижöдъяссö, кодъ-ясысь век гумовта мыйкö выльöс, водзтi казавтöмöс, сьöлөм кыпöданаöс... И век кажитчö, мый Мöдей Пашыс, код йылысь гижö сійö öти висьтын, – тайö ачыс Евгений Степановичыс. Быттьö

пукалö сійö воча и висьталö: «Ошкөд паныдасьли-ö? Öтчид кö сöмын-а. Но ошсö сійöс ог вунöд. Зэв на том вöли, пастукалi колхозын. Помнита, лэччöдi мöсьясöс ю дорö, лыа вылас, мед ыркöдчöны. Налы лöсьыд, и меным бур. Друг кодкö ружöктiс – öтчид дай мöдысь, равöзтiс лёк ногөн и. Абу-ö кöть, думайта, мöс вöйöма нюйтас. Мунi, а зэв ыджыд ош кайöма вожа пуö дай сибдöма кык вож костас. Тытчö ни татчö. Зарадыс абу, уткапиянлы ставсö пöлялi. Öдйöджык сэссия лэччыли берег дорö, сöти пуръясьысьяслысь трос пом да рази сэтысь öти нарпöv. Сійөн и доми ошсö сьылиöдыс пу дiнас, сэссия некытчö оз пышйы.

Тiянöс, карсаясöс, ставыс тайö шензьöдö, а мян быттьö сiдзи и колö. Быдторйыс овлö вөр-васö келöдлiгөн. Мый? Мунан сэссия? Пукав, нöшта баитыштам. Но либö мöдысь коркö пырав...»

Пырала, дерт. Нöшта на унаысь босьтла киö Евгений Степанович Афанасьевлысь небөгъяссö, медым казъыштны сійöс да нимкодъпырысь лыддъыны сöдз коми кывйөн гижöм висьт-повесьтъяссö. Кежавлöй и тi сы дорö, аддзысьлöй ськөд висьтъясыс отсöгөн.

Истории

Игорь
ЖЕРЕБЦОВ

Игорь Любомирович Жеребцов. Родился в г. Сыктывкаре в 1960 г., окончил школу № 4, исторический факультет СГУ. С 1983 г. работает в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Доктор исторических наук, директор института, председатель Президиума Федерального исследовательского центра «Коми НЦ УрО РАН», председатель Совета Отделения Российского исторического общества в Республике Коми, председатель Учёного совета Национального музея Республики Коми, председатель Фонда «Покаяние». Опубликовал в России и 14 других странах более 700 работ, среди которых 10 монографий, свыше 40 энциклопедических изданий, научно-популярных книг и учебных пособий.

Что было бы, если бы?..

Фантазия на историческую тему

История не имеет сослагательного наклонения. Но всё же чертовски любопытно призадуматься над тем, что было бы, если бы?.. И литературе пофантазировать на эту тему вполне дозволено. Поэтому хочется иногда забыть, что ты историк, и возомнить себя писателем, вообразившим, что в начале 1930-х годов Российская империя жива-живёхонька и постаревший, но здравствующий государь император Николай II решает навестить одну из национальных окраин своего государства...

«Ваше Величество, мы пересекли границу Усть-Сысольской губернии».

Николай II взглянул в окно. Поезд неспешно катил по рельсам вдоль реки Лузы, приближаясь к первой зырянской станции под названием Лойма. Чтобы достичь губернского центра, ему надлежало проследовать через станции Занулье, Кибра и Визинга. Позади остались Великий Устюг и Никольск, не говоря уже про столицу империи Санкт-Петербург, откуда государь выехал два с лишним дня назад. Всё-таки на 66-м году жизни столь долгие путешествия были весьма утомительны. Конечно, обширнейшая губерния, включавшая весь Европейский Северо-Восток империи с бурно развивающейся промышленностью и транспортной сетью, сделавшей её важнейшим связующим звеном между Европой и Азией, вполне заслуживала высочайшего посещения (тем более что представители Дома Романовых не бывали тут целых 25 лет, аж с 1898 года). Но всё же, положив руку на сердце, приходилось признать, что поездка могла бы и не состояться, если бы не императрица Александра Фёдоровна, убедившая принять участие в открытии памятника «старцу» в селе Палевицы, откуда, как выяснилось, были родом далёкие предки Г. Е. Распутина.

Император с невольной улыбкой вспомнил публикацию в «Усть-Сысольских губернских ведомостях», автор которой А. А. Чеусов (как говорят, ветеран зырянской журналистики) поэтично, едва ли не стихами рассуждал о том, что родоначальником рода Григория Ефимовича был, несомненно, большой зырянский «тун» или «тёдысь» – колдун, знахарь, человек, приобщённый к тайнам волшебства и врачев-

вания. Ссылался журналист в своих несколько путаных рассуждениях, между прочим, на любопытную научную книжку зырянского учёного А. С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми». Впрочем, «Усть-Сысольские епархиальные ведомости» (другая местная газета) тут же дали Чеусову (а заодно и Сидорову) решительную отповедь: местный исследователь и общественник А. М. Мартюшев решительно заявил, что нечего, мол, распространять через средства массовой информации «обстановку Лысой горы с её колдунами, знахарями, тунами и прочими нечистых дел мастерами, концентрируя всю эту чертовщину» в Усть-Сысольской губернии. Да и местные иерархи не преминули присовокупить в той же газете, что лучше бы воспитывать в читателях и посетителях местных театров добрых христиан, уважающих Русскую Православную Церковь, а то дошло уже до того, что некие либералы на театральных подмостках в скверных пьесках потешаются над священнослужителями, сравнивая их с каким-то Балдой. («Похоже, к некоторым зырянам не только Тютчев, но и Пушкин так и не пришёл», – подумалось императору).

Вспомнив о местной прессе, Николай II взял в руки свежий, отпечатанный специально к его приезду номер журнала «Губерния». Без большого интереса перелистал первые страницы, заполненные обращёнными к «Его императорскому величеству» приветственными высказываниями губернатора, главы губернского земского собрания, мэра «столицы Зырянского края» и лидеров местных отделений общероссийских партий: «Либерального Союза Михаила Архангела», «Единой и неделимой России», торгово-промышленной партии правых сил, партии справедливых российских патриотов «Против лжи!», независимых конституционалистов-демократов и прочих. Даже местные левые, объединившиеся в «Партию обновления местной жизни», не преминули внести свою лепту в выражение радости от приезда Государя Императора, каковую испытывают трудящиеся массы Усть-Сысольской губернии.

Любопытней других было почитать опус Партии зырянской автономии, которая, как обычно, завершила свою публикацию призывом к Его Императорскому Величеству поскорее преобразовать Усть-Сысольскую губернию в автономное Великое княжество Зырянское. Один из лидеров зырянских «автономистов» Д. А. Батиев только что вернулся с очередной поездки на Шпицберген, во многом благодаря его неуёмной энергии включённый в 1919 году в состав Российской империи; король норвежский до сих пор обижен на российского императора за то, что тот решительно пресёк все претензии Норвегии на архипелаг; но после победоносного окончания войны с Германией и её союзниками главному победителю, России, войска которой заняли половину Европы, сильно пережить опасались. Да, подумалось государю, хорошо, что удалось в 1916 году повернуть дело с немецкими и австрийскими левыми социал-демократами, помочь им золотыми рублями (спасибо наследникам Саввы Морозова и другим фабрикантам, дали денег на богоугодное дело), да так, что германскому и австрийскому императорам пришлось отречься от престолов, а империям вскорости капитулировать и развалиться. Пришлось, правда, потерпеть несколько лет существование разных социал-демократических республик (Баварской, Прусской, Венгерской, Словацкой...), но это уже в прошлом. Зато Царство Польское расширилось за счёт тех польских земель, что были в Австро-Венгрии и Германии, и поляки, объединившись под рукой Российского императора, меньше стали бунтовать. Пилсудский вот, правда, всё шумит. Ну да Бог с ним.

Батиев, кстати, ведёт себя порой как зырянский Пилсудский. Бранит своих же коллег по партии и всё губернское чиновничество за бюрократизм, рассуждает, что, мол, надо провести «санацию» властных структур (может, кстати, и правда надо кого-нибудь «санировать» да и отправить в тот трудовой лагерь, который Батиев придумал создать на Ухте ещё

в 1921 году? Места там на всех хватит). А вот его привычка доказывать, что Шпицберген надо было включать не в Олонецкую, а в Усть-Сысольскую губернию, – это уже перегиб: довольно и того, что за «Зырянской губернией» (как нередко политики называют губернию Усть-Сысольскую) закрепили архипелаг Новая Земля, острова Вайгач и Колгуев. Ижемским оленеводам сии места весьма приглянулись; ненцам, правда, тоже, так что порой возникают конфликты между «островитянами»; хотели даже поделить острова между этими двумя народами, да мало кто пожелал селиться на Северном острове Новой Земли с его ледниками...

Губерния, что и говорить, велика, ни одна европейская страна с ней не сравнится по площади. Да что с губернией – любой уезд (Усть-Сысольский, Печорский и даже самый малый из трёх, Яренский) размерами территории может потягаться с государствами Европы. Населения, правда, маловато: несмотря на завезённую аж из Бухарского эмирата, Азербайджана и Литвы рабочую силу, заводам её не хватает. А заводов появилось много: благодаря учёному А. А. Чернову вот уже второе десятилетие изучающему здешние природные богатства, П. И. Полевому и другим их коллегам-учёным нашлись в губернии уголь, нефть и иные полезные ископаемые. Нашлись и энтузиасты, которые стали строить заводы: одни только А. Г. Гансберг и Г. П. Семяшкин чего стоят, истинные герои труда и созидания; Ухто-Печорский нефтяной гигант (целый комплекс промышленных предприятий по добыче и переработке нефти) – во многом именно их заслуга. Не зря оба высочайшими указами награждены золотыми орденовыми звёздами; по труду и честь.

Хорошо проявили себя и продолжатели дела лесопромышленника В. Н. Латкина. Теперь Усть-Сысольская губерния стала «валютным цехом» империи: тут лес и заготавливают, и перерабатывают. Только в окрестностях губернского центра два крупных лесозавода (да что там завода – комплекса!). Лесозавод «Полярная звезда» в устье Печоры тоже не отстаёт (опять же спасибо Гавриилу Прокопьевичу Семяшкину, под его руководством реконструировали старое шведское предприятие). А ещё крупные лесозаводы действуют в Троицко-Печорске, Кослане, Жешарте... «Союз русского народа» и его местное отделение, «Союз зырянского народа», правда, ворчат, что иноземный капитал чересчур сильно укрепился в зырянской лесной промышленности; но тут уж делать нечего, капиталы нужно привлекать отовсюду. Ухто-печорскую нефть тоже пришлось осваивать с помощью концессии, привлекать американцев. Ничего, справились.

Да и железные дороги строились с помощью иностранных концессий (даже норвежцы хотели участвовать, но обиделись из-за Шпицбергена и отказались; жалели потом, между прочим). А если бы не железные дороги, не смогла бы так быстро развиваться экономика губернии. Хорошо, что нашлись люди, реализовали один за другим несколько проектов. Первую железнодорожную линию строили ещё во время Мировой войны, ещё силами военнопленных, немцев да австрийцев; вскоре после победы и завершили, связав Усть-Ухту с Троицко-Печорском, а затем с Ксенофоновской (на Каме), Соликамском и Пермью. Ещё не закончив эту линию, стали строить вторую, на которой особенно настаивали усть-сысольские деятели: протянулась она от Ханты-Мансийска через Урал к Усть-Щугору и Троицко-Печорску, а затем через Усть-Нем и Усть-Кулом – к Усть-Сысольску. Депутат Государственной Думы Д. Я. Попов сумел убедить высших чиновников империи, что железная дорога через Усть-Сысольск – это кратчайший путь, который соединит Сибирь с незамерзающим Мурманским портом. После строительства дороги начнётся колонизация огромного Вычегодского земельного фонда, развернётся лесная промышленность, возникнет возможность сочетать скорость и дешевизну сибирского торгового экспорта. От Усть-Сысольска железнодорожная магистраль пролегла через Визингу, Кибру, Занулье,

Лойму, станцию Луза (на Вятка-Котласской железной дороге), Великий Устюг и Никольск до станции Буй, а уж оттуда пожалуйста, ежели надобно, и в Санкт-Петербург, и в Москву. (По этой-то линии из Петербурга и прибыл в «Зырянскую губернию» император).

Чуть позднее построили железную дорогу от Усть-Сысольска к Ухтинским нефтепромыслам (через Палевицы, Усть-Вымь, Княжпогост до Усть-Ухты), после неё, дабы спрямить путь нефтепродуктам от Ухты к Архангельскому порту (и вывозить продукцию Жешартского лесозавода) – ветка от Усть-Выми через Жешарт, Яренск и Сольвычегодск до Котласа. Поскольку и после этого дорога с Ухты на Архангельск оказалась долгой, то проложили ещё одну линию: Усть-Ухта – Княжпогост – Кослан – Пинега – Архангельск. Её появление перевернуло жизнь Удорского края, стократно ускорив развитие там лесной промышленности, увенчавшееся строительством крупнейшего Косланского лесопромышленного комплекса. Логичным следствием развития этой линии стало её продолжение на юг, от Усть-Сысольска до Вятки (по правому берегу реки Сысолы – через Шошку, Нювчим, Вотчу, Кажым). С Вятской губернией у зырян и раньше были довольно тесные торгово-экономические связи. А тут они ещё более укрепились. Второе дыхание получили и расположенные у железной дороги Нювчимский, Кажимский и Нючпасский чугунолитейные и железоделательные заводы, ставшие не только основными поставщиками рельсов для строившихся железных дорог, но и ремонтными базами для паровозов и вагонов. Заказов было столько, что наконец-то реализовалась идея, выдвинутая ещё во второй половине XVIII века: строительство аналогичного завода в Занулье (благо, что и там прошла железная дорога). В последующие годы для удобства вывоза товаров с Печоры и из-за Урала на Вятку появилась железнодорожная ветка Усть-Нем – Кажым.

Но главным событием в развитии транспортной сети региона стало, конечно, долгожданное строительство крупного морского порта в устье реки Индиги. Незамерзающая Индигская губа считалась гораздо удобной для кораблей, нежели устье Печоры, где также был построен и активно эксплуатировался морской порт. Но Печорская губа зимой замерзала, так что время судоходства существенно ограничивалось. Зырянские экономисты А. И. Бабушкин, А. М. Мартюшев и другие не раз выступали с убедительными обоснованиями целесообразности строительства порта Индига. Д. А. Батиев, будучи не только политиком, но и экономистом, близко к сердцу принимал всё, связанное с северным мореплаванием; немалую часть энергии, не растроченной на укрепление экономических связей с далёким Шпицбергенем, он употребил на пробивание идеи индигского транспортного коридора. Упорно обходя кабинеты едва ли не всех причастных к делу столичных чиновников («да я прямо в лаптях, а не в лакированных штиблетах заходил и в Зимний дворец, и в Таврический, и в Кремль, везде и каждому доказывая необходимость этого проекта», вспоминал потом он сам), поддерживаемый видными зырянскими политиками Д. Я. Поповым и П. А. Сорокиным, Батиев добился результата. Порт в устье Индиги построили, связали его железной дорогой (через Усть-Цильму) с Усть-Ухтой, а через неё – с Вяткой, Пермью и Ханты-Мансийском.

Императору импонировало, что губернские власти не зациклились только на строительстве морских портов и железных дорог; напротив, им удалось проложить прекрасные шоссе, связавшие между собой все части губернии, и теперь не составляло труда проехать на автомобиле от побережья Северного Ледовитого океана до границ с Пермской и Вятской губерниями или от берегов Северной Двины до Урала (или даже за Урал – наконец-то реализовался и проект «Сибиряковского тракта», предложенный в XIX столетии). («Железный конь идёт на смену крестьянской лошадке», – вспомнился государю прочитанный где-то лозунг). Заботились и о речном транспорте: обустройство «обстановки»

на реке, дноуглубительные работы, расчистка рек и другие мероприятия позволяли активно использовать пароходы и катера для перевозки грузов и пассажиров не только на Печоре и Вычегде, но и на других реках.

Пожалуй, только авиация чуть-чуть отставала: хотя с 1920-х годов Усть-Сысольск и связан авиалиниями со всеми соседними губернскими центрами, но вот на местном уровне самолёт ещё оставался диковинкой. (Притом, что лётчики-зыряне в годы Войны вполне были на высоте). Впрочем, государю докладывали, что в уездах Усть-Сысольской губернии созданы отделения императорского общества «Добролёт», каковые, за неимением аэропланов, используют в качестве средства передвижения по воздуху воздушные шары-аэростаты. Некие энтузиасты даже опробовали (и не без успеха) воздушное путешествие на шаре между Москвой и Ньючимом. Однако бывает, что шары заносит в тайгу, откуда пассажиров воздушного транспорта приходится вызволять на транспорте водном или гужевом.

Уже в период строительства порта в Индиге император внял настояниям советников и принял решение о создании из Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии, Печорского уезда Архангельской губернии (а также ряда волостей Чердынского уезда Пермской губернии и Орловского уезда Вятской губернии) новой Усть-Сысольской губернии с центром в «столице Зырянского края» Усть-Сысольске. Дмитрий Батиев с Дмитрием Поповым изначально предлагали включить в новую губернию и волости с коми-пермяцким населением, но тогдашний министр путей сообщения (с польской фамилией, как его там?.. Заканчивается на «ский»... Ну, не важно...) воспротивился: дорог, мол, от зырян к коми-пермякам нет, построить их быстро не удастся (поскольку, мол, «на дорогах у нас один сплошной ужас»), экономических связей тоже кот наплакал, мало ли что языки у них похожи. Но теперь, после того как появились и дороги, и экономические связи, можно бы и вернуться к этому вопросу. Тем более что Лига наций в последнее время начинает ратовать за развитие разных народов, национальных культур, создание условий (в том числе и административно-территориальных) для этого.

Зырянам, по мнению императора, было грех жаловаться: культура у них развивалась успешно. Не только в городах (Усть-Сысольске, Усть-Ухте, Усть-Цильме, Усть-Усе, Усть-Воркуте, Троицко-Печорске, Кослане, Индиге и Яренске), но и во многих селениях, особенно при железнодорожных станциях, морских и речных портах действовали зырянские театры и клубы («культура керка» – так, кажется, их называют местные жители). Музеи господин Цембер со товарищи организовал во всех городах. Цирка разве что пока нет. Хотя, как язвит тот же Батиев, с нашим, мол, парламентом и правительством и цирк не нужен. В школах детей разрешено учить на зырянском языке. Сейчас, правда, в некоторых частях губернии зырянских детей стало меньше, чем говорящих на русском и других языках империи: из-за обилия путей сообщения губерния (особенно Усть-Сысольск) стала отчасти «проходным двором»: кто только не понаехал сюда со всей России; ладно бы работать, но много и проходимцев всяких, хулиганов и тунеядцев. Иной раз открыть газету страшно: там обокрали, там убили. Говорят же умные люди – не читайте вы газет...

Ну, это, конечно, так, брюзжание. Без средств массовой информации никак нельзя. Радио в губернии становится всё популярнее, но главное средство массовой информации – газета. В губернии и уездах издаётся несколько газет и журналов, причём треть из них – на зырянском языке либо, по крайней мере, с использованием зырянских текстов. Печатали их алфавитом, изобретённым ещё в годы Войны учителем-зырянником В. А. Молодцовым.

Тем же «молодцовским» алфавитом печатались и книги писателей-зырян. Перед самой поездкой государю преподнесли целое собрание сочинений зырянского «живого клас-

сика» К. Ф. Жакова. Выяснилось, правда, что сей классик сочинения свои писал по большей части на русском, а на зырянский язык переводили его другие литераторы. А вот более молодое поколение предпочитает сочинять уже на родном языке. Даже подписываются они не на русский манер, а по-зырянски: Илля Вась, Тима Вень, Нёбдинса Виттор (последний, кстати, любит на радио выступать – то читает свои произведения, то музицирует, то песни поёт). Многие литераторы одновременно и науками занимаются: преподают в Усть-Сысольском университете, открытом по настоянию К. Ф. Жакова и П. А. Сорокина (последний и ректорствует в нём; популярен; пожалуй, назовут когда-нибудь университет его именем). К приезду императора университет проводит универсиаду – первое в губернии масштабное молодёжное спортивное соревнование, в котором участвуют студенты местного университета и других высших учебных заведений.

Вузов в губернии немало, ибо спрос на подготовленные кадры всё возрастает. Есть лесной, нефтяной, горный, учительский институты, институт путей сообщения, институт сельского хозяйства, институт управления... За специалистами, конечно, надо приглядывать (и за будущими, и за нынешними) – и не на предмет искоренения вольнодумства, а чтобы научные свои знания использовали с толком. Вот взять то же сельское хозяйство: очень уж настойчиво агитируют крестьян внедрять новые кормовые растения для животных; пишут, что завезём, приспособим, накормим всех коров до отвала, дёшево... Название у растения, конечно, хорошее, «вкусное», напоминает о борще. Но бесплатный сыр известно где бывает. Как бы чего не вышло... Может, действительно, создать в Усть-Сысольске отделение Академии наук, назвать его красиво, например, Зырянский императорский центр (ЗИЦ), поставить во главе хорошего управленца (эффективного менеджера, как модно выражаются англичане с американцами), ЗИЦ-председателя, чтоб за учёными-специалистами в губернии приглядывал. Впрочем, торопиться с этим не следует. Есть у государя и государства более важные задачи, связанные всё с той же экономикой.

Разработка Печорского угольного бассейна требует постройки железной дороги для вывоза угля. Новая линия уже постепенно тянется от Усть-Воркуты к Усть-Усе, а от неё к Усть-Цильме, которая станет одной из узловых станций. Другая ветка пойдёт от Усть-Усы к Троицко-Печорску. Повезут по ним к Индиге, Перми, Вятке, Котласу не только воркутинский уголь, но, даст Бог, и нефть, которую обещают найти на Усе и Колве. От Усть-Воркуты железная дорога пойдёт на север, к океану, где в устье реки Кары заложен ещё один морской порт (конечно, не такой крупный, как Индига), и на восток, через Урал и Обь к Обдорску (местные жители называют его Салехардом). Весьма интересно вырисовывается, хотя один из разработчиков проекта А. М. Мартюшев самокритично отметил: «Могут ли быть такие предположения названы нереальной фантазией – определить пока затруднительно».

Чтобы эти и иные планы реализовывать, надобен энергичный губернский глава, да не из местных, а такой, чтоб со стороны мог взглянуть на здешние дела. Конечно, коренной зырянин Дмитрий Селиванов губернией управлял очень даже неплохо (результаты налицо), и в губернском правлении у него собрались весьма толковые люди: Ефим Мишарин, Иван Коюшев, Фёдор Тараканов да два Василия – Сорвачёв и Юркин. Однако ж пришла пора обновить руководство – и не только для выполнения новых масштабных проектов, требующих мер весьма решительных и даже суровых, но и для того, чтобы губернатор, паче чаяния, не возомнил бы себя каким-нибудь самовластным удельным князем, позавывав за годы правления, что является хотя и высоким, однако ж всё-таки чиновником, назначаемым государем, которому и обязан служить верой и правдой.

«Зырянская» губерния (особенно её элита) назначенца со стороны воспримет, конечно, без энтузиазма. Это непременно следует учесть и поставить во главе региона человека

пусть и не из местных, но всё же не великоросса, а выходца из, так сказать, «националов» (благо в империи разных народов – пруд пруди), понимающего потребности малых народностей. Есть такие на примере у государя – не первый год на ответственной государственной службе, преданные, исполнительные. Вначале император присматривался к некоему чувашу, показавшему себя большим спецом в масштабных спортивных и иных стройках (а строить в Усть-Сысольской губернии надобно много чего) и обещавшему государю, что под его руководством губерния непременно процветёт и окажется впереди Европы всей. Однако ж вскорости прошёл слух, что чуваш тот более интересуется противоположным полом и крепкими напитками, нежели делами, и Николай II решил от кандидатуры сей отказать и – неожиданно для многих – выбрал кавказца.

Правда, некоторые великие князья (государевы родичи) деликатно Его Императорскому Величеству пытались возразить, намекая, что, мол, сей кавказец в общении с подчинёнными бывает, мягко говоря, грубоват, и на должности главы обширнейшей губернии это может оказаться весьма серьёзным недостатком. В руках губернатора сосредоточена огромная власть, и неизвестно, сумеет ли он всегда достаточно осторожно ею пользоваться, так что лучше было бы назначить на этот пост другого человека, более вежливого и внимательного к подчинённым, не столь капризного. Их Императорские Высочества предлагали кандидатом в губернаторы одного эстонца, представителя родственной зырянам народности: такой же «чухонец», говорили они, да к тому же в медицине разбирается, а в губернии вечно какие-то эпизоотии, оленидохнут сотнями, убыток жителям невероятный. Однако оного «чухонца» император решил пока оставить про запас (на случай, пояснил он великим князьям, какой-нибудь особо опасной болезни людей либо зверей), а выбор свой остановил на кавказце, сочтя приписываемые ему недостатки ничтожной мелочью.

Зато кавказец разбирался в национальном вопросе (даже статейки, причём довольно разумные, по этому поводу публиковал, рассуждал об «общности психического склада» той или другой нации, о культурно-национальных автономиях). В юности он, правда, увлекался марксизмом – но кто же в молодые годы не отдаёт дани каким-нибудь «свободолюбивым» идеям, заставляющим сильнее биться сердца юных либералов и революционеров?... Но большинство из них по мере взросления более зрело (в хорошем смысле – консервативно) начинают смотреть на мир и прогресс. Вот и сей господин тоже преодолел юношеские шатания и – как и большинство российских социал-демократов – осознал возможность улучшить жизнь граждан Российской империи (а кто же против?) не через налёты на банки и призывы к неповиновению властям, а через каждодневную работу в Государственной думе, министерствах и ведомствах, губернских, уездных и волостных органах власти и управления. И польза есть, и самому спокойнее...

Кавказец этот уже неплохо зарекомендовал себя, руководя Российской контрольной инспекцией (потом по совету видного юриста и теоретика государственного управления господина Ульянова этот РосКИн реорганизовали в Счётную палату). Инспекторы и контролёры РосКИна не только финансовые проверки проводили в министерствах и в губерниях, но и проверяли эффективность работы чиновников разных рангов, старались каким-то образом «нормализовать» их деятельность (потом стали говорить, что нужна, мол, «научная организация труда» чиновников). Сам глава РосКИна (генеральный инспектор или «гинспек», как его за глаза называли подчинённые) побывал с проверками и в Усть-Сысольской губернии. Правда, в губернском центре не задерживался, а больше изучал, как дела обстоят на её окраинах. Небольшой городок Сольвычегодск посетил дважды, причём, говорят, так запомнился тамошним жителям, что они решили в обоих домах, где господин генеральный инспектор квартировал во время визитов, чуть ли не музеи устроить...

Но Бог с ними, с музеями (хотя странно это – живого человека музеефицировать). Важно, что бывший «гинспек» не только в национальном вопросе разбирается, но и о губернии имеет представление, и с её деятелями встречался. Вот не так давно к нему приезжали обсуждать насущные проблемы Юркин с Кокушевым, а с Батиевым генеральный инспектор весьма тесно общался в период создания Усть-Сысольской губернии. (Правда, потом Батиев с ним разругался из-за того, что «гинспек» не поддержал его идеи с Великим княжеством Зырянским и Шпицбергенем в его составе). Намеревается Его Императорское Величество назначить своего протеже не просто губернатором, а генерал-губернатором, ибо и губерния велика, и планы у её нового главы генеральские: проложить Трансполярную железную дорогу вдоль всего Севера Азии, продолжив магистраль от Обдорска до Игарки и далее до Чукотки и Камчатки, связав в конце концов единой линией Мурманск, Архангельск и Индигу с Анадырем и Петропавловском-Камчатским. Даже названия уже понапридуманы для разных вариантов этой магистрали: «Бакомбер» (Баренцево море – Коми – Берингово море), «Баркомох» (Баренцево море – Коми – Охотское море), «Кококам» (Кольский полуостров – Коми – Камчатка), «Мурчук» (Мурманск – Урал – Чукотка)... Проект, что и говорить, грандиознейший, даже и не генеральский, а прямо-таки генералиссимусовский.

А ещё без пяти минут глава губернии увлечён идеями строительства разных каналов. Перво-наперво он планирует возобновить использование Северо-Екатерининского канала, который, казалось бы, уже давно списали и называют «канавой». Но сия «канавка» на удивление хорошо вписывается в разработанную по указанию готовившегося к новой должности губернатора систему речного транспорта, в которой учтены новые (или хорошо забытые старые) идеи строительства каналов между Печорой и Обью, Печорой и Вычегдой, Вымью и Мезенью, бассейнами Сысолы, Лузы, Вятки и Камы. Докладывали государю, что кавказский мечтатель помышляет также соединить с помощью канала Белое море с Балтийским; ну, это уж никакого отношения к Усть-Сысольской губернии не имеет. Может, ему вздумается ещё мост на Новую Землю построить или, пуще того, туннель к Шпицбергену проложить? Прямо батиевщина какая-то, прости Господи.

Кстати, о Батиеве. Любопытно, как он будет сотрудничать с генерал-губернатором? Его превосходительству весьма понравилась батиевская идея о трудовых лагерях, и с её помощью он намеревается (как докладывал государю перед поездкой) решать вопрос с рабочей силой для строительства железнодорожных магистралей, каналов, шахт, лесопунктов и всего прочего (а кадры, мол, решают всё). Императору импонировало, как решительно будущий генерал-губернатор формулировал свои планы и пути их осуществления. Уже намечено в первую очередь создать в Усть-Сысольской губернии ГУЛаг (губернское управление лагерей), ГПУ (губернское производственное управление), ЧеКа (чрезвычайные комиссии) и ещё какие-то НКВД, УСЕВЛОН и прочие полезные и необходимые для быстрого экономического развития губернии органы, благодаря которым жить в губернии станет лучше и веселее. Будет Батиев помогать в осуществлении сих планов – славно; а ежели заартачится да по своему обыкновению критику разведёт, то, может статься, что и несдобровать ему. Кавказец не любит, когда ему нижестоящие противоречат, и меры может принять суровые. Кстати, приписывают ему любопытную фразу: «Нет человека – нет проблемы»; но привирают, конечно; наверняка это какой-нибудь виртуоз пера придумал...

Надо бы, конечно, ещё раз очень внимательно изучить все эти проекты; вполне возможно, что и в других губерниях можно будет их реализовывать (тем более, что планы будущего усть-сысольского генерал-губернатора явно выходят за пределы подчинённой

ему губернии). Жаль, времени маловато. Впрочем, и сам без пяти минут генерал-губернатор, и кандидаты в новое губернское правление здесь же, в этом поезде, и вот-вот должны прибыть к Николаю II на совещание. А вот, кстати, и они.

«Ваше Величество, по Вашему повелению явились, дабы получить Ваши Высочайшие указания перед прибытием в Усть-Сысольск, господин тайный советник Джугашвили и с ним господа статские советники Ягода, Ежов, Берия и Мороз».

* * *

Конечно, как гласит народная мудрость, «если бы да кабы во рту росли бобы, то был бы не рот, а целый огород». Но представим себе, что российские власти вкупе с Францией и Британской империей в 1916 году профинансировали бы деятельность немецких и австрийских левых социал-демократов, и те устроили бы революции. Распались бы Австро-Венгерская и Германская империи, русские войска в 1917 году вступили бы в Берлин и оказались в числе победителей, причём в очередной раз внеся главный вклад в победу. Российская империя избежала бы революции, приобрела бы большое политическое влияние, экономика восстанавливалась бы благодаря германским, австрийским, турецким и болгарским репарациям.

А что было бы в Коми крае? Административное деление региона вполне могло бы измениться. Архангельская и Вологодская губернии были весьма обширны, идеи об их разделении и создании одной или двух новых губерний бродили в умах российских реформаторов. Не случайно уже в 1918 году, когда стране, в которой разгоралась гражданская война, казалось бы, не до реформ, Вологодскую губернию разделили на две части (появилась Велико-Устюжская губерния, куда вошла и южная половина Коми края). Усть-сысольские деятели были этим весьма недовольны, поскольку сами претендовали на главенствующую роль в каком-либо новом образовании (Усть-Сысольск уже до революции носил неофициальный титул «столицы Зырянского края»).

Если бы в регионе в послевоенный (после победоносно завершённой 1-й мировой войны) период достаточно быстро развивались промышленность и транспортная система, укреплялись бы экономические связи между севером и югом региона, то вполне резонным было бы вынести на повестку дня создание Усть-Сысольской губернии, простиравшейся бы от южных границ нынешней республики до Северного Ледовитого океана, включая архипелаг Новая Земля, острова Вайгач и Колгуев (которые, как известно, в 1921 году непременно хотел включить в Коми Республику «отец Коми автономии» Д. А. Батиев).

А экономика, вполне вероятно, развивалась бы. Ещё в 1911 году по инициативе властей и предпринимателей Пермской губернии началось строительство Камско-Печорской железной дороги, которая должна была соединить нефтяную Ухту с Пермью (трасса Усть-Ухта – Троицко-Печорск – дер. Ксенофонтово – Чердынь – Соликамск – Пермь). Предполагалось, что от Троицко-Печорска ещё одну линию проложат до Усть-Нема и Усть-Сысольска, а далее через Великий Устюг и Никольск через Вологодскую губернию до станции Буй Северной железной дороги, чтобы дать выход печорскому и вологодскому лесу за границу. Дорога связала бы в единую транспортную систему бассейны Камы, Печоры и Вычегды, вследствие чего неизмеримо облегчалась транспортировка хлебных запасов на Север из камского бассейна, резко увеличивали обороты торговля, лесоразработки. В её постройке особенно были заинтересованы американцы, которые и получили концессию от российского правительства на строительство. Власти Вологодской губернии проект поддерживали. В 1916 году в верховья Вычегды, Печоры и Камы направили большое

количество военнопленных «Четверного союза», которые стали основной рабочей силой на строительстве. Если бы они пробыли в Коми крае подольше (как военнопленные немцы в СССР после Великой Отечественной войны), то построили бы не только эту железную дорогу, но, возможно, и другие обстоятельные проекты, которые были разработаны в 1912–1915 годах. А их существовало несколько.

По проекту предпринимателя Вольтмана железная дорога начиналась бы от села Чемашевского, что на реке Обь, пересекала Уральские горы и через Троицко-Печорск и Ухтинские нефтепромыслы выходила на Пинегу, заканчиваясь в Архангельске («Обь-Урало-Беломорская железная дорога»). Совет Министров России в 1916 году рассмотрел этот проект, одобрил его и отправил для окончательного принятия во второй департамент Государственного Совета Российской империи.

А видный коми политик, депутат Государственной Думы Д. Я. Попов активно лоббировал проект архангельского художника А. А. Борисова, предлагавшего построить «Обь-Котласскую железную дорогу», которая начиналась бы там, где сейчас расположен Ханты-Мансийск, пересекала Урал (вероятно, в районе Щугора; во всяком случае, такой маршрут предлагали несколькими десятилетиями ранее промышленники М. К. Сидоров и А. М. Сибиряков) и через Усть-Немь, Усть-Кулом и Усть-Сысольск выходила на Котлас; Д. Я. Попов даже издал брошюру «К вопросу о железнодорожном строительстве на Севере».

Кроме того, власти Вятской губернии ещё в XIX веке говорили о необходимости железнодорожного сообщения между Вяткой и Коми краем (в частности, Прилузьем); позднее, уже в начале 1920-х, появилась идея железной дороги Вятка-Кажим-Нючпас-Нювчим-Усть-Сысольск-Серёгово и далее к планировавшейся на Выми гидроэлектростанции, бокситовым рудникам, нефтеразработкам и угольным шахтам (отчасти идея соединить железной дорогой Коми край с Вятской губернией начинала реализовываться на рубеже 1920–1930-х годов, когда стали строить железную дорогу от Усть-Сысольска через Прилузье к станции Пинюг Вятка-Котласской железной дороги). А руководитель экспедиции на Ухту В. Я. Белобородов в 1906 году выдвинул идею проложить через ухтинские нефтепромыслы железную дорогу, которая соединила бы Вычегодский край с Печорским и район реки Усы – с Зауральем.

Как видим, идеи о создании железнодорожной сети в Коми крае пользовались популярностью не только в регионе и далеко выходили за области фантастических проектов. Не случайно в 1918 году Всероссийский Совет Народного Хозяйства организовал предварительные изыскания на планировавшейся железнодорожной трассе Москва-Ухта, а в 1919 году вспомнили про недостроенную Камско-Печорскую железную дорогу, которую решили протянуть от Ухтинских нефтепромыслов через Усть-Цильму до Северного Ледовитого океана, а именно до бухты Индига (где планировалось – или, точнее, мечталось – построить морской порт).

Если это «планов громадьё» реализовалось бы хоть отчасти (благодаря труду военнопленных, финансовым вливаниям иноземных и отечественных капиталистов и помощи правительства, поделившегося бы частью репараций, получаемых от поверженных противников), то Усть-Ухта, Троицко-Печорск и Усть-Сысольск стали бы крупными узловыми железнодорожными центрами.

Добавим к этому морской порт в незамерзающей бухте Индига, соединённый железными дорогами (через Усть-Цильму и Усть-Ухту) не только с Пермью и Вяткой, но и с Сибирью и даже Дальним Востоком (предполагалось, например, провести железную дорогу от Индиги аж до Петропавловска-Камчатского; товарищ Сталин под конец жизни даже начал было эту великую стройку – от Оби на восток), ещё один возможный порт в устье Печоры

близ нынешнего Нарьян-Мара (менее удобный, но расположенный на водном пути, использовавшемся уже несколько столетий, и имеющий прямой выход на крупнейшую речную артерию региона), а также третий возможный морской порт (самый восточный) в устье реки Кары (идеи о его создании выдвигались в 1930-е годы; при благоприятном развитии Российской империи они могли появиться и даже реализоваться и раньше).

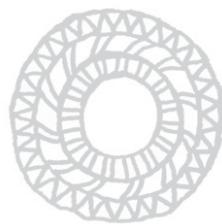
Речные пути (по Печоре, Вычегде, Сыsole, Выми, Лузе, Мезени, Вашке) в начале XX века активно использовались и обустроивались; по основным рекам ходили пассажирские и грузовые пароходы. Существовали проекты возобновления деятельности Северо-Екатерининского канала (между Вычегдой и Камой), сооружения каналов между бассейнами Вычегды и Печоры, Печоры и Оби; прибавим сюда теоретические возможности соединения бассейнов Мезени и Вычегды, Сысолы, Лузы и Летки в местах, где издавна (по волюкам) проходили торговые пути. Наконец, с конца XIX – начала XX века в регионе стали обустроиваться грунтовые дороги как внутри региона, так и ведущие вовне – на юг, запад и даже восток; состоялся даже первый «автопробег» из Усть-Сысольска в Кажим. Пожалуй, если бы дела шли так и дальше, то сейчас мы могли бы проехать по республике на автомобиле из конца в конец в любом направлении (но, увы, до Воркуты, Салехарда, Нарьян-Мара и многих других мест и сегодня дойдёт не «железный конь». А только крестьянская лошадка). И самое последнее – авиация. В российской армии были лётчики из Коми края, так что кадры для возможной гражданской авиации появились. И идеи наладить авиасообщение между Усть-Сысольском и соседними губернскими центрами даже в разорённой революцией и гражданской войной стране появились уже в 1921 году; а в более благоприятных условиях идеи могли бы и реализоваться...

И вот мы видим, что Коми край оказывается на великом транспортном пути, по которому с одной стороны света в другую перемещаются разные товары. Но Коми – не только перевалочная база, транспортный узел. Поиски месторождений нефти и угля велись задолго до начала 1-й мировой войны; специалисты предсказывали региону большое будущее. Развитие промышленности и транспорта в Российской империи требовало всё больше нефти и угля. В начале XX века разыскания геологов активизировались, и их выдающиеся открытия были не за горами. Энтузиасты вкладывали силы и средства в обустройство приисков и кустарных заводов. Иноземцы тоже интересовались полезными ископаемыми и их добычей, готовы были вкладывать деньги, надеясь получить сверхприбыль. И, вероятно, раньше появились бы угольные шахты, нефтяные скважины, развилась бы угольная и нефтяная промышленность.

В конце XIX – начале XX века в регионе развивались лесозаготовки, лесосплав, появились лесопильные заводы в устье Печоры. Не сгори они окончательно в огне гражданской войны, не пришлось бы Г. П. Семяшину восстанавливать их в 1920-е. Да и строительство крупного лесопромышленного комбината под Усть-Сысольском реализовалось бы, вероятно, раньше (идея эта, как известно, была высказана в конце 1920-х) – его скорее всего строительству способствовало бы не только развитие лесозаготовок, но и удобная для вывоза продукции транспортная сеть региона. Коми край с его лесозаготовительной и лесоперерабатывающей промышленностью непременно стал бы «валютным цехом страны» и «всероссийской лесопилкой» (как это и произошло в реальности в 1930-е). Второе дыхание могли бы получить Серёговский солеваренный завод, Нювчимский, Кажимский и Нючпасский чугунолитейные и железоделательные заводы. Последние три, будучи расположенными у железной дороги, могли бы стать не только основными поставщиками рельсов для строившихся и действующих железных дорог, но и ремонтными базами для паровозов и вагонов.

В малонаселённом регионе не хватило бы собственных рабочих рук, и в край для работы в промышленности и на транспорте, вероятно, переселяли бы безземельных крестьян из центральной России и из Прибалтики (планы таких переселений существовали в начале XX века: правда, речь тогда шла об использовании их труда в сельском хозяйстве; промышленности-то ещё практически не было). Скорее всего, не обошлось и без использования подневольного труда: на той же Ухте, да и в других местах могли использовать поначалу труд заключённых. Европейский Северо-Восток издавна служил местом ссылки и заточения «врагов государства»; не случайно ещё до создания Коми автономии Д. А. Батиев предлагал организовать на Ухте большой концлагерь для «бандитских кронштадских матросов» и прочих смутьянов и асоциальных элементов, дабы использовать их труд в строительстве и промышленности. Оседали бы в крае, конечно, и многочисленные разные случайные люди: транспортная доступность превращала бы регион не только в транспортный узел, но и в «проходной двор», через который шляются неведомо куда все, кому не лень. Так что национальный состав населения обязательно изменился бы, но в каких масштабах, можно только гадать.

Индустриализация региона потребовала бы квалифицированных кадров, для подготовки которых в крае появились бы в первую очередь технические училища, а затем и другие учебные заведения. В губернском центре Усть-Сысольске, наверное, был бы организован театр (опыт театральных постановок у горожан имелся довольно давний), стали бы издаваться газеты, где, вероятно, публиковались бы и материалы (литературные произведения) на зырянском языке (алфавит для которого В. А. Молодцов начал разрабатывать ещё до революции). Возможно, создавались бы коми-зырянские национально-культурные общества, которые занимались бы собиранием и изданием коми фольклора, созданием литературы на коми языке, изучением культуры, быта, языка, истории коми народа, популяризацией знаний среди местного населения (за что выступали основоположники «коми буржуазного национализма» Г. С. Лыткин, К. Ф. Жаков и их последователи – В. И. Лыткин, А. А. Чеусов, А. С. Сидоров и другие). К. Ф. Жаков и П. А. Сорокин (каждый со своих позиций) критиковали бы недостатки общественного устройства и призывали к реформам, находя отклик в умах части местной интеллигенции. Это брожение ума не вызвало бы бунта и революции, но, вполне возможно, и впрямь подтолкнуло бы власть имущих к реформированию политической системы в сторону конституционной монархии со значительными правами местного самоуправления. А впрочем, может быть, наоборот, к закручиванию гаек и установлению более жёсткого политического режима. И пришлось бы опять вспоминать про «столыпинские галстуки» и, не дай бог, примерять «ежовые рукавицы»...

Сыктывкар сто лет назад*

Удивительно, как сильно может меняться всё вокруг с течением времени. Полвека назад, когда мы были детьми, когда и трава была ближе, а небо выше, мы жили совсем в другом городе. Здание железнодорожного вокзала мы могли увидеть из окна квартиры на улице Мичурина (будущем Октябрьском проспекте); в лужах на месте Сыктывкарского госуниверситета ловили жуков-плавунцов и лягушек; в диком Мичуринском парке с большим болотом и заброшенным домом посередине играли в индейцев, рыцарей и разбойников. На месте бассейна располагался колхозный рынок, где торговали не только зеленью и овощами, но и живыми кроликами и цыплятами.

Летом на улицах продавали с тележек (на разлив) газированную воду с сиропом или без. В магазинах за 10-15 копеек можно было купить шоколадную конфету «Гулливер», ромовую бабу или эклер Сыктывкарского хлебокомбината. Городские кинотеатры «Родина» и «Октябрь» демонстрировали советские и зарубежные фильмы с 10 часов утра до 22 часов вечера, и в кассы стояли очереди желающих посмотреть «Фантомаса» или «Неуловимых мстителей». Поле стадиона (ставшее позднее «запасным») функционировало по полной программе. Зимой там ка-

тались любители-фигуристы и любители-конькобежцы, а рядом с ним с горок – лыжники и саночники. Летом на этом поле играли в футбол и проводились соревнования по лёгкой атлетике, а на асфальтированной площадке около стадиона соревновались авиамоделисты. Рядом был стрелковый тир...

Ещё не построили здания ЦУМа и Госсовета, не было «Вечногo огня» и нынешнего памятника Ленину на площади, зато строился Центральный рынок на ул. Орджоникидзе, а в центре города было великое множество деревянных домов без газа и канализации... По улице Карла Маркса (от Мичурина и Коммунистической к Орджоникидзе) мимо Дома печати и по улице Пушкина (от Первомайской и Южной к Гаражной) по месту нынешней 35-й школы курсировали автобусы. Так много изменилось прямо на наших глазах за 50 лет! А 100 лет назад в Сыктывкаре не существовало ничего из того, что мы застали в своём детстве. Не было автобусов, улиц Мичурина и Карла Маркса. И даже самого Сыктывкара. Был Усть-Сысольск. А подробнее о его облике и происходивших в нём событиях расскажет газета «Югыд туй», издававшаяся в городе столетие назад, в 1923 году.

* Тексты из газеты «Югыд туй» даны в оригинале.

* * *

Перенесение кладбища. Ввиду того, что кладбище, обслуживающее в настоящее время город не удовлетворяет ряду условий, решено его перенести с весны за Кирульскую часовню. Кладбище будет перенесено с таким расчетом, чтобы оно не находилось ближе 200 саженей от последнего городского строения, предполагаемого по плану. Сейчас ОКХ изыскивает средства на построение кладбищенской ограды. Кладбище для животных будет устроено на 150 саженей дальше.

Электрическое освещение. Электростанция имела ряд технических затруднений. Теперь их удалось устранить. Для удобства населения свет будет подаваться на всю ночь. Плата за электроэнергию введена с января по товарному рублю со свечи.

На телефонной станции. В настоящее время в Устьсысольске установлено 33 телефона, которые обслуживают четверо человек. Ненормальности на телефонной станции значительно устранены. Весной предполагается провести перестройку. Плата за телефон с января устанавливается в 50 товарных рублей.

«Югид туй», 13 января 1923 г.

Кирпичный завод. Нуждаемость в кирпиче ощущается громадная. Поэтому Комхоз предполагает открыть с весны кирпичный завод. Технический осмотр завода дал положительный результат. В настоящее время подвозится топливо и заключается договор с рабочими.

Коммунальная столовая и чайная. Комхоз решил открыть столовую и чайную. Этим преследуется цель дать некоторые удобства приезжающим в город и холостякам. Особенных доходов от столовой не предвидится.

Коммунальная баня. Отсутствие общей бани создает массу неудобств. Комхоз решил осмотреть бани при муниципализированных домах и выяснить возможность их приспособления для общего пользования. Составляется смета постройки летом новой бани.

«Югид туй», 22 января 1923 г.

«Старый Усть-Сысольск». Рисунок Анны Гордеевой.

Пожарная сигнализация. При пожарной команде города организована световая сигнализация, которая указывает участок, где произошел пожар. Состоит она из электрических лампочек, зажигающихся в момент выезда пожарных на каланче. Сигналы распределяются следующим образом: если горит одна лампочка, то пожар происходит в участке с. Вильгорт, две лампочки – Нижний Конец, три – Кируль и четыре – город. Участок сел Кочпон и Чит указывается тем же сигналом, что и Кируль, так как имеет одно с ним направление. Дневных сигналов в данное время нет, но они в самом непродолжительном времени будут сделаны.

«Югыд туй», 28 января 1923 г.

Французский представитель. В Усть-Сысольск прибыл представитель французской фирмы «Жан Ажальвен и Христоф». Цель приезда – завязать торговые отношения вышеуказанной торговой фирмы с нашими торговыми учреждениями и предприятиями, а также закупить у нас пушнину и другие товары для экспорта.

«Югыд туй», 13 февраля 1923 г.

Венерическое отделение. В Усть-Сысольске обздравом [областным отделом здравоохранения] открывается отделение венерических больных. Отделение рассчитано на 20 коек.

«Югыд туй», 15 февраля 1923 г.

В Исправдоме. 7 февраля в исправдоме [исправительном доме] г. Усть-Сысольска было трагическое прощание заключенных с уходящей администрацией в лице тов. тов. Опполитова и Багина. По инициативе заключенных и с разрешения администрации состоялось общее собрание всех заключенных. Выступавшие представители из заключенных в теплых выражениях высказали благодарность уходящей администрации за ее гуманное и справедливое отношение к заключенным, а также за организацию культурно-просветительного кружка и активное участие в нем. Собрание закончилось пением Интернационала.

«Югыд туй», 17 февраля 1923 г.

Приветствие женщинам Востока. (Забоева). Объединенное собрание женщин-коммунисток, Союза Молодежи и беспартийных 1 марта в Усть-Сысольске <...> вынесло следующее постановление: Заслушав приветственные слова тов. Пластининой от женщин Востока и доклад о задачах Женотдела при НЭПе, мы, женщины Далеккого Севера (Область Коми) усматриваем в первом сдвиге женщин Востока – этой колыбели сильнейшего порабощения, закабаления женщины – желание сбросить, и навсегда, это иго, приветствуем их и вносим пожелание твердо идти по намеченной Вами дороге, ведущей к духовному раскрепощению целой половины человечества – женщины. Мы же, женщины Коми, приложим все свои силы и знания на поднятие культурного и политического уровня развития женщин Коми и братски протягиваем руку помощи в этой работе, ибо только в единении сила и мощь, ибо только организованность и сплоченность в этой работе могут вывести женщину из кабалы.

«Югыд туй», 9 марта 1923 г.

Убрали растлителя. В Усть-Сысольском Народном суде рассматривалось дело по обвинению преподавателя школы 2-й ступени Гуляева Владимира Кирилловича в растлении

молодежи. Обвинение Гуляеву было представлено по трем пунктам: он организовал физический кружок, но превратил его в метафизический. <...> Ученики слушали, разиня рот, и верили его бредням. Кроме того, Гуляев умышленно тормозил работу школьного клуба, которым руководил комсомол, так невзлюбимый Гуляевым. Он <...> продолжал обделывать свои дела, заниматься растлением молодых умов. И дело дошло до суда. В политическом отношении Гуляев – личность весьма темная. Бывшие стычки с комсомолом во всяком случае не доказывают его принадлежность к советскому лагерю. Суд постановил лишить Гуляева права занимать должность в советской школе и приговорил его к одному году принудительных работ с использованием на канцелярской работе. Пролетарский суд убрал из школы растлителя.

«Югид туй», 21 марта 1923 г.

Куда идут штрафы. Штрафы, взятые за пьянство, распределяются так: если пьянство обнаружено милицией, то 75% идет на укрепление милиции и 25% в местный бюджет; если пьянство обнаружено частным лицом, то в его пользу идет 25%, 50% на укрепление милиции и остальные 25% в местный бюджет. Штрафы, взятые за нарушение порядка и различных обязательных постановлений, полностью идут в местный бюджет.

«Югид туй», 22 марта 1923 г.

Прибыли кино-ленты. В Нардом [Народный дом] пришли кино-ленты. В скором времени предполагается начать работу кино.

«Югид туй», 27 марта 1923 г.

Вечная память. <...> Революционно-коммунистическая молодежь выступает за стрельщиками новой культуры. Под ее мощным – всеокрушающим напором, с треском ломаются старые установления, вкусы, моды. Церковь, карты, драки и т.п. для молодежи, или по крайней мере для передовой ее части, навсегда потеряны». Танцы не так давно Устьсысольским Горкомом РЛКСМ были похоронены навсегда. «Общее собрание членов Устьсысольского Горкома РЛКСМ признавая несомненный вред танцев, категорически запрещает танцевать и обязывает вести широкую разъяснительную работу о вреде танцев среди беспартийной молодежи». Этим постановлением нанесен смертельный удар еще одному из уцелевших наследий старого мира и его кислой и покойной культуры. <...> Пора порвать с косными традициями и обычаями. Танцы – удел буржуазно-мещанской молодежи. Райком молодежи не может разрешить себе такую вредную роскошь. Честная и сознательная молодежь, равняйся на комсомол! Скорая смерть и вечная память вам, многострадальные танцы.

«Югид туй», 27 марта 1923 г.

Ячейка физкультурников «Юный пролетарий» (ЮП). (Робур). 28 марта в помещении школы II ступени №2 впервые продемонстрировала свои результаты трехмесячных занятий по физкультуре ячейка физкультурников «Юные пролетарии» или «ЮП». Новая ячейка организовалась в декабре 1922 года, имеет в своем составе 47 человек – 29 девочек и 18 мальчиков – все учащиеся школы II ступени №2. Ячейка имеет свою форму и значок. Программа вечера – вольные движения, игры и пирамиды, проведена «юпами» чисто, хорошо, даже красиво, хотя упражнения были довольно трудные. Чувствовалось, что «юпы» относятся к физкультуре очень серьезно. Большое оживление внесли игры. В играх «юпы» были в своей стихии. Игры «Слон», «Всадники», толкание шестом, бег в мешках, номера из

партерной гимнастики – были проведены очень живо и весело. Хороши были командные состязания-эстафеты – между девочками и мальчиками. Красивы были пирамиды, хотя заметна была толкотня, незнание своих мест. В общем, первое выступление «юпов» показало, что за короткий период «юпы» постигли много и могут быть в будущем конкурентами спортклубу «Заря». Пожелаем, чтобы «юпы» на празднике Всевобуча 23 мая постарались получить приз за красоту, силу и ловкость.

«Югыд туй», 31 марта 1923 г.

Данные переписи. По предварительным данным городской переписи на 15 марта в гор. Устьсыольске со слободами находилось налицо: 7 130 жителей, в том числе 3 434 мужчин и 3 696 женщин. В эту цифру не включены войсковые части.

«Югыд туй», 7 апреля 1923 г.

Комсомольская пасха. (Ток). 7 апреля Усть-Сысольская Городская организация РК.С.М. в Нардоме проводила первый день Комсомольской пасхи. В отличие от всех празднеств, Комсомольская пасха характерна умелым подходом к делу антирелигиозной пропаганды, которая, безусловно, оставит глубокое впечатление в сознании массы молодежи, присутствующей на этом празднике. Выступление тов. Рочева с научным объяснением истории пасхи, нельзя лучше увлекло молодежную публику, которая слушала доклад с большим вниманием. <...> Докладчик действительно разоблачил сущность христианской пасхи и многим, еще возможно усумляющимся, открыл глаза, что религия – иллюзорное представление человеком таинственных сил природы. После доклада был спектакль «Генералы в Раю», имевший также антирелигиозный характер. Затем выступает тов. Распутин, который говорит о значении Комсомольской пасхи, отмечает, что здесь собрались исключительно дети рабочих и крестьян, ранее угнетаемых попами. <...> Коммунистические Союзы Молодежи поставили себе задачей освободить трудящуюся молодежь от поповского влияния и дать молодежи научные познания, которые также помогут разобраться им, где истина, где ложь. Комсомол начинает энергично освобождать детей трудового народа от религиозного влияния. Итак, дайте дорогу молодежи, она с успехом завершит начатое дело.

«Югыд туй», 12 апреля 1923 г.

Шире дорогу делу просвещения. Собор под «Дом Просвещения». На общем собрании Комсостава и красноармейцев штаба ЧОН Коми области и № особого Усть-Сысольского отдельного батальона по вопросу о народном образовании внесена следующая резолюция: «Мы комсостав и красноармейцы штаба ЧОН Коми области и № особого полка Усть-Сысольского отдельного батальона, заслушав доклад тов. Соколова о состоянии дела просвещения вообще и, в частности, в гор. Усть-Сысольске, признаем необходимым просить обисполком и обком РКП(б), предоставить для культурных целей Степановский собор, переделав его в «Дом Просвещения» и тем самым дать возможность к созданию главного пункта с темнотой и невежеством. Довольно морочить мозги трудящимся, шире дорогу делу просвещения.

«Югыд туй», 22 апреля 1923 г.

Лепта детишек в пользу детей. Зина Потолицина, Варя Поросятникова и Зина Перевалова 29 апреля устроили домашний детский спектакль (Советская ул. дом №2).

Спектакль был посвящен «Неделе беспризорника и больного ребенка». На спектакле сделали сбор и собрали среди детишек 15 руб., которые внесли в Комиссию по проведению «недели». Спасибо, вам, детки! Ваш маленький подарочек в пользу заброшенных и больных детишек очень дорог, и он попадет именно тем, как вы просите, которые ничего не имеют и нуждаются.

«Югид туй», 4 мая 1923 г.

Несколько минут путешествия по городу. (Длинный путешественник). Хлам на мостках. По ул. Ленина против полуразрушенного дома №16, на мостках навалены бревна и прочий хлам. Это затрудняет движение. Следовало бы Комхозу или другому хозяйству озаботиться об отчистке мостков.<...> Архивная ценность. В местечке Париж (не спутайте со столицей Франции) нет Эйфелевой башни, но зато есть мост. Этот мост давно пора перетаскать в архив к Цемберу, но никто об этом позаботиться не хочет. От времени мост изогнулся кокетливо дугой и под шагами пешехода дрожит и трясется. А что будет, если проезжающие там часто трамостские лошади окажутся не на мосту, а под мостом? Поповский портной. На Советской улице есть оригинальная вывеска «Портной. Принимаю заказы попов». Значит, поповский портной.

«Югид туй», 10 мая 1923 г.

Открытие Госбанка. Наше ходатайство об открытии в Усть-Сысольске отделения Госбанка удовлетворено. Госбанк утвердил открытие отделения. Отделение начнет работу по приезде тов. Корытовского.

«Югид туй», 12 мая 1923 г.

Демонстрация протеста. В четверг на Народной площади состоялась демонстрация протеста против убийства Воровского и дерзкой ноты Англии. На демонстрацию прибыли все войсковые части города, спортивные организации, профсоюзы, учащиеся и местные граждане. Кайма красных знамен окружала трибуну, с которой ораторы говорили о захватнической политике Англии и вообще мировых капиталистов, о попытке задушить Сов. Россию, о зверском убийстве в Лозанне нашего дипломата Воровского. <...> Собравшиеся на демонстрации вынесли следующую резолюцию: «Трудящиеся г. Усть-Сысольска, собравшиеся на митинг 17 мая, с чувством глубокого презрения и возмущения протестуют против наглости международного империализма и фашизма. <...> Наглое нападение на голодную, разоренную, но победившую страну рабочих и крестьян, жаждущую мира, у нас, трудящихся граждан Коми окраины, найдет лишь единый мировой клич: Долой международную империалистическую шайку, бесстыдно лезущую на чистое пролетарское ложе! Да здравствует свободная, гордая Советская Россия, ввергнувшая во прах замки английских лордов!» <...>

Ученики протестуют. Члены школьного коллектива школы семилетки вынесли резолюцию: Мы, члены школьного коллектива, протестуем против наглых попыток мирового капитала закабалить Советскую Россию. Знайте, проклятые убийцы тов. Воровского, вам не задушить власти трудящихся! На смену старым борцам идем мы, новое поколение, и будем биться с вами твердо и непримиримо. Руки прочь, гады, от Советской России!

«Югид туй», 19 мая 1923 г.

Решили больше не пить. На общем собрании красноармейцев и военнослужащих облвоенкомата постановлено совершенно прекратить выпивку спиртных напитков среди красноармейцев и сотрудников облвоенкомата. Нарушившие это постановление будут привлекаться к суровой ответственности, и, кроме того, у ворот помещения облвоенкомата будет вывешена черная доска, на которой будут заноситься имена провинившихся.

«Югыд туй», 26 мая 1923 г.

Грандиозное гулянье на Белом бору. Сегодня 27 мая (Троицын день) в 13 верстах от гор. Усть-Сысольска в местности «Белый Бор» (на берегу Вычегды) устраивается грандиозное гулянье. Духовой оркестр. Декламация. Лотерея-аллегри. Буфет со всевозможными закусками. Специальное пароходное сообщение между Усть-Сысольском и Белым Бором от 10 часов утра до 12 часов ночи. Цена билетам на пароход туда и обратно: детям – 10 рублей, взрослым – 25 рублей. Билеты продаются на пристани. Весь сбор поступит в пользу Воздушного флота. В случае плохой погоды сегодня, в воскресенье, гулянье не состоится и переносится на понедельник – 28 мая.

«Югыд туй», 27 мая 1923 г.

Еще одно достижение. (*Кон де Ор*). В пятницу была проба новой передаточной радио-станции. <...> Теперь мы можем не только слышать, но и говорить. Правда, не так далеко, но все-таки уездные станции услышат. Станция помещается в здании обкома партии. Какое удачное совпадение! В здании руководящей пролетариатом организации помещился один из важнейших нервов пролетарского государства.<...> В 9-м часу начали разговаривать с Вяткой. В <...> комнате шумел и пищал аппарат, и не верилось, что где-то там, в Вятке, нас могут слушать и понимать. <...> Когда был получен ответ Вятки, все улыбались. <...> Больше всех были довольны сами работники станции, сказочные колдуны, говорящие с такими же колдунами, находящимися от них за несколько сот верст, через леса и реки, почти также легко, как мы говорим через улицу. <...> Скоро, наверное, придет время, когда мы будем разговаривать с Москвой и с границей.

«Югыд туй», 27 мая 1923 г.

Устройте сходы. Приезжающему в город, еще на пристани, бросается в глаза невероятная грязь. Буквально по колено в грязи бредут бедные пассажиры с пристани и на пристань, и всю эту грязь они несут на пароходы или разносят по квартирам. Следовало бы комхозу [отделу коммунального хозяйства] принять надлежащие меры и устроить мостки.

«Югыд туй», 30 мая 1923 г.

На основании инструкции НКВД. <...> Каждому домохозяину предоставляется право в течение 2-х недель в освободившуюся комнату подыскать себе квартиранта. Обкомхоз предлагает регистрировать сразу освободившуюся комнату. В случае обнаружения излишней площади (более 16 кв. аршин на человека) по предупреждению через неделю будет вселен квартирант по усмотрению Коммунхоза.

«Югыд туй», 1 июня 1923 г.

О пастьбе коз и о мерах борьбы с потравой козами посевов. <...> Принятые милицией меры о невыпуске коз на подножный корм в полосы пахотных угодий и в черте города, в большинстве случаев за невыясненностью козовладельцев никаких положительных результатов не дали, и козы до сих пор находятся на подножном корму на улицах города и вблизи пахотных полей, без всякого присмотра со стороны козовладельцев, причиняя по-

траву хлебным и другим растениям, нанося значительный вред садам и огородным посадкам, урожаи последних ежегодно съедаются на 50%. Кроме того, козы немало вреда причиняют и приезжающим в город гражданам, вытаскивая с возу все съестное. Независимо от сего, козы сильно загрязняют тротуары и площади города, что также небезболезненно отражается на санитарном состоянии города. <...> Бродячие по улицам города и по огородам козы без значков [с указанием владельца] считаются пригульными, которые задерживаются и по удостоверении факта, бесспорно будут сдаваться в пользование детских домов. <...> Козы, пасущиеся на улицах города, хотя и со значками, будут задерживаться, и расходы по содержанию этих коз, до передачи козовладельцам, ложатся на последних.

«Югид туй», 13 июня 1923 г.

В детском саду. <...> Основной лозунг дошкольного образования – «дети – цветы жизни» – напоминает о себе уже у входа в Устьсысольский детский сад. Каждому посетителю он дает понять, что здесь, в саду, идет воспитание подрастающего нового поколения. <...> Дети разбиты на три группы. Занятия в саду ведутся с 9 до 2-х часов. Часы занятий распределены так: с 9 до 10 – сборный час, с 10 до 12 – групповые занятия, с 12 до часу – чай, обед, с часу до 2 – общие занятия. С наступлением весны занятия идут под открытым небом. <...> Сад производит приятное впечатление. Помещения – чистые и светлые. В занятых комнатах много цветов, на окнах шторы – работа детей, на стенах, полочках и столах рисунки, лепка и т.п. В каждой комнате есть уголок весны – здесь на столиках стоят букеты с живыми цветами, лежат растения, камушки, собранные детьми в нынешнюю весну. <...> Многих предметов не хватает, питание слабое. Руководительницы снабжаются плохо, шеф им совсем не помогает. Очень сожалеют руководительницы, что им Комхоз не дал для сада земли под огород.

«Югид туй», 22 июня 1923 г.

Сельскохозяйственный банк. В ближайшие месяцы в Устьсысольске открывается отделение Кредитного сельскохозяйственного банка, имеющего целью отпускать крестьянам в кредит для подъема сельского хозяйства деньги, сельскохозяйственные машины, орудия, семена и прочее.

«Югид туй», 29 июня 1923 г.

Расширяют кожзавод. Устьсысольский кожевенный завод расширяется. На днях закончится постройка второго этажа. Там будут помещаться отделочная и сушилка. После окончания работ завод будет сдан Обсоюзу кооперативов.

На лесопильном заводе. Проведено размежевание места под лесопильный завод. «Северолес» согласился участвовать в строительстве на половинных паях.

Кирпичный завод. Закончена выделка кирпича-сырца для лесопильного завода в количестве 270000 штук. Выстроен новый сарай и новый барак для рабочих. На заводе работало 82 человека, работа продолжалась около месяца, и средняя заработная плата рабочих выразилась в 9 пудах хлеба. В настоящее время на заводе работает 8 человек. <...>

«Югид туй», 21 июля 1923 г.

Каникулы в детском саду. Занятия в центральном опытно-показательном детском саду прерваны с 23 июля по 15 августа с.г. Летний перерыв вызван необходимостью дать детям отдых после регулярной, потребовавшей большого количества детской энергии, одиннадцатимесячной работы зимнего, весеннего и отчасти летнего периодов. Родители

должны использовать этот перерыв более целесообразно: дать детям возможность отдохнуть, не утомлять их непосильной физической работой, чтобы к началу нового занятого года они явились как в детский сад, так и в школу бодрыми и свежими.

«Югыд туй», 27 июля 1923 г.

Книжный магазин. В половине августа Обсоюз открывает книжный магазин, который будет помещаться на Советской улице, рядом с аптекарским складом. В магазине будут все новинки книжного рынка.

«Югыд туй», 5 августа 1923 г.

Юные пионеры. В Усть-Сысольске организован отряд «Юных пионеров». Записалось пока 28 человек. В пятницу 3 августа состоялось первое организационное собрание. Было два занятия. Отряд разбит на 4 патруля, с одним патрульным во главе на каждый патруль.

«Югыд туй», 9 августа 1923 г.

Объявление. Обкоммунхоз сим объявляет всем учреждениям и жителям гор. Усть-Сысольска, что мусор со дворов, улиц и от вновь строящихся и ремонтируемых домов должен свозиться и сбрасываться в овраг на площади за Народным домом, в конце Пролетарской улицы, отнюдь не допускается раскидывания его по береговой окружности оврага и по улицам. Виновные в неисполнении сего распоряжения будут привлекаться к законной ответственности.

«Югыд туй», 10 августа 1923 г.

Организация изолятора. Предполагается организовать в Усть-Сысольске изолятор для морально-дефективных детей.

«Югыд туй», 12 августа 1923 г.

Не хотят больше обманывать народ. Кто следующий? (Распутин). Заслушав доклад на тему: «Быт и нравы Пролетариата», мы, сотрудники и красноармейцы ГПУ констатируем: что бытово-нравственная сторона рабоче-крестьянской среды еще заражена многими пережитками капиталистической язвы. Бытовое явление «матерщина» еще до сих пор сохранилось в нашей среде, что вводит разврат и препятствует нашему культурному развитию. «Матерщина» осложняет взаимопонимание, особенно среди военнослужащих и ведет к антагонизму с нашими политпросветительными планами. Придавая громадное значение статье тов. Троцкого, который призывает нас прекратить «матерщину», мы, сотрудники и красноармейцы Областного отдела ГПУ постановляем: 1. Вменить в обязанности комполитсоставу быть проводниками идей прекращения «матерщины», как своим личным примером, так и путем внушения и собеседования с подчиненными сотрудниками и красноармейцами. 2. О всех нарушающих данное постановление доводить до сведения комсостава, сотрудников и красноармейцев на общем собрании виновным выносить порицания. 3. Усилить наряду с проводимыми политчасами политикопросветительную работу в области усовершенствования морали соответствующими идеологии коллективизма принципами просвещения классовой армии ГПУ – Гвардии Пролетариата.

«Югыд туй», 5 сентября 1923 г.

Праздник 2 сентября. (Н.Е.). К 12 часам стали собираться ячейки РКСМ, пришли пионеры. На плакатах – «Пусть международный капитал содрогнется перед единым пролетар-

ским фронтом», «Все под знамя КИМа [Коммунистического интернационала молодежи], все за единый фронт за Советскую власть». Открывается митинг. «История Международного юношеского дня», «Роль и задачи молодежи» – темы выступлений. Затем, под бодрые звуки марша, демонстрация направляется к зданию обкома РКП (б). Секретарь обкома тов. Чирков приветствует молодежь от имени коммунистической партии, знакомит с последними событиями и говорит о том, какую роль молодежь должна сыграть в этих событиях. Во время речи тов. Чиркова приносят телеграмму о состоянии здоровья тов. Ленина, тов. Чирков оглашает телеграмму и громкие, искренние аплодисменты покрывают его слова. Демонстрация закончилась. Молодежь расходится. Вечером силами горорганизации ставится спектакль. Перед спектаклем М.И. Колегов знакомит молодежь с текущими событиями, затем т. Казаков сообщает о здоровье тов. Ленина и предлагает послать приветственную телеграмму Владимиру Ильичу. Его слова несколько раз прерываются восторженными аплодисментами, выражающими одну волю, одно желание. Затем начинается спектакль.

«Югид туй», 5 сентября 1923 г.

Речь из Москвы по радиотелефону. (М). Московская центральная радиостанция им. Коминтерна в последнее время сообщается с другими станциями при посредстве радиотелефона. Ежедневно из Москвы можно слышать по радиотелефону новости дня, обзор заграничной печати, а часто и музыкальные номера, исполняемые на рояли. Во вторник, 25 сентября, мы слушали по радиотелефону речь тов. Дрезена о Всесоюзной сельхозвыставке. Так как речь произносилась на эсперанто, то при слушании находился знающий этот язык тов. Торлопов М.Г. Слышимость речи была очень хорошая, благодаря тому, что наша радиостанция имеет теперь усилитель.

«Югид туй», 27 сентября 1923 г.

Освещается весь город. На городской электростанции установлена новая динамо-машина, взятая у лесного ведомства. Машина дает достаточно энергии для освещения всей сети и потому с 28 сентября электростанция освещает весь город. С установкой новой динамо-машины лампочки стали гореть полным накаливанием и «электрополумрак», наконец, изжит. Предполагают, что избыток энергии новой динамо позволит включить в городскую сеть и слободку Кируль.

«Югид туй», 2 октября 1923 г.

Комсомольцы посадили 50 деревьев. Нижнеконская (пригородная слободка гор. Устьсыольска) организация РКСМ приступила уже к проведению «Дня леса». В воскресенье, 30 сентября, 12 комсомольцев съездили на лодках по Вычегде за 10 верст, привезли 50 деревьев: лиственницы, березки, елки – и все посадили вокруг Нижнеконской школы. Праздник «День леса» приурочивают к общему празднику по гор. Усть-Сыольску. Теперь стоит вопрос – починить школьную ограду, которая почти совершенно развалилась и козы, и свиньи могут испортить начатое дело древонасаждения. Комсомольцы надеются, что в этом им поможет Кодзьвильский ВИК [волостной исполком] или областной центр. Надо помочь.

«Югид туй», 5 октября 1923 г.

В Народном доме. В Народном доме ремонт. Пристраивается помещение для раздевальни, расширяются уборные для артистов, галерея будет иметь отдельный ход, ход в театр будет со двора, касса остается на прежнем месте. «Административный ряд» упраздняется, вме-

сто него вводится пять мест в общих рядах для лиц, имеющих право на бесплатные места. Труппа реорганизована и имеет к постановке ряд новых пьес.

«Югид туй», 12 октября 1923 г.

Открылась сберегательная касса. На днях при Обфинотделе открылась Государственная Сберегательная касса. Касса открыта с 9 часов до 1 часу дня.

«Югид туй», 13 октября 1923 г.

О часах торговли. <...> Торговля всеми кооперативными, торговыми организациями и частными лицами во всяком виде торговых помещениях должна производиться с 9-ти до 17-ти часов. <...>. Торговля на базаре может производиться с 7 до 20 часов. <...> В дни праздников: 1 января – Новый год; 22 января – день 9 января; 12 марта – день низвержения самодержавия; 18 марта – день Парижской Коммуны; 1 мая – день Интернационала, 6 июля – день образования СССР; 7 ноября – день Пролетарской Революции, в первые дни Рождества, Пасхи и Троицы – производство торговли воспрещается. <...>. Торговля в столовых, чайных, пивных, ресторанах и кафе разрешается с 10 до 1 часу (ночи) с соблюдением для служащих правил о продолжительности рабочего времени по Кодексу законов о труде.

«Югид туй», 14 октября 1923 г.

«Праздник урожая». «Праздник Урожая» в Усть-Сысольске начнется митингом на Народной площади, куда к 12 часам должны будут собраться профсоюзные и партийные организации, учащиеся и члены РКСМ. После митинга будут показаны сельхозмашины и их работы, затем происходят спортивные выступления. В промежутке между спортивными выступлениями начнется карнавал «Урожай», устроенный с таким расчетом, чтобы показать участникам праздника картину сельского хозяйства теперь и в будущем. Вечером в школе II ступени, в Нижнем Конце и в Кируле устраиваются спектакли. В школе II ступени перед спектаклем будет происходить чествование наиболее трудолюбивых крестьян и раздача премий за улучшение сельского хозяйства.

«Югид туй», 14 октября 1923 г.

В спортклубе «Заря». Усть-Сысольский спортклуб «Заря» возобновил свои занятия. На первом организационном собрании выбран новый совет старшин. Председателем утвержден тов. Робур Н.М. Все члены клуба разбиты для занятий на несколько групп, к каждой прикреплен особый инструктор. Членский взнос установлен для служащих в размере 1 руб. золотом и для учащихся, рабочих, крестьян и красноармейцев – 50 коп. золотом в год. Для создания первоначального фонда на приобретение спортивного имущества устанавливается сбор по подписному листу среди членов клуба. Возбуждено ходатайство перед Областным бюро Совета физкультуры о снятии налогов на спортивнопоказательные выступления, о разрешении пользоваться помещением Советской школы II ступени №2.

«Югид туй», 18 октября 1923 г.

Комсомольское крещение. 16 октября на собрании Нижнеконской организации РКСМ комсомольцы, заслушав доклад т. Молодцова о новом быте, постановили: поставить своей задачей повсеместно вести агитацию за новый быт. В качестве примера ячейка постановила провести перемену фамилий и старых имен на новые, для этого в субботу, 20 октя-

бря, устраивается «комсомольское крещение». Каждый комсомолец при перемене своего имени делает доклад о значении своего нового имени.

«Югид туй», 19 октября 1923 г.

Областной музей. Областной музей находится в здании Педтехникума повышенного типа. Для обзора музей открыт ежедневно с 9 до 3 часов дня. За последнее время в музей поступило много новых экспонатов. Так, например, от Палевицкой организации РКП(б) поступил позвонок крупного ископаемого, от гр. Напалкова из Керчемы шлифованный каменный топор неолитического периода, коллекция деревянных предметов обихода старинной зырянской избы – подарок гр. Лыткина, бронзовое барельефное изображение божества, деревянный сошник и другие.

«Югид туй», 23 октября 1923 г.

Ликвидация безграмотности. Облполитпросвет приступил к ликвидации безграмотности в Усть-Сысольске. Открыты две школы на 25 и на 50 человек. Школы помещаются при школах I ступени. В первую очередь ликвидация безграмотности проводится среди допризывников и членов профсоюзов.

«Югид туй», 24 октября 1923 г.

Лозунги к 6-й годовщине Октября. – Шесть лет назад мы сбросили помещиков и капиталистов. Да здравствует 6-я годовщина освобождения рабочих и крестьян! – Рабочая диктатура – единственное спасение Европы! – Германский паровой молот и советский хлеб победят весь мир! – Союз рабочих и крестьян – основа нашей победы! – Да здравствуют красные директора, красные агрономы – надежды нашего народного хозяйства! – Красная Армия и Красный Флот – наш меч и наша защита! – Пролетарии всех стран, идите под Знамя Коммунистического Интернационала!

«Югид туй», 26 октября 1923 г.

Театр. Бывший Народный дом переименовывается в Театр. В ближайшие дни закончится перестройка и ремонт и последует открытие зимнего сезона.

«Югид туй», 27 октября 1923 г.

На суд трудящихся. Изъявили желание вступить в Российскую Коммунистическую Партию граждане: Коковкина А.Ф. (сторожиха Хлебопродуктов), Чеусова А.А. (ныне студентка в Москве), Аникин П.И. (зав. складом в Обсовпартшколе), Худоева А.П. (регистратор Обкома), Ладанов М.Г. (Военкоп), Кызьюров Е.И. (Чов), Мальцев Д.П. (слушатель ПИНО). Райком РКП просит всех трудящихся граждан, в случае наличия порочащих Российскую Коммунистическую Партию поступков данных товарищей, дать о том знать райкому на предмет отвода. <...>

«Югид туй», 13 ноября 1923 г.

«Бурса нового типа». (А.Н.). В Усть-Сысольске на Крестьянской улице дом №6, находится общежитие слушателей <...> педтехникума. В этом помещении слушатели сидят без дров, освещения и «наслаждаются» полным отсутствием пищи. Дело доходит до того, что некоторые из них уже побираются милостыней и добытым делятся между товарищами. <...>

«Югид туй», 22 ноября 1923 г.

Бюро скорой помощи. При областной больнице (в амбулатории) отделом здравоохранения для оказания скорой помощи на дому застрахованным служащим, рабочим и их семьям устанавливается бюро скорой помощи из среднего медперсонала.

«Югид туй», 26 ноября 1923 г.

В Доме заключенных. Учреждения, желающие использовать заключенных для работ, должны подавать заявления об этом накануне дня работ заведующему областного дома заключенных.

«Югид туй», 16 декабря 1923 г.

Дни отдыха. Областной отдел труда по согласованию с Обпрофсоветом установил следующие 10 дней отдыха на 1924 год. 6 января – Крещение. 25 марта – Благовещение. 21 апреля – Пасха (второй день). 5 мая – образование Зырянской автономии. 6 августа – Преображение. 15 августа – Успение. 1 октября – Праздник Урожая. 21 ноября – Введение. 9 июня – второй день Троицы. 25 декабря – Рождество. В настоящем 1923 году Рождество Христово будет праздноваться 25 декабря по новому стилю.

«Югид туй», 21 декабря 1923 г.

ГПУ на страже. 17 декабря в обсуде при огромном стечении публики разбиралось интересное с точки зрения работы ГПУ дело по обвинению административно-ссылного гр. Иванова Николая Ивановича. <...> Судебным следствием установлен факт бдительной работы КОО ГПУ в области надзора за деятельностью административно-ссылного эсеро-меньшевистского элемента, выразившегося в предупреждении возможности использования с целью шпионажа имеющих характер государственного секрета документов – материалов расположения военных огнеприпасов, обмундирования и прочих военных сведений, небрежно хранившихся в местном коммунхозе. Последнее обстоятельство и создало почву для указанного рода преступных действий со стороны Иванова, и обсуд вынужден был возбудить уголовное преследование против ответственных руководителей облкоммунхоза по признакам преступлений, предусмотренных 107 и 108 ст. Уголовного Кодекса. Обсудом (около 4 часов утра, 18 декабря) Иванов приговорен к 3 годам лишения свободы.

«Югид туй», 23 декабря 1923 г.

Авторы-составители:

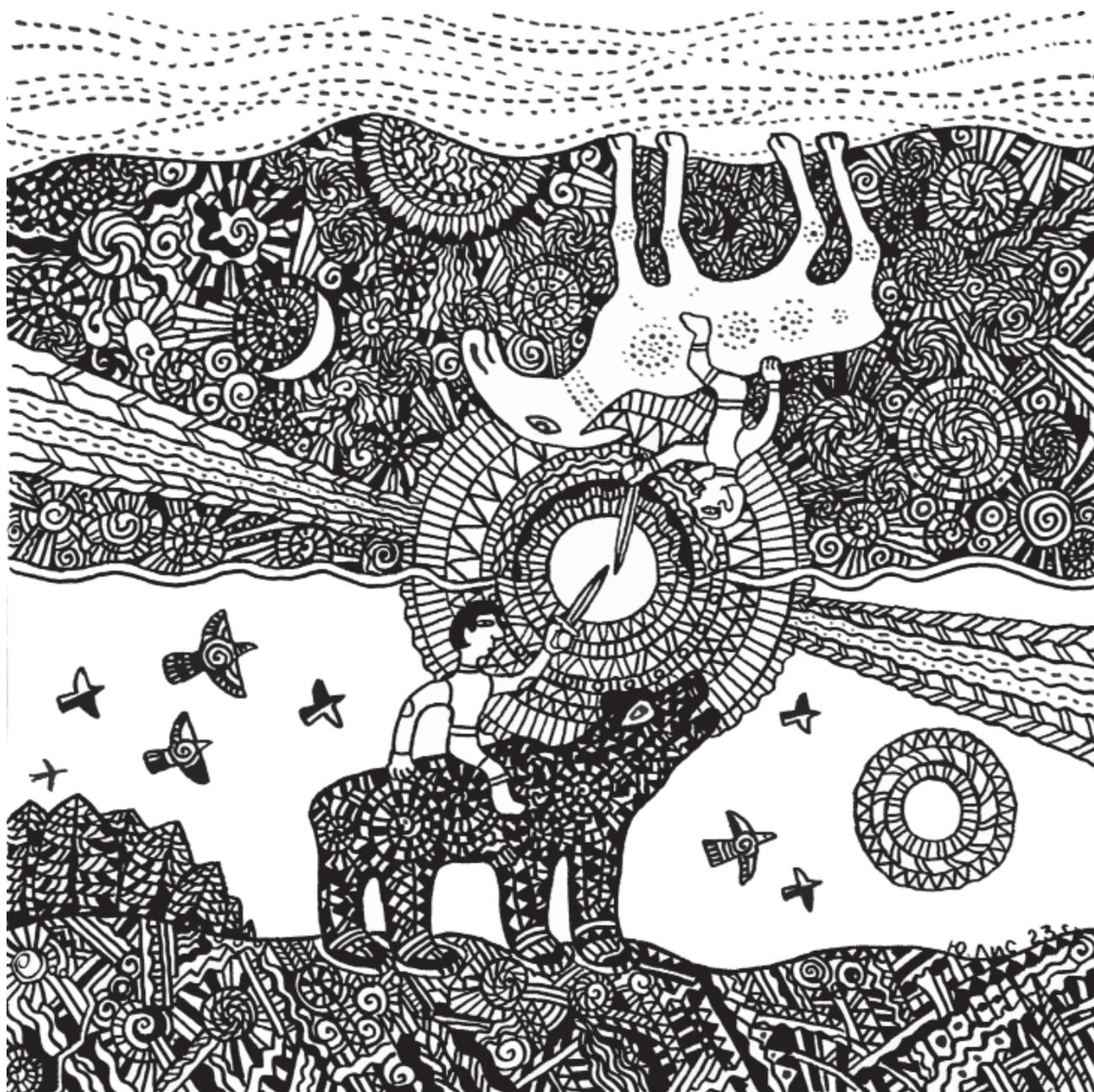
Борис Колегов,

*научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.*

Игорь Жеребцов,

*доктор исторических наук,
директор Института языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.*

Арт-факт

Анжела
РАЗМАНОВА

Анжела Рустиковна Разманова. Родилась в 1971 году в Сыктывкаре. Закончила в 1995 году в Москве ГАСБУ (художник декоративного искусства). Живёт и работает в Сыктывкаре. Художник, куратор и автор проекта «Клюква». Пленэр визуальных искусств» 2012–2022 годов, член КРО ВТОО СХР, участник российских и международных проектов, организатор и куратор выставок и проектов в области пластических искусств. Лауреат Государственной премии в области изобразительного искусства имени В. Полякова.

Место, где затихает ветер

Когда я думаю о том, что впереди новый проект и новая экспедиция, начинаю пересматривать свои записи с мелькнувшими мыслями, адресами, идеями. Каждый год на выставке мы встречаемся с нашими внимательными зрителями, которые приезжают и приходят к нам не только из городов и районов Республики Коми, но и, можно сказать, из разных уголков мира, а потом предлагают провести «Клюкву» у них. Это звучит как особое признание. Поэтому список интересных мест с каждым годом растёт. «Клюква» – странствующий проект.

Удора уже лет пять живёт в голове. Столько известных поэтов и писателей родились в этом районе! Думаю, не случайно: старообрядцы принесли в эти древние места знание и любовь к слову. Охота, рыбалка – прибыльные промыслы, которые позволили местным жителям строить огромные дома, причём на одну семью.

Мы поехали в Удорский район не по какому-то плану или в связи с каким-то событием, а, скорее, понять и почувствовать уникальность этих мест, найти свою тему и выразительные средства для отражения экзистенциального переживания.

Предыстория

Профессор Удмуртского государственного университета, Владимир Борисович Кошаев, поделился своим впечатлением. Однажды, гуляя по Сыктывкару, он рассматривал старые традиционные коми дома, которые ещё остались в городе. Неподалёку от храма в местечке Кируль он увидел большой дом, познакомился с хозяйкой и расспросил про его устройство. Его заинтересовало название части дома между зимней и летней половинами. В русской избе это сени.

«Посводз», – ответила она. Подумав, добавила, что перевести на русский сложно, но по смыслу – это место, где затихает ветер...

Красота образа меня зацепила на многие годы. Мне показалось это очень похожим на японскую поэзию, её созерцательные смыслы. Вот так родилось название.

Леса, реки и люди, внутри которых небо. Так назовёт свою графическую серию ещё один человек из Ижевска – Татьяна Зыкова. Её тоже заносит к нам чудесным образом.

Какими бы мы ни были современными людьми, наверно, в нас живут древние зырянские корни, питающие мозг.

Хранители

Встречи не бывают случайными, мы их ждём и иногда успеваем не пропустить.

Всё наше путешествие превратилось в некий сложный маршрут, в котором структура переплетённых мыслей, дел и текстов, как сказочный клубок, вела нас сквозь леса к разным людям. В какой-то момент у всех участников сложилось ощущение сказочного квеста, в котором следовало не упустить знаков свыше.

Сначала дорога вела нас через «царство Кощея», заброшенную зону. Потом случилась встреча с «добрыми волшебницами», хранителями истории и сокровенных знаний в Ёртом.

Потом встреча с Василисой Прекрасной, которая поселилась на пенсии в Чернутьево.

Далее путь в Большую Пыссу на Мезени.

Эти места художники называют «стожаровскими» благодаря художнику Владимиру Стожарову, который приезжал и на Вашку, и на Мезень писать картины. Вот дом с картины, вот улица... Там трепетно берегут всё, что связывало с художником.

Дорогу в Большую Пыссу можно сравнить с путешествием по барханам в пустыне (нам повезло: тучи рассеялись, иначе это было бы странствием по болотам). Деревня роскошно раскинулась на горе, словно на спине огромного кита.

Переправа, и вот мы в долгожданной Пыссе... Появляется ещё один Хранитель – Альберт Логинов с Лыской Логиновым (белый пёс). Мы поняли, что впереди будет главная встреча. Таинство. Путешествие по Мезени в знаменитую Аникееву келью.

Знаки

Екатерина Соловьёва (участница проекта), помимо того, что отчаянный водитель и суперпрофессиональный фотограф, оказалась ещё очень крутой рыбачкой. Пока мы бродили в поисках чего-то, она ловила щук и не только. Её чудесная щука была приготовлена возле кельи Аникея и кормила нас целый день. Образ Щуки стал каким-то тотемом, знаком.

Ещё журавли. Они сопровождали нашу лодку. Клюква в переводе с коми – «журавлиная ягода».

Есть ещё одна странная деталь путешествия. По дороге туда Наташа Ширяева краем глаза заметила какой-то мох, ко-

торый непременно надо было захватить на обратном пути. Возвращаясь, мы торопились, но вдруг вспомнили про этот мох. Водитель остановился и спрашивает: «А череп берём?» Берём!

Напротив машины на пеньке стоял абсолютно чистый череп лося. Нина Елина уже стала обладателем зуба собаки и истории про хорошего пса Зонтика, а тут целый череп! В общем, экспонат поехал в Сыктывкар. На выставке стал объектом классического натюрморта-инсталляции в духе «ванитас» (натюрморт с черепом, символизирующий тленность бытия).

Находки

Прялка. На найденной удорской прялке с мезенской росписью, помимо коней и птиц, было изображено свалившееся дерево, точно такое, какое мы видели на пути в келью. Элемент достоверности и привязки к месту мне кажется тоже неким знаком. Таких совпадений есть множество у каждого, цепочка событий вела нас к главному – выставке, на которой все случайности вспомнятся и обретут смыслы, превратившись в одну историю.

Сеть и поплавки с родовыми пасами были найдены в деревне Корттувъя, в разрушенном доме. Поплавки стали частью инсталляции из старинных досок с изображением лодок Вашки и Мезени.

Проявленная фотоплёнка из Чернутьево – одна из главных находок. Более

подробно о ней написала Екатерина Соловьёва.

Мне кажется, любая из деревень смогла бы стать местом для проекта, но было решено охватить как можно более обширную территорию, увидеть реки Вашку и Мезень.

Каждый раз, планируя наше путешествие, я думаю, как сделать его наполненным смыслами и впечатлениями. Смыслов на Удоре предостаточно, начиная со старообрядцев, заканчивая болгарями.

От Сыктывкара до Усогорска, затем на Вашку в Ёртом, Шиляево, Корттувъю, далее Кослан и на Мезень, Ёлькыб, Чернутьево, Буткан и Большую Пыссу.

Куда, зачем и почему. Там живут удивительные люди. Они и есть смыслы.

Выставка

Выставочный проект – это коллективное высказывание, как песня, в которой звучит многоголосье.

Каждый год в ЦКИ «Югор» совершается таинство нашей выставки, все находятся в ожидании.

Мы очень любим этот момент встречи и неожиданности. Далее я просто попробую описать экспозицию и образ выставки.

Зал «Югора» – это длинная галерея, состоящая из пяти сегментов.

Вход. В первом зале зритель видит масштабные фотографии Юрия Лисовского, снятые с квадрокоптера. Это берега рек, напоминающие каких-то живых существ. Структуры. Одна из самых интересных фотографий – это «Удорская тройка», головы коней или каких-то драконов, сохранившиеся на водостоках дома в Буткане. Там же расположены холсты Юрия «Удора вну-

тренняя» и «Удора внешняя». Юрий изобразил солярный спил дерева, который как будто закручивает дома, реки, лодки, а затем раскручивает, создавая непрерывное движение жизни.

Замыкают зал работы Павла Зарослова. Графические листы, на которых, как всегда, яркие фантазийные образы и тексты. Образ реального жителя Леопольда из деревни Ёртом, придуманный Павлом. Мечтатель Леопольд построил круглый дом. Этот дом – удивительно интересный объект, особенно если представить, как он стоит во время половодья в воде. Ещё один образ местного жителя – мифического Димитра, болгарина, «дружбиста», который оказался на Удоре. Павел успел за много лет полюбить красоту суровых чёрных коми изб. Эти дома изображены в одной из работ «Удорская Тоскана».

Переход во вторую часть зала происходит через некие ворота, которые охраняются стражами. Череп лося, увитый мхом-плющом, и иронично стилизованная в духе мезенской росписи голова лося (автор Нина Елина). Напротив мезенского лося в центре зала стоит объект «Мезенский конь» Анастасии Юрьевой – керамическая скульптура красного коня, на спине которого расположились удорские дома. В этой части экспозиции иронично-повествовательные зарисовки Нины Елиной ярко иллюстрируют наше путешествие. Там портрет Василисы Прекрасной, наши водители в серии «Смотри не влюбись» и, конечно, образы собак. Гордый Лыско, который сопровождал нас на Мезени, и немного о тленном – дощечка с краткой эпитафией о собаке Зонтик, на которой написано: «хороший был».

Вторую часть зала сторожит череп лося. Экспозиция начинается с коллажей Кристины Овсянкиной. Страшноватый дом с чёрным порталом и яркие красные и зелёные абстрактные формы – знаки «Червоточина». Сновиденческий переход в другое измерение через «Межмирье» к работе «Выход». Коллажи, в которых реальные объекты становятся декорацией для ирреального. Станным образом вписались вышитые мухоморы Натальи

Ширяевой: как отдельные объекты-проводники они продолжают экспозицию и ведут зрителя через картину Анжелы Размановой «Пойдёшь налево? Пойдёшь направо?».

Сказочно-билибинская ель и две тропинки перед ней. Вечный выбор пути неизвестно куда.

Завершают эту часть экспозиции мухоморы Наташи Ширяевой на белой стене.

Центральная часть зала камерная. Красиво и легко в ней встали работы Татьяны Зыковой. Триптих «Небо внутри». Акварели напоминают старые фотографии, на которых счастливые люди держат в руках огромных щук. В этом странном действии есть момент восторга и мистики. На соседней стене вышитая щука Натальи Ширяевой «Загадай желание» в диалоге с ещё одной работой Татьяны «Удора».

Следующий зал разделяет видеоинсталляция полёта над лесом в келью и макет удорского дома, который собрал Сергей Разманов (в этом путешествии он увлёкся замерами домов и поиском артефактов). Экспозиционное решение данного зала предполагает движение зрителя вокруг центральной стены, на которую проецируется видеоарт Натальи Ширяевой на основе съёмок Юрия Лисовского. На чистой стене раскиданы вышитые звёзды и лес.

Лодка

В этой части экспозиции много этнографии и, пожалуй, ещё один из вариантов «Места, где затихает ветер». За стеной с проекцией скрыта вторая проекция, зритель должен её найти, и там же ироничная фотография Юрия Лисовского «Отпустило». Было бы странно придумывать сюжеты работ, не опираясь на впечатления, в этом и кроется секрет проекта. Пропустить через тонкие нейронные связи море ощущений и

впечатлений, затем высказаться на тему на своём пластическом языке.

В предпоследнем зале этнографические объекты стали частью живописной инсталляции.

В центре работа Анжелы Размановой «Параскева Пекнича» (Параскева Пятница), образ, особо почитаемый на Удоре, покровительница удорских женщин. Этот образ возник после посещения храма в Ёртом.

Икона, которая находится в храме, удивительная, тонкая, отчасти напоминающая образ Богоматери Пьела де Ла Франческо. Картина не икона, а некий полустёртый образ, проступающий на доске. Рядом на стене – две доски, написанные в такой же технике: тонкой лессировке с применением античного золота, на которых изображены лодки и закреплены старинные поплавки с родовыми пасами. Замыкает зал работа Кристины Овсянкиной «Река памяти». Насыщенно-изумрудный холст, через структуру которого плывёт лодка. Вода является просто стекающей фактурой, а лодка без человека сама плывёт в прошлое или будущее. За этой работой просвечивает старинная сеть с поплавками, разделяя фотографии и живопись.

Последний куб выставочного пространства – это фотоистории Екатерины Соловьёвой. Портреты, виртуозно снятые во время случайных встреч и разговоров, и дома, амбары, деревья. Завершает выставку фотоинсталляция из архивных фотографий, напечатанных с найденной плёнки в Чернутьево. В инсталляцию вмонтирован маленький экран, в котором зациклено видео с жёлтыми цветами, перемешанными с пчёлами. Впечатление от летнего дня усиливается звуками в наушниках. Всё это рассказ о безмятежном счастье двух неизвестных жителей далёкой деревни. Далее я привожу авторские тексты Татьяны Зыковой и Екатерины Соловьёвой.

Татьяна Зыкова. «УДОРА. НЕБО ВНУТРИ»

Очень часто искусство и изобразительная деятельность для художника являются способом познания мира и окружающей его действительности. Причём первое является основополагающим. Познание первопричин и первооснов бытия.

Первым, что привлекло моё внимание, едва я оказалась на территории Удорского района, было небо. Вернее, это были НЕБЕСА! И этот первый контакт можно было бы назвать «глаза в глаза». Я смотрела в глаза небу Коми, вернее, небу УДОРЫ. И не могла оторваться. Первые часы этой встречи были незабываемыми, окрашенными всеми возможными цветами и смыслами. Цвета, узоры, образы – всё словно закружилось и увлекло в один большой круг сакрального танца.

– Ого! – подумала я. – Вот это встреча! Вот это сила! Такое бывает?.. Такое возможно?..

Бывает. И возможно. Уже в первые минуты я кожей ощутила силу и красоту того места, куда направлялась. И это была любовь с первого взгляда.

Небом в своём проекте «УДОРА. НЕБО ВНУТРИ» я называю тот источник силы, который всем нам дан при рождении. Небо как напоминание о божественной сути и божественной природе человека. И этот источник любви и бесконечного потенциала ощущался в каждом доме, в каждом человеке, дереве, реке, птице... в Удоре! И в ловцах рыб он тоже есть.

В собирательном образе УДОРЫ символично соединились невеста, царица и служительница. В нём я объединила (сроднила) культуру народов Коми и Удмуртии. На голове героини «айшон» – традиционный женский головной убор удмуртов, который надевался впервые на свадьбе. Многочисленные серебряные монеты, традиционно украшающие айшон, так же напоминают чешую рыбы. Причём рыбы «царской».

Работу «УДОРА» можно ещё назвать автопортретом. Где я – невеста, празднующая установившееся родство с местом Красоты и Силы.

Екатерина Соловьёва

В конце девяностых моя семья купила дом в глухом углу Тверской области. Дом продавала последняя наследница некогда большой многодетной семьи. Женщина показывала нам дом, не скрывая отворачивания к своему нищему деревенскому детству. Получив у нотариуса десяток заветных зелёных бумажек, она в тот же день села на поезд и уехала в Минск, где проживала с мужем.

Наследница оставила в доме всё – фотографии родных, себя маленькой, свои игрушки, письма, альбомы, рисунки, тетради, ёлочные шары. Она оставила нам, чужим людям, своё ненавистное детство.

Для меня, двадцатилетней, этот случай послужил прививкой. Прививкой от забвения.

Начались поездки по деревням. Расспросы, записи, посиделки за рюмкой, долгие вечера, дни и недели. Люди, их истории – сначала с блокнотом, потом с камерой. Бесконечная череда мёртвых и полумёртвых поселений. Хлопающие пустыми ставнями дома, молчаливо хранящие семейные саги, пожелтевшие фотографии, а иногда и плотные, слипшиеся в единую почти массу негативы, на которых неиз-

вестные фотографии запечатлевали мгновения ушедшей в небытие жизни.

Северный Китеж-град – эта банальная аналогия стала преследовать меня в странствиях. Возможно ли хоть на мгновение поднять его со дна, чтобы забрать и сохранить визуальное наследие? Чтобы увидеть ту реальность глазами самих жителей?

Чернутьево. Дом у дороги. Выбитые окна. На окне замечаю бачок для проявки плёнки. А рядом на полу – плёнка, всего одна. Отличная экспозиция, хорошая проявка и фиксирование. Начало 1980-х. На кадрах – молодая пара и их друзья. Фотограф – пришедший из армии муж. Снимает жену, много. Много любви в его снимках. Но в его объектив попадают и дом, и лошадь, и хозяйство, и родня, будто сошедшая с дореволюционных пластинок. Смотрю на эту жизнь и невольно перевожу взгляд на монитор – там заснятый мною пустой дом.

Жизнь... Она ушла и почти стёрла память о себе. Вот только плёнки и пластины так просто не сотрёшь. Серебро и пузырьчатая эмульсия сохранили эту память, не спрашивая, нужна ли она кому-нибудь. Осталось только их найти, пока не поздно. Или уже поздно?

**Мезень, Чернутьево.
Пленэр «Клюква», 2022.**

Выставка – это часть проекта,
которая преобразуется в альбом и станет некой историей.

Удора – это то место, где затихает ветер и
есть время для поэзии и размышлений.

Анжела Разманова,
куратор проекта «Клюква».

Надежда
МИТЮШЕВА

Надежда Алексеевна Митюшева – коми краевед. В 1978 году окончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в Коми государственном краеведческом музее, в Доме дружбы и мира, в Финно-угорском центре. Автор книги «Коми театр. Свет минувшего» (2013).

А. Г. Осипов

Солдат, музыкант, человек

О том, что началась война, Александр Георгиевич узнал в Сыктывкаре, где 18-летним юношей работал в Ансамбле песни и пляски Коми АССР (ныне «Асья кыа»). Прошёл год, как после первого курса он оставил Вологодское музыкальное училище, решив учиться на практике, и был принят в государственный ансамбль песни и пляски оркестрантом. Затем руководил там щипковой группой. Газета «Вөрлэдзысь» (Лесной рабочий) 15 апреля 1941 года в статье о новой программе ансамбля отмечала: «Заслуживает похвалы домрово-балалаечный ансамбль под руководством молодого музыканта Осипова. Хотя это всего лишь небольшой оркестрик, но звучит стройно, игра слаженная, сполна передаёт характер народных песен» (перевод с коми автора статьи).

Призывников старших возрастов мобилизуют в армию, мужскую группу хора и оркестр ансамбля расформировывают, уходит на фронт баянист Объячевского колхозно-совхозного театра. На его место в Прилузье направляют Александра Осипова, с 15 августа 1941 года он зачислен в штат театра. И уже 2 сентября директор А. В. Паршуков выражает всему коллективу благодарность за энергичную работу по подготовке к открытию сезона двух концертных программ. 15 сентября Александр подаёт заявление в райвоенкомат об отправке добровольцем на фронт и до 25 октября 1941 года (до вручения повестки) занят в репетициях и концертах. Интересуется у артистов, поют ли в деревнях старинные коми песни.

Став курсантом Архангельского военно-инженерного училища, 7 ноября 1941 года Александр принял присягу. Затем шесть месяцев учился на сапёра, прошёл практику на учебном полигоне, но закончил «учебку» рядовым, без присвоения звания – не было законченного среднего образования (7 классов школы и год музыкального училища).

С конца апреля курсанты-выпускники и их командиры жили ожиданием новостей с передовой. Обычно каждый новый выпуск училища спешным порядком направляли на решающий участок фронта. Теперь это был Северо-Западный фронт, ликвидация «Демянского котла». В результате наступательных операций наших войск отборные части 16 армии Гитлера попали в окружение. Для разгрома группировки фронт нуждался в подкреплении.

«По прибытии сразу, с колёс – в бой. Точнее – на обеспечение наступательных и оборонительных операций:

Александр Георгиевич Осипов
(1923–1973)

рытьё окопов, строительство командных и наблюдательных пунктов, разминирование дорог для продвижения войск и техники. Работа в трудных условиях лесисто-болотистой местности». Такой инструктаж провёл лейтенант для бойцов, которым предстояло проследовать по Октябрьской железной дороге до станции Любница Ленинградской (ныне Новгородской) области, куда стягивались войска Красной Армии.

Немцы, захватив в августе 1941 года Старую Руссу, к началу 1942 года продвинулись далеко на восток. Образовался «Демянский плацдарм»: удалённый от основных сил противника, стратегически опасный выступ – отправная точка для наступления на Москву и Ленинград. У советского командования родился план: удерживая врага на этом рубеже, превратить плацдарм в «Демянский котёл» и ликвидировать. К 25 февраля 1942 года задача наполовину была решена.

Обратимся к «Исторической справке» (История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 годов. Москва, 1941. Т. 2, с. 474):

Зимой 1941–1942 гг. армии Северо-Западного фронта перешли в наступление на старо-русском и демянском направлениях, в результате которого демянская группировка в составе семи дивизий 16-ой армии немцев была окружена. Но блокировать с воздуха окружённую группировку не удалось. Противник, имея сильную транспортную и истребительную авиацию, в марте-апреле прорвал фронт и продолжил снабжать окружённых с воздуха.

С мая по июнь 1942 г. на этом направлении вновь развернулись напряжённые боевые действия. Северо-Западный фронт трижды переходил в наступление, чтобы встречными ударами с юга и севера полностью отрезать, а затем разгромить фашистскую группировку. С поставленной задачей войска не справились.

К исходу первой наступательной операции, проведённой с 3 по 20 мая 1942 года, второй отдельный инженерный батальон 1 Ударной Армии (в его составе был красноармеец Александр Осипов) занял позиции к югу от д. Рамушево, где немцы прорвали окружение и организовали «коридор» для вывода войск. Несмотря на четыре попытки (с марта по октябрь 1942 года), Красной Армии не удалось вторично блокировать противника.

Фашисты принимали самолёты с продуктами и боеприпасами, праздновали победу, кутили, закусывали шоколадом, развлекались. Ещё устраивали беспорядочную пальбу, многочисленные вылазки, устрашающую канонаду. Наши войска были истощены и перешли к обороне. Бои местного значения – за деревню, высоту, лесную опушку – продолжались здесь до масштабного наступления Красной Армии в феврале 1944 года, начавшегося снятием блокады Ленинграда. «Проливой под Старой Руссой кровью тысяч наших солдат было заплачено за несколько квадратных километров лесов, болот и разрушенных деревень» (Кирилл Шишкин).

В 1974 году поэт-фронтовик Михаил Матусовский написал, наполненное горечью и скорбью, стихотворение-воспоминание «На Северо-Западном фронте»:

А память готова взорваться опять,
Лишь только её вы затроньте.
Вы знаете, где нам пришлось воевать?
На Северо-Западном фронте.
Над нами обугленный тлеет небосвод
То в красном, то в белом накале.
Всю сырость псковских и демянских болот
С собой мы в подсумках таскали...
Кому приднепровские степи сродни,
Кто верен снегам Ленинграда.
Но эти замшелые кочки да пни
Кому-то отстаивать надо...
В фашистской протянутой к нам пятерне
Торчали мы вместо занозы.
И если поэзия есть на войне,
Мы были страницей прозы.
Мы, встав здесь однажды, не двигались вспять,
Решив не сдаваться на милость.
Наверно, поэтому нас убивать
По несколько раз приходилось...

29 июля 1942 года А. Осипова ранило в грудь, медсанбатом он был доставлен в передвижной полевой госпиталь в д. Бор, оттуда отправлен в Вышний Волочок, ближайший эвакуационный госпиталь, затем в тыл. Врачи в Кирове, специалисты по ранениям грудной клетки с поражением верхних конечностей, вынесли вердикт: левая кисть обездвижена, пальцы не разгибаются, к военной службе – негодный.

Для поддержания боевых действий под Демянском с воздуха на Северо-Западный фронт был передислоцирован авиационный полк, в котором командиром звена истребителей служил будущий Герой Советского Союза Алексей Маресьев. 5 апреля 1942 года после трёх успешных боевых вылетов он был подбит. Машина рухнула в лес, сам пилот с переломанными обмороженными ногами 18 суток ползком пробирался к своим. Его обнаружили и доставили в ближайшую деревню местные крестьяне.

Благополучный исход событий для А. Маресьева и А. Осипова известен: врачи сохранили им жизнь, дав шанс вернуться к любимой работе. Через год лётчик на протезах стал летать, а до этого научился танцевать, и до конца войны сбил ещё семь фашистских самолётов. А. Осипов до войны (учащимся) владел скрипкой и пианино, мечтал стать скрипачом. Со скрипкой пришлось навсегда проститься, а навыки пианиста он восстановил и скоро стал играть на профессиональном уровне. Лечение в специализированном эвакуационном госпитале в Кирове, плановая операция уже мирного времени по сшиванию нервов дали результат. Так же, как и тренировки Александра, и его сила воли. Всё как у Маресьева! Прототипа «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, изданной в 1946 году.

Комиссованный по ранению, в ноябре 1942 года А. Осипов прибыл из Кирова на родину. В Сыктывкаре, погостив месяц у мамы в Сторожевске, продолжал принимать сеансы физиотерапии.

Ансамблю песни и пляски Коми АССР, куда он пришёл устраиваться на работу, в тот год разрешили восстановить мужскую группу хора... за счёт инвалидов и высланных. И первоначально Александра зачислили в хор. Пополнение пришло из интерната для инвали-

дов войны, который располагался в с. Ыб Сыктывдинского района. По итогам прослушивания, организованного художественным руководителем А. В. Каторгиным, нашлись и голоса, и подходящие кандидаты, некоторые пожелали работать в хоре. Началась упорная учёба.

«Репетиции, которые проводил Каторгин, были целой школой для певцов и хормейстеров», – вспоминал А. Осипов. Но осознание его личности и роли в становлении коми хорового искусства пришли к Александру Георгиевичу, по его собственному признанию, много позднее, когда в связи с кандидатской диссертацией он глубоко изучил творчество Апполона Васильевича. Не без влияния Каторгина А. Осипов выбирает для себя профессию хормейстера и в 1945 году становится студентом дирижёрско-хорового отделения Саратовского музыкального училища.

По статьям и фотографиям, которые появлялись в довоенных газетах, в Сыктывкаре Александра Осипова знали как подающего надежды юного музыканта, мечтающего о судьбе скрипача. В 14 лет он, детдомовец из Усть-Кулома, подобрал мелодию коми народной песни «Шондібан» (Солнцеликая), исполнил её на скрипке на областной олимпиаде художественной самодеятельности. Играть научился самостоятельно, совершенствовался в Сыктывкаре в классе скрипки у И. В. Оплеснина. Обучаясь на отделении народных инструментов в Вологде, дополнительно занимался скрипкой и фортепиано.

В свободное время Александр сочиняет музыку для театра. 10 апреля 1943 года в газете «Вөрлэдзысь» появилась рецензия Я. Рочева на спектакль «Зарни кыв» по сказке в стихах В. Юхнина: «Музыкальнӧй оформление ставнас бур, но том композитор да постановка дырйи музыкаӧн руководитель А. Г. Осиповлы колӧ индыны, мый торъя местаясын музыка шысӧ абу лишнӧй чинтыны, торйӧн нин Еленалӧн, Ӧлександрлӧн да дед Морозлӧн арияяс сьылӧн, медым бурджыка дойдитис текстыс. Тарабукина бура ворсис Еленаӧс, но эз вермы передайтны зрительлы содержаниесӧ сійӧ сочнӧй лирическойӧй песнялысь, кодӧс сьылӧ Ӧлександрӧс туйӧ колледӧн» (Музыкальное оформление полностью хорошее, но молодому композитору и музыкальному руководителю при постановке А. Г. Осипову следует указать, что в отдельных местах звучание музыки нелишне убавить, особенно во время исполнения арий Еленой, Александром и дедом Морозом, чтобы лучше дошёл текст. Тарабукина отлично сыграла Елену, но не смогла передать зрителю содержание той сочной лирической песни, которую исполняет, провожая Александра в дорогу).

Вокальные данные В. Н. Рассыхаева (в роли Александра) рецензент не стал оценивать, и вот почему. По мнению Анны Фёдоровны Рассыхаевой, её супруг только открывал рот, а вокальные партии за него исполнял Пантелеймон Осипов, недавно вернувшийся на родину выпускник Ленинградской консерватории (баритон).

Да, Александр Осипов не мыслил себя без музыки. Но и Сыктывкар не мог обойтись без Осипова. Осенью 1943 года, в момент организации музыкального училища, он исполнял обязанности директора, несколько месяцев до отъезда в 1945 году на учёбу он работал хормейстером ансамбля песни и пляски и в дальнейшем возвращался в ансамбль. Его помнят и как преподавателя музыкальной школы и музыкального училища. Ирина Васильевна Гамзина, выпускница 1952 года, вспоминала, как в хоровом классе училища распевалась на слова «дзирдалӧ дждж» (блестит пол), т. к. преподаватель Осипов требовал чистого коми произношения.

На протяжении жизни А. Г. Осипову приходилось осваивать всё новые направления и виды музыкальной деятельности, новые темы в творчестве. В начале 1950-х годов главным для него было создание национального репертуара. Он понимал эту задачу широко. Это не только сочинение и продвижение собственных песен и романсов, но и забота о на-

циональных кадрах поэтов-песенников, композиторов, вокалистов, учителей музыки; забота о народных коллективах и исполнителях вплоть до возрождения практики небольших музыкальных постановок силами самодеятельности.

В песенном наследии композитора А. Г. Осипова более 100 песен, опубликованных в 1950–1985 годы в персональных и коллективных сборниках и СМИ. В студии радиокомитета при жизни композитора многие его песни и романсы были записаны и сохранены в фонотеке. Есть записи с участием коми хора радио, которым он руководил в 1955–1957 годах. Теперь записи оцифрованы.

В его раннем творчестве были песни «Мир сторонникъяслён съланкыв» (Песня сторонников мира) и «Народъяслы – мир!». Они стали откликом на Движение сторонников мира, зародившееся в Европе в 1948–1949 годах. Его символом был рисунок Пикассо «Голубка» (другое название – «Голубь мира»). Тогда же по всему СССР возникли комитеты защиты мира, в том числе и в Сыктывкаре. В дальнейшем А. Г. Осипов о войне не писал. Все его песни – о счастье мирной жизни.

Раненую руку он так натренировал, что в любой момент мог сесть за рояль и поиграть для друга, показать поэту их новую совместную песню, провести репетицию. В 1962 году в Кудымкаре в студии радио он аккомпанировал Ие Бобраковой на записи песни «Катшасинъяс» (слова С. А. Попова), рождённой накануне прямо на лугу, устланном ромашками.

Коллегам, учащимся музыкального училища проще других было разгадать «феномен» Осипова-пианиста: как он играет раненой кистью, если на ней действует только большой палец – остальные укорочены и неподвижны? Фокус в том, что пианист прижимал его к указательному пальцу и так, изловчаясь, исполнял партию левой руки. Левая кисть с торчащим указательным то скользила по клавишам, то барабанила, то ударяла ребром ладони. У Александра Георгиевича получалось, и он добивался безошибочного и выразительного звучания фортепиано. Это слушали и на всю жизнь запомнили тогда учащиеся, ныне – ветераны коми музыкальной культуры: Н. Н. Маегов, С. В. Власова, А. П. Калимов, Е. С. Самарина, Р. М. Жеребцов, И. В. Гамзина, В. Н. Юркин, В. В. Любимов.

А. С. Шадрина, тридцать лет работавшая директором музыкальной школы в селе Визинга, рассказала, что на первом индивидуальном занятии по дирижированию препо-

*Делегация композиторов
Коми АССР на 2-ом съезде
композиторов РСФСР.
Москва, май 1968 г.*

*Слева направо:
В. К. Колегов,
П. Ф. Вейс,
А. Г. Осипов,
Я. С. Перепелица,
П. И. Чисталёв.*

*А. Г. Осипов и А. Н. Улитин.
Сыктывкар, 5 августа 1964 г.
В ожидании важного
футбольного матча.*

даватель училища Осипов устроил целый концерт из фортепианных сочинений. А слушатель – одна она, девчонка из коми села. Этот урок введения в мир музыки и сегодня, спустя 65 лет, с восхищением и благодарностью вспоминает Альдона Степановна: «Словами трудно передать, как вдохновенно Александр Георгиевич играл! Впечатление осталось на долгие годы».

Из поэмы Серафима Попова «Лунной соната» с посвящением «Саше Осипову» мы узнаём, как тяжело ему было разучивать произведение Бетховена, в котором в партии левой руки звучали басовые октавы. Поэт рассказывал, что Александр мучился, стремясь постичь гармонию, сердился на себя, но не падал духом. И это вошло в поэму.

«Но ог вунёд ме,
Кытчёдз оз помассы нэм,
Саша Осипов «Лунной соната»
Кыдзи чуньястог ворсö».

(Никогда я не забуду,
пока живу,
как Саша Осипов «Лунную сонату»,
пальцев нет, а играет).

31 января 2019 года, в годовщину смерти А. Г. Осипова, в Национальной библиотеке собрались исполнители и почитатели его песен. Встреча сопровождалась прослушиванием на фортепиано «Лунной сонаты» Бетховена. Ветеран народного творчества Евдокия Рочева душевно и музыкально, словно песню, прочитала поэму С. Попова на коми языке, а заключительный куплет пропела! И добавила: «Хотя только здесь я получила текст поэмы, мне захотелось спеть её от начала до конца. Будет время, поработаю над мелодией!»

В поэме семь куплетов по шесть-девять коротких строк. А как о многом они говорят!

Это прославление человека, который сделал свою судьбу сам: жил на преодоление, имел верных друзей; знал, творил и защищал национальную культуру; мелодии своих чудесных песен извлекал из деревенских напевов, интонаций родной коми речи и звуков природы. Так сложился собственный музыкальный стиль А. Г. Осипова – сочетание высокого профессионализма и коми самобытности. П. И. Чисталёв писал: «А. Осипов тонко чувствует народную песенность и по-своему претворяет её интонационные, ритмические и ладовые особенности, выходя за рамки сложившихся традиционных форм».

Закончив в 1964 году аспирантуру Московской консерватории, Александр Георгиевич защитил диссертацию «Песни народа коми», стал кандидатом искусствоведения. В конце диссертации он указал имена информаторов, напевших ему около 100 коми народных песен. Двадцать пять песен из своего фольклорного собрания он издал в 1966 году в виде нотного сборника, прежде обработав для смешанного и женского хора. В следующем году вышел сборник его песен последних лет «Катшасинъяс».

Во вступительной заметке он поясняет: «Тайё сборникас медсясё пырисны сэтшом сьыланкывъяс, кодъясёс ме гижы бөръя воясё. Сёмын откымынъясёс ме гижлі водзджык, но найёс эз вёв йёзёдома. Сідзкё, сьыланкывъясён тёдмасьсыяслы сборникас став пыртёмторйыс лоё дзык выльён на» (В этот сборник большей частью вошли такие песни, которые я написал в последние годы. Только некоторые я написал раньше, но они не были опубликованы. Значит, всё вошедшее в сборник станет новинкой для знакомящихся с песнями).

Во вступлении к песенному сборнику «Катшасинъяс» (1967 г.) А. Г. Осипов обращается к любителям коми искусства с просьбой сообщить своё мнение о творчестве местных композиторов (в частности, о его сочинениях) по адресу Коми книжного издательства. Видно, что в тот момент Александру Георгиевичу явно не хватало живого общения с публикой: «Вель уна сьыланкыв ме гижы ас нэмён. Уна сборник петалис Коми книжной издательствоын менам сьыланкывъясён. Но, веськыда кё шуны, онёдз на ме ог тёд, шогманаось-ё менам гижёдъясыс. Кута надейтчыны, мый тайё сьыланкывъясён тёдмасьсыяс пасйыштасны гоз-мёд кывйён, мыйкё кё эзджык артмы менам уджын да ыстасны Коми книжной издательствоё. Тайё отсалас водзё вылё бурмёдны сьыланкывъяслысь музыкасё да кывъяссё не сёмын меным, но и мукёд композиторьяслы да поэтъяслы» (Очень много песен я написал за свою жизнь. Много сборников выходило в Коми книжном издательстве с моими песнями. Но, по правде говоря, я до сих пор не знаю, годны ли мои тексты. Буду надеяться, что познакомившиеся с этими песнями отметят парой слов, если у меня что-то не получилось в моей работе и отправят в Коми книжное издательство. Это поможет улучшить музыку и слова песен не только мне, но и другим композиторам и поэтам).

По окончании аспирантуры надо было трудоустроиваться и решать вопрос с жильём. В Сыктывкаре ему ничего не обещали. В Москве он писал в самые высокие инстанции: «Прошу предоставить мне маленькую комнату для работы. Право заниматься музыкой я не только заслужил, потому что имею высшее образование, но и завоевал с оружием в руках, став инвалидом войны». В ответ приходили отписки.

Профессор Птица Клавдий Петрович, заведующий кафедрой хорового дирижирования, высоко ценил своего ученика и добился, чтобы А. Г. Осипова как преподавателя Московской консерватории поселили в знаменитом композиторском доме по адресу: Брюсов переулок 8/10 в центре столицы. Профессор писал об этом В. И. Мурадели:

«Дорогой Ваню Ильич! Извините, пожалуйста, что снова обращаюсь к Вам. Причина заключается прежде всего в вашей отзывчивости, постоянном стремлении помогать людям.

Коми-зырянин Александр Георгиевич Осипов известен мне много лет. Он очень талантливый хормейстер и отличный музыкант (один из любимых учеников И. В. Способина). В жизни он очень неудачлив и несчастен, а человек он очень хороший, хотя и диковатый с виду и по повадкам. Он так давно мается без своего угла и не знает, где приклонить голову, что было бы святым делом помочь ему. Я слышал, что в Союзе советских композиторов такая возможность ему обещана, и решил обратиться к самому доброму и наиболее близкому мне человеку (композитору), т. е. к Вам, с просьбой помочь ему... Искренне и глубоко Вас уважающий – Ваш К. Птица».

Поселившись в композиторском доме (москвичи называют его «домом ста роялей»), А. Г. Осипов стал соседом по лестничной площадке с Д. Д. Шостаковичем. У них были общие темы для беседы, например, такая: первое исполнение «Седьмой симфонии» в блокадном Ленинграде. Кто вручил дирижёру букет полевых цветов? – внучка Каллистрата Жакова, шестнадцатилетняя Люба Жакова. И Шостаковичу было известно, что его собственным родителям именно К. Жаков рекомендовал взять в дом няней коми-зырянскую девушку Сашеньку Омелину. Общим знакомым двух соседей был композитор и дирижёр Михаил Иосифович Носырев из Воронежа, который в войну юным студентом Ленинградской консерватории по 58 статье попал в Воркуту. Его первые годы на воле прошли в Сыктывкаре, Осипов с ним контактировал по работе в филармонии, театре, на радио. А Шостакович писал для Носырева характеристику для вступления в Союз композиторов. Или страничка из биографии жены Шостаковича – Ирины Антоновны, в девичестве Супинской. Школьные годы её сестры Галины прошли в Сыктывкаре, куда после освобождения из ГУЛАГа переехал их отец и перевёз свою вторую семью. А. К. Супинский – учёный-этнограф, кандидат наук, его работы «Культура жилища коми (зырян)» и «Промыслы коми (зырян)» относятся к 1935 году. Так что коми парма и самобытная культура нашего народа в семье Шостаковичей-Супинских вызвали живой интерес.

Как-то уже в мирное время А. Г. Осипов вступил в спор с высокопоставленным чиновником, который утверждал: «Нынешний ансамбль песни и пляски, который знает вся страна, не идёт ни в какое сравнение с ансамблем 1946 года. Тогда я вернулся с фронта: в хоре стояли артистки в самодельных костюмах и три инвалида, теперь там 12 мужчин!»

Александр Георгиевич, у которого было своё мнение о репертуаре и качестве вокала ансамбля образца 1958 года, не мог промолчать: «Не по костюмам и количеству надо судить о нашем хоре. Рост национального коллектива определяется тем, насколько он самобытен в своём существовании. Тем, может ли хор раскрыть душу коми народной песни, сохранять и развивать присущую коми манеру исполнения!»

И в пример ставил Заслуженного деятеля искусств Удмуртской АССР А. В. Каторгина: будучи в 1941–1947 годы художественным руководителем нашего ансамбля, он добился высокого уровня исполнительского мастерства хора и значительно расширил его репертуар за счёт новых коми песен. В этом поступке – весь Александр Георгиевич. Взрывной, но не по пустякам. Цельный, как гранит. Бесстрашный, интеллигентный, негибаемый.

Защищает коми искусство как на фронте.

Залечив раны войны, не единожды побывав на госпитальной койке, А. Г. Осипов сумел справиться со своим недугом: раскрыл многогранный талант, вошёл в историю коми музыки как непревзойдённый композитор-мелодист и лидер общественного мнения. Его мелодический дар на уровне В. П. Соловьёва-Седого с его «Подмосковными вечерами» и Б. А. Мокроусова с его «Весной на Заречной улице».

Послесловие

Никакой информации об участии А. Г. Осипова в войне ни при жизни, ни после его смерти в печати не появлялось. А вот в деловой переписке к своей подписи он обычно добавлял: инвалид Великой Отечественной войны. Точку во фронтовой биографии А. Г. Осипова недавно поставил А. В. Потолицын, учитель и краевед из села Часово Сыктывдинского района. Он нашёл на сайте «Память Народа» Министерства обороны России документ, который гласил: сапёр А. Г. Осипов прибыл на фронт 27 мая 1942 года, убит 29 июля 1942 года, воевал в составе 1 Ударной армии.

Есть ещё стихотворение Геннадия Юшкова, написанное от имени коми солдата, погибшего в Старой Руссе, явно навеянное тесным, дружеским общением с композитором. Известно, что «москвич» А. Г. Осипов навещал Юшкова на писательской даче в подмосковной Макеевке, где тот работал над своими книгами.

Геннадий Юшков

* * *

Ме война вылö муні кор,
Сэк гожся луныс вöлі сылö.
А сэссия воис юёртор,
Мый воши кöнкö война вылас.
Но ме сэн некытчö эг вош,
Эг пленö веськав, ни эг сетчы.
Ми колим видзны мир туй вож
Да öтитöг ми колим сэтчö.
А менам вöлі мам да горт,
И ме эг сувтлы враглы мышкөн.
Но мыйла войнаыслөн борд
Став вошöм йöзсö öтмоз чышкö?
Мен аслым нинён нин оз ков,
Ме важён пыри пыді гуö.
Но менам лэбалö на лов
Да воывлö на Коми муö.
Кызд öтка лэбач, шыв да шыв
Вөр весьтöд лэбö сійö сёрөн.
А сэссия кежö рытивыв
Да мунö Старöй Русса дорö.

Г. Юшков. «Бур йöз водзын»: кывбур чукöр. 1984 во.

* * *

Когда война нас призвала,
Был жаркий день, томилось лето.
А позже – справка в дом пришла,
Что без вести пропал я где-то.
Но не бежал я в трудный час,
В плен не попал и не сдавался.
Шёл бой за улицу. Из нас
Никто в живых там не остался.
Я помнил мать, я помнил дом,
И враг мою не видел спину,
Так что ж война своим крылом
Пропавших всех метёт едино?
Мне не до горечи обид,
Уж надо мной земля сырая,
А вот душа – душа летит,
Летит в пределы Коми края.
Как птица, сделав перелёт,
Одна, покружит в светлой грусти.
И снова к западу уйдёт,
К могилам павших в Старой Руссе.

Перевод с коми Владимира Цивунина.

Песня «Ветлы кӧть дас му сайӧ» – одна из последних в творчестве А. Осипова. Поэтому её можно назвать итоговой, прощальной. Создана в 1970 году на слова его постоянного соавтора и друга – коми поэта-песенника С. Попова. Вместе они сочинили около 30 песен, а это целая жизнь. И вот приходит время подведения итогов прожитого, и поэт, возможно, впервые говорит об этом, не прячась за образ лирического героя или исторического персонажа, а напрямую – от первого лица. Этот приём и его содержание настолько поражают и привлекают композитора, что он пишет музыку на этот, казалось бы, непесенный текст – чистая публицистика! Но нет, песня абсолютно в духе А. Осипова: в ней и радость жизни, и суровость Севера, и трепетное волнение, и сдержанный восторг, и светлая печаль.

Сотрудники Музея Северо-Западного фронта попросили организовать для них русский перевод, потому что они рассказывают о нашем композиторе на экскурсиях. И сыктывкарский поэт Владимир Цивунин прекрасно справился с этой задачей. И пусть теперь наши друзья из Старой Руссы разучивают и поют песню о том, как любил родной край защитник Старой Руссы А. Осипов, – песню, в которой он вспоминает и о боях на северо-западном фронте.

Письма Александра Осипова матери Дарье Яковлевне Осиповой*

Здравствуй дорогая мамаша!

Велодчины менö примитисны 1-ой курсö. Кута велодчины скрипка, домра и рояль вылын. Управлениеысь сетлісны 140 шайт, сійön ме туйö муні. Татöні мама ботинкиыд абу. Верман кö ысти öдйöнджык. Менам подошваöй дзыкöдз уси. Галошиön ветлöдла. Ботинки колö 39 размер. Ботинки или полуботинки кодіс сюрас. Олам ми общежитиеын. Ведöдчам пока несколько урокön лун. Талун мян толькö кык урок öкмыссянь – дас öтикöдз. Деньга абу, но деньга эн ысты. Ыстыштан кö письмöнас – ысты. А ботинки обязательно сразу же ысты. Сэсся нинöм оз ков.

6 сентября лоö вечер. Овны зэв гажа. Быдön мыйкö да мыйкö вылын ворсöны. Испытание дырйи пöлучиті куим плохо**. Сы понда примитисны. Примитисны 40 мортös, а 48 – эз примитны. Ботинки ысты.

Адрес менам:

Вологодская обл. г. Вологда, Торговая пл. 4. Музучилище. Осипову Александру Георгиевичу.

Привет: Екатерина Антоновналы, Машалы, Женялы, Карл Ивановичлы.

Тэнад пи: А. Осипов

3 сентября 39 г.

* Орфография и пунктуация автора сохранены.

** Гөгөрвоодны тадз: удовлетворительно – Н. Митюшева.

xxx

Добрый день, дорогая мамаша!

Пишу третье письмо. Ответа от тебя не получал ещё. Посылку вчера получил, письма не было в посылке. Спасибо большое за посылку, за ботинки. Сахару тут у нас нет. Давно с сахаром воду не пил. (Чаю мы не пьём). Живу пока хорошо. Успеваемость хорошая. Стипендия 55 р. в месяц. Живём в общежитии. Сегодня у нас устраивается прощальный вечер. Провожаем призывников. Жить весело, весь день и весь вечер трубят, играют на всевозможных муз. инструментах. Сегодня наверно будет получка за полмесяца. Скоро должны получить деньги из управления по делам искусств. Вчера в комнате устраивали

чаепитие после получения посылки. В общем жить хорошо пока.

Адрес мой знаешь. Пиши письмо как живёшь.

Твой сын А-др Осипов.

Иду заниматься на фортепьяно. Спешу.

29/1X-39 г.

xxx

Здравствуй, дорогая мама!

Письмо ваше я получил 5-го октября. И ещё благодарю тебя за посылку. Я тут покупал ботинки белые за 8 рублей у товарища. До посылки эти ботинки носил. Живу хорошо. В общем представьте себе студента, получающего 55 рублей в месяц. Жизнь весёлая. Взяли уже в оркестр народных инструментов. Играю в оркестре на секунде балалайке. Преподаватель по народным инструментам так сказал: что если будешь хорошо заниматься, то через год ты будешь человеком.

Сахару тут у нас нет и я прошу тебя выслать мне сахару по два килограмма в месяц. Это обойдётся всего рублей 12 в месяц. Большого я не могу требовать. Я забыл взять наволочки и оставил в Сторожевске. Вышли мне одну наволочку.

По скрипке занимаюсь у директора муз. училища. По фортепьяно тоже хороший преподаватель. По фортепьяно хорошие оценки. Это 4-е письмо.

Пиши ответ сразу же, как прочтёшь это письмо.

Твой сын Александр.

8 октября 39 год.

xxx

Здравствуй, дорогая мама!

Наконец-то после долгого раздумья я решил написать вам.

Я приехал в Сыктывкар 8 января. Т. е. через два дня после выезда из Сторожевска. 9 января я прописался. Устроился на квартиру. У Анны Денисовны. Живу хорошо. Здоров. С 10-го января работаю в концертно-эстрадном бюро в качестве хориста и помощником руководителю хора. Хлеба получаю 600 грамм на день. Два раза кормят в столовой для инвалидов отеч. войны. После приезда получил 100 гр. табаку и 5 пачек папирос. Из-за курева пока не страдаю. Директором концертного бюро Осипов Пантелеймон Александрович. Я дома работаю над коми песнями. Готовлюсь к декаде коми искусства. Кое-что уже написал.

Дорогая мама, за меня не беспокойся. Я живу хорошо. В начале февраля я вышлю тебе денег сколько смогу. Рука восстанавливается. На лечение хожу каждый день в физиотерапевтическое отделение.

Пиши письмо по адресу: гор. Сыктывкар, Советская 48 кв. 11 Осипову Ал-дру Георг. Пиши как ответ. Устроилась ли на работу? Здорова ли?

Ваш сын Александр.

23/1-43 г.

xxx

Здравствуй дорогая мама!

Я пишу вам второе письмо. Ваше письмо от 1-го февраля я получил вчера, т. е. 7-го февраля. Я немножко эти дни поболел, но выздоровел уже, и 3 день хожу на работу. Работаю в концертно-эстрадном бюро и в музыкальной школе преподаю.

Деньги я вам после приезда в Сыктывкар высылал уже 2 раза. Всего 700 рублей. Первый раз по почте 300 рублей, второй раз по телеграфу 400 рублей. Как получишь деньги, сообщи. Материально пока обеспечен. Если сумеешь мне выслать одеяло и простынь, кое-что из продуктов, что можешь, вышли из продуктов с попутчиками. Адрес квартиры Советская 48 кв. 11. Васильев. Ты жалуешься что трудно работать и холодно в квартире. Мне тоже нелегко. Как-нибудь надо пережить это время. За меня не беспокойся.

Я здоров. Целую. Александр.

г. Сыктывкар Советская 48 кв. 11.
Осипову Ал-дру Георгиевичу.

Пиши письма чаще, не ленись. Сообщай о своей работе и жизни. Как получишь деньги, сообщи.

Привет от Григория Ивановича, от Анны Денисовны, от Юлика, от Осипова Пантелеймона Александровича и Зои.

xxx

Дорогая мама, сестра Раиса!

В Москве устроиться не удалось из-за квартиры и мне пришлось поехать в Саратов, где я нахожусь в данное время. В Москве прожил 13 дней. В настоящее время нахожусь в Саратове, где я принят на учёбу в музучилище при консерватории. Живу в общежитии. Цены, в сравнении с сыктывкарскими ценами, здесь дешевле. Но живу неважно, пока ни стипендию не получал, ни пенсию, а помощи совсем нет. Дорогая мама и сестра. Я вас очень прошу помочь мне в эти годы, хотя бы по 300 рублей в м-ц. Работать не думаю поступать, потому (что) совмещать будет трудно. Через 2-3 года я буду полноценным музыкантом-композитором. В Саратове проболел 10 дней один в общежитии, хорошо что быстро прошла болезнь, а то бы было совсем плохо. Послал вам одну телеграмму и просил прислать денег. Пожалуйста, побыстрее. Что угодно, хотя бы полдома продавайте, но помочь, помогите.

Адрес: Саратов проспект Кирова 1 Консерватория Осипову Ал-дру Георг.

С приветом Саша.

21-0 9-45 г.

xxx

Дорогая мама!

Деньги и письмо давно получил, но всё не отвечал по разным причинам. Большое спасибо за деньги. Я знаю, что и эта небольшая сумма досталась тебе не без труда, а студенту же бедняку всегда они нужны. Очень обрадовало меня то, что у тебя есть ещё картошка, и ты ещё довольно бодр. Если картошка гниёт, то её надо высушить (если она останется у тебя к приходу письма). Спрашиваешь меня, сколько я получаю стипендию? Отвечаю – 200 р., т. е. ровно столько, сколько дают, с удовольствием бы получал больше. Тэ та вылө шуан: «Однакө эськө да, абу вед еше». Из Республики (из упр. искусств) получил только 300 р. (не так уж щедры!).

Первое полугодие закончил успешно, сдал все предметы. Материальная сторона жизни весьма и весьма неважная, хотя и ожидал в этом году улучшения в сравнении с прошлым годом, думал получить помощь солидную из упр. искусств. Какие же свиньи, любезные мои сестрички, не могут родному брату послать даже письмецо, не говоря уже о помощи, которую Мария могла бы оказать мне. В Саратове цены очень высокие, так что кроме нормы хлеба (500 гр. в день) почти не вижу, т. е. вижу, но в рот не кладу и тем самым утробу не наполняю. Болезни и недоедание делают своё дело. В этом году как никогда в жизни перетерпел всякого рода болезни. Но ты не беспокойся особенно за меня, не хнычь и не охай. Я знаю, что матери жалко сына больше чем кому либо, а поэтому напиши Марусе, может она поможет как-нибудь взаимнообразно. Напиши ей, что твой брат учится в консерватории, и безусловно выйдет человеком. Неужели родных не радует то, что пьяница превращается в человека и учится в вузе? Если радует, почему же сестрички не пишут? (даже). Все студенты ездили домой и привезли продукты и пр. Правда, 23-летнему сынку стыдно жаловаться, что же делать? Мне кажется, что после ранения душой и телом постарел, а умом помолодел лет на 18. Вот и причина.

Береги себя, и мне высылать больше ничего не смей! Я знаю, что твоё сердце больше болит за нас, чем наше за тебя, воздержись от высылки какой-либо помощи. Береги себя. Напиши Марусе. Целую крепко.

Твой сын Александр.

Саратов.

16.2.47.

xxx

Дорогая мама!

Видимо мне не удастся приехать в Сторожевск, а поэтому не жди меня.

Денежные дела мои очень плохи, поэтому я прошу тебя, где можешь и как можешь, найди мне деньги хотя бы 500 р-й. Потом я тебе вышлю обратно, как доеду до места и поработаю там.

Из Удорского района привёз 33 песни, но, к сожалению, не удалось заработать ничего, т. к. из 33 принимают только 10 штук, а 10 штук я не буду отдавать – или всё или ничего.

Я не против был бы, если ты мою часть, т. е. ту часть дома, что мне тобой намечена, чтобы ты продала. В Коми я отныне не жалец и наверно на будущий год не приеду. За 2 года моего учения, управлению искусств я должен р-ей 1800–2200. В течение года я погашу эту задолженность. Я тебя очень прошу помочь мне, иначе я просто не в состоянии выехать.

15 августа я еду. Галина мне частично поможет на дорогу. Продай всё что можешь и помоги. Деньги вышли или привези до 15 августа.

С приветом Александр.

Сыктывкар. 6.8.47 г.

xxx

Милая мамочка!

Извини, что долго не отвечал. Во-первых в момент получения твоего письма я лежал в госпитале после операции и к ответу не был расположен. После того как выписался из госпиталя сразу же пришлось взять (подыскивать) работу. Много времени приходится уделять на учёбу и на работу. Так что как ни странно даже одного часа не мог уделить для письма.

Живу не плохо. Материально – обеспечен. Обо мне не беспокойся. Пока ноги носят – голова работает – проживу, а если свалюсь, будем уповать (слово пропущено – Н. М.) на то, что как инвалида (калеку) в индом определяют.

Летом вероятно не приеду. Во-первых, собираюсь (если получу согласие) жениться. Если по какой-то причине не состоится женитьба – приеду в Коми. Во-вторых, собираюсь на курорт.

Целую Саша.

(Горький, 1948 г. -? 1949 г. -?)

xxx

Милая мамочка!

Заканчиваются экзамены, и с 28-го числа (июня) будут каникулы. Я ещё не определился, как и где буду проводить каникулы. Ехать на родину – истратить на дорогу порядочную сумму, да и не уверен сумею ли на родине возместить хотя бы дорожные убытки, то есть буду ли иметь какую-нибудь временную работу на месяц или на 2 месяца, чтобы немножечко заработать. Связи нет с верховным командованием коми искусства. Хочется отдохнуть да и не только хочется, а необходимо отдышать. Нервы истрепаны, кроме всего прочего 3 месяца пролежал в госпитале, – была сложная операция – сшивали нервы. Операция прошла удачно. И врачи обещают, что рука будет работать. Так что из всего этого вытекает, что мне необходимо отдохнуть, и по возможности полечиться (руку).

Произошло одно крупное событие в моей жизни. Я нашёл человека, с которым у нас много общих взглядов и которую я полюбил. Она учится тоже в консерватории, очень способная девушка и умница. Короче говоря, мы поженились и 16 июня зарегистрировались.

Я уверен, ты порадуешься вместе со мной за этот нужный и ставящий меня на человеческий путь шаг.

Итак, заканчиваем учебный год. Жена кончает 1 курс, я – 2 курс.

Прилагаю фотокарточку и вырезку из газеты «Горьковская коммуна», где упоминают и меня. Советую прочитать.

Целую сын Александр.

Адрес – на конверте.

(Горький, 1949 г.)

Диалоги с «Тупицей»

Вышла в свет книга Михаила Герцмана «Тупица-3»

Михаил Львович в представлении не нуждается. Композитор, «трёхчлен» – так шутит он сам, имея в виду, что является членом трёх российских творческих союзов (композиторов, театральных деятелей и писателей). Автор камерно-инструментальной музыки, многочисленных песен и мюзиклов и даже гимна Республики Коми! На сцене Государственного театра оперы и балета с успехом шли его балеты «Войпель» и «Снежная королева», сегодня в репертуаре – «Барышня-крестьянка» и «Подари мне детство».

1 февраля Михаилу Львовичу исполнилось 78 лет. Из них 52 года он занимается музыкой профессионально. В августе 1971-го выпускник Ленинградской консерватории имени Римского-Корсакова прилетел в Сыктывкар по распределению, твёрдо уверенный в том, что не задержится здесь больше недели. Звучание слова «Сыктывкар» напоминало ему тогда *«маленького смешного паучка с цепкими лапками, чуть-чуть страшного (как все паучки), но не опасного»*. Сегодня Герцман признаётся, что ощущает себя «коренным коми». «Мне было 26 лет, сегодня 126», – пошутил он на презентации своей третьей книги в Национальной библиотеке Республики Коми.

Теперь, когда Маэстро стал автором трилогии, можно, пожалуй, говорить о Герцмане не только как о композиторе, но и о литераторе. Как шутят многочисленные друзья Михаила Львовича, он лучший писатель из композиторов и лучший композитор из писателей. Впрочем, сам Герцман не очень любит применять по отношению к себе определение «писатель». Предпочитает скромное «рассказчик».

Кипение страстей и вязь интриг

Итак, в 2005 году неожиданно для многих у Михаила Львовича вышел роман с провокационным названием «Тупица». Он был написан великолепным слогом, остроумно, смешно и, как торт «Наполеон» кремом, весь пропитан юмором. К слову, весьма амплитудным: от лёгкой иронии до сарказма. «Тупицу» смели с книжных полок за несколько месяцев. Вся читающая братия республики долго и бурно обсуждала его, цитируя и пересказывая нечитающей. Автор признался, что свой весёлый роман (так он охарактеризовал жанр книги) задумал как письмо сыну. Отпрыск Маэстро не очень хорошо учился в школе, и отец решил поддержать его. «В детстве я был тупым ребёнком» – написал он первую строчку, и понеслось...

Спустя полтора года в свет вышел роман «Тупица-2». Весёлого в нем было не так много, учитывая большую главу, посвящённую жестокому убийству молодого главного балетмейстера Театра оперы и балета Ивана Паршагина. Михаил Львович относился к нему с большим уважением, несмотря на то, что Паршагин в пух и прах разнёс его балет «Войпель». Помимо этого, были в «Тупице-2» блестящие зарисовки о Сыктывкаре, о талантливом друге Валерии Леонтьеве и других известных жителях Коми, не названных по фамилии, но, конечно, отлично узнаваемых.

«Кто сказал, что жизнь в провинции течёт сонно и неторопливо? Кто выдумал, будто жители её наивны и простоваты, а радости их нехитры? Да отрежут лгуну его гнусный язык!

За мной, читатель! Ты увидишь настоящее кипение страстей и сложную вязь интриг, сумасшедшую любовь и удушливую ненависть! Я расскажу тебе об одном убийстве, ужаснувшем меня. Я покажу тебе великие характеры и ничтожные судьбы, вдохновенные взлёты и позорные падения!»

Согласитесь, трудно было не поддаваться искушению и не пойти за автором. Вторая книга, как и первая, имела большой успех. Через несколько лет, благодаря спонсорской помощи, оба романа были переизданы и также прекрасно разошлись по библиотекам и библиофилам.

«Я – тупой, но только внешне»

Перерыв между второй и третьей книгой растянулся на 15 лет. Роман «Тупица-3» вышел в декабре 2022 года. В нём автор продолжил историю жизни композитора в провинциальном городке «с двумя буквами Ы» и его философии «безмятежного пессимизма». Есть в романе рассказы о людях, с которыми автору довелось вместе работать. Одних он искренне любил за талант и умение дружить (Яков Перепелица, Виктор Кушманов, Прометей Чисталёв, Лидия Чувьурова). К другим относился вынужденно сдержанно (к примеру, к всеильным бухгалтерам Минкульту с их «синим романом», в котором была прописана закупочная стоимость всех музыкальных

жанров – «от крохотной прелюдии до многочастной симфонии и песни»). Есть также глава, в которой описана... «война». Да, были в жизни Маэстро и такие мрачные дни, ведь далеко не всем нравится коллега с острым языком.

«У меня не было желания кого-то провозгласить. Я просто хотел правдиво рассказать о том, что знаю и помню», – признался на презентации автор.

Смысл и стимул

Как бы ни отстранялся Михаил Герцман от своего книжного героя Яши, читатель явно видит главную миссию автора: говорить о Музыке. Рассказывать и восхищаться людьми, преданно служившими ей, просвещать, учить понимать и любить Музыку так же, как он. (*«Дайте ему аудиоторию, и он часами будет рассказывать о Музыке».*) Именно поэтому несколько глав романа похожи, скорее, на лекции педагога Герцмана. Но так же, как все остальные, они рассказаны им с изюминкой и интригой. По главным писательским «законам»: просто о сложном, весело о грустном, искренне о важном.

На каждой встрече с читателями Михаилу Львовичу обязательно задают вопрос, будет ли продолжение рома-

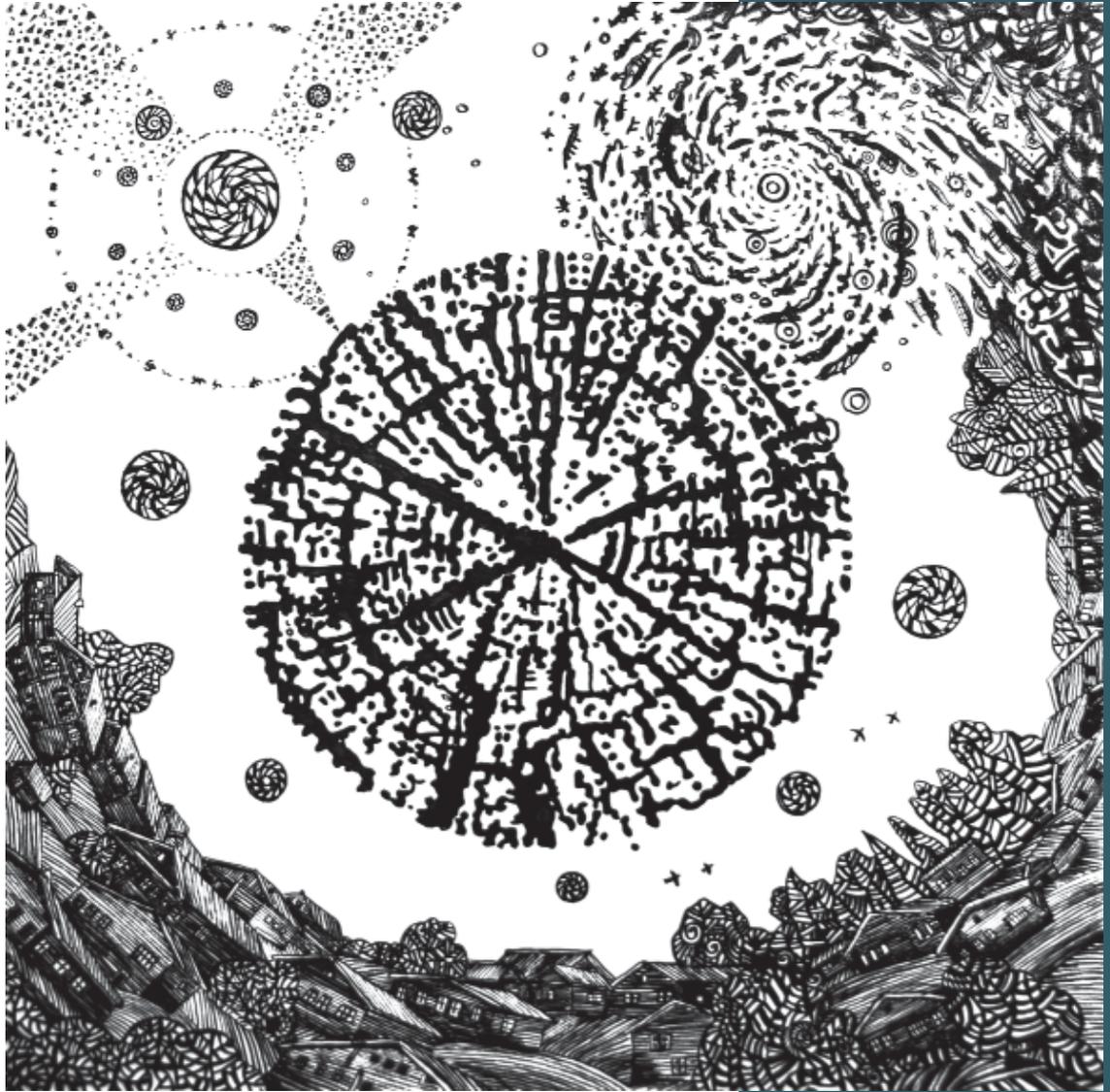
на? Раньше Маэстро непременно отшучивался. Сейчас, учитывая возраст, отвечает честно: «Если Бог даст сил и здоровья, то почему бы и нет?»

Хочется верить, что Бог даст и новый роман обязательно будет. Ведь, как написал автор в заключении, в «Тупице-3» не оказалось *«и половины того, чем я планировал рассказать. Даже тех сюжетов, которые, собственно, и побудили сестру за её написание».* К примеру, Маэстро планировал рассказать об одном очень правдивом человеке, который *«всем говорил в глаза всё, что думал, невзирая на их возраст, пол и служебное положение. Даже в поздравительных открытках высокому начальству обходился без слов «уважаемый».* «Это худшая из трёх твоих книг, – заявил он автору. – Совсем никуда и ни о чём. Хиханьки...» Интрига?

Лично у меня сложилось впечатление, что первый том писался для сына, второй – для публики, а третий – для себя. И каждый, настаиваю, каждый интересен по-своему. Все три «Тупицы» есть в моей домашней библиотеке, но на книжной полке они практически не встречаются. То одна, то другая всегда на руках у друзей и родственников. Их читают и перечитывают. Это ли не главное подтверждение? Смысл и стимул для автора...

Лиля Вовк.

Фото Национальной библиотеки РК.

Юрий Лисовский
Удора внешняя

Нина Елина. Удора

Анастасия Юрьева
Мезенский конь
керамика, металл

Павел Зарослов
Гондольер

Павел Зарослов
Леопольд из Ёртома

Татьяна Зыкова
Небо внутри

Кристина Овсянкина
Река памяти

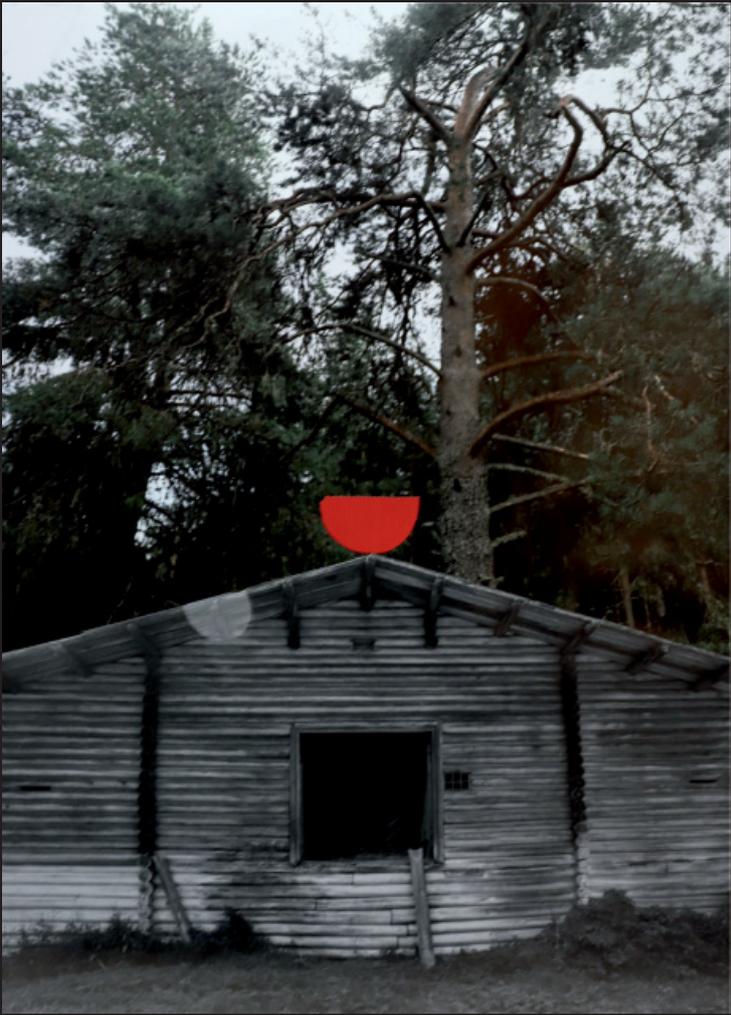
Анжела Разманова. **Вашка и Мезень**

**Прялка и короб
с мезенской росписью**
(найлены в д. Чернутьево)

Анжела Разманова
Параскева Пекнича

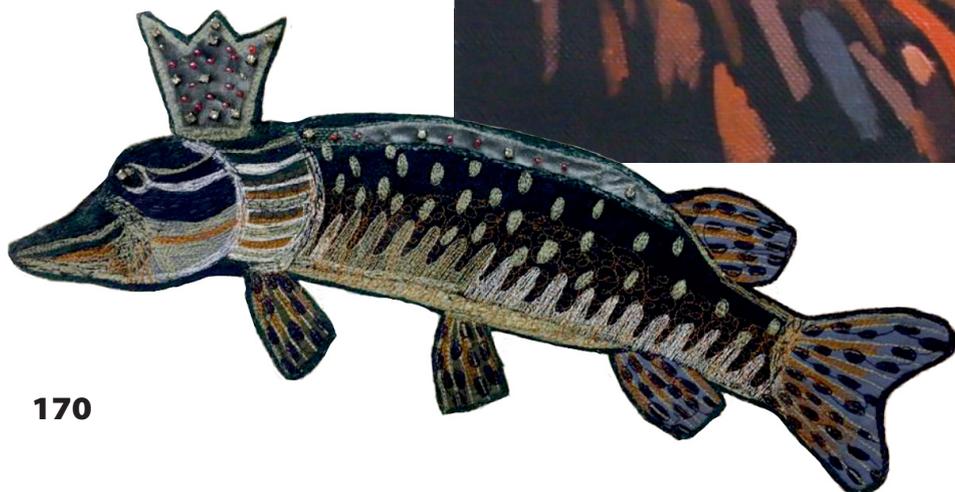
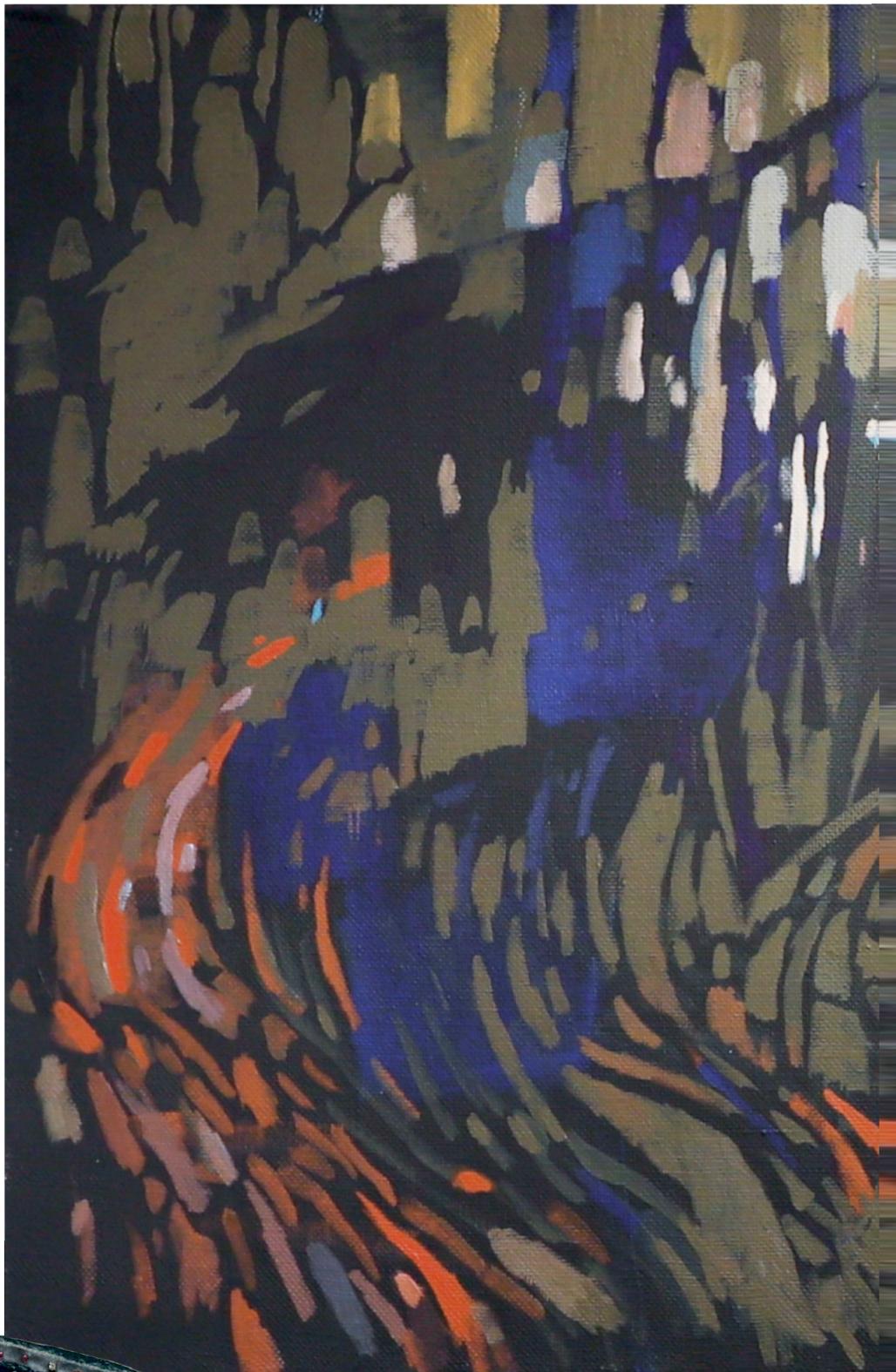
Кристина Овсянкина
Удорские лабиринты. Коллаж
Червоточина. Межмирье. Выход

Наталья Ширяева
Дорога. Вышивка
Проводники. Вышивка

Анжела Разманова
Пойдѣшь налево? Пойдѣшь направо?

Наталья Ширяева
Загадай желание. *Вышивка*
Проводники. *Вышивка*

Нина Елина
Елена Прекрасная

Павел Зарослов. Удорская Тоскана

Сергей Разманов
Макет удорского дома

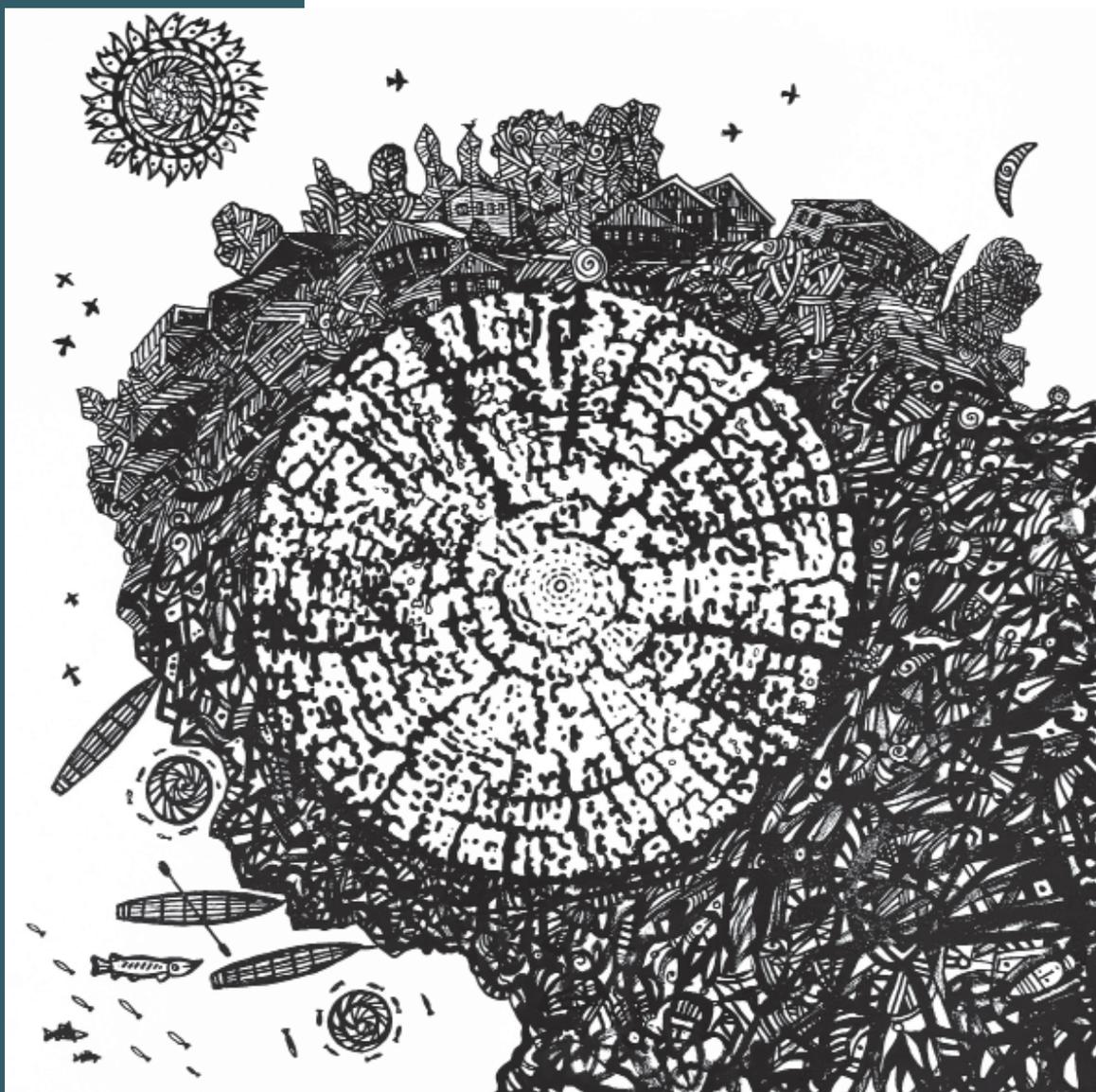
Екатерина Соловьёва
Архив из Чернущево

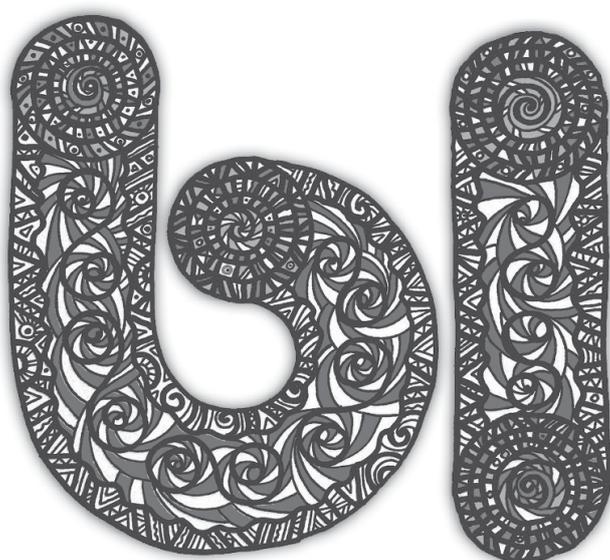

Павел Зарослов
Мифический Димитр

Юрий Лисовский
Удора внутренняя

**ТОМ
ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖУРНАЛ**

Художествоа вуджодом – литературной творчество сикас, кор оти кив вылын лосьодом гижодыс выльысь тэчсьо мод кив вылын, оригиналлысь став аслысполослунсо петкодлыны-восьтыны зильомон.

Кызди гижо литература туялысь Георгий Гачев, «кивьяслон йитчанинын медся бура тыдовтчо оланноглон, материальной да духовной культуралон паныд сувтомыс... Од кив – тайо ставсо вежортана пу. И кымын унджык сылон вожыс – сымын бурджыка совмома войтыр мывын енокла пертасыс». Мод ногон ко, мортлон мовпаланногыс топыда йитчома чужан кивийскод, код вылын сийо сёрнито.

«Арт» журнал йозодо и коми, и роч, и мукод кивья гижысьясос, лэдзо кык кивья небогьяс. Позьо шуны, сийо лоо уна полос культура йитысь «поскон». «Артлон» вуджодчан нырвизыс надзоникон локто и «Ы» журнал. Йозодома нин откымын финн-угор да роч авторос. Тайо номерын ми тодмодам лыддысьсысьос роч поэтыскод (Людмила Суворова, Борис Рыжий, Татьяна Ческидова) да челядьлы гижысь Зуля Стадниккод.

«И кодныд кодос радейтлинныд ти...»

кивбурьяс

Людмила Суворова (Киров)

* * *

Горд кыморьяслон дзу... и накод тшотш
зэв лоня, дышпырысь, дась сыналыштны
тупуа да оржы пуа кодж,
виж ыбьяс полон кыско вуджор бож,
ми весьтод кывто, муо муртса нин оз вод,
сынодвывса флот.
И кынмисны,
пель чошкөдісны, лоньсыс синсо тилиг,
став му выв пемосыс, из кыртаяс и вөр,
со видзодлы – сьод пыдосыс, и киль, и
вын воштөм снастьтяс; весиг парусыс оз вөр,
тов оз нин сийос лыбод;
и либо ва выв турун ёкмыль, либо
друг лозодис, мый воли биысь горд.

Тадз кусо вежорби, тадз сыло и оз коль
флотилиялон ру и кыморьяслон шоль.

* * *

Войнас вөр сибөдчис өшинь весьтө,
Кыйкнитліс, лолыштіс улис руөн.
Унзіль, ог вежөрт, кодос нин могыс суом,
Мукөдторйыс өні дзик веськодь.

Муртса довкнитас ловья тыртөмлун,
Сэтшөм гөгөрвотөм да помтөм-дортөм,
Корө корөмөн, вордөмөн вордө,
Да сэтшөм шаня – видлы эн мун.

Вольпась эновта, вой пемыд ывлаө
(Да көть яндысьышт, миянкөд олышты!)
Пета веськыда, ыркыдсө лолышта,
Көмтөм кокөн быд турун сі кыла.

Вешйы, разөдчы, вөр, эн сорась!
Ки и кок, бан бок – орсийөн моз орсыяс
Юкө зэлалөм енкөла чорыд роснас.
Төдтөм, визувтысь, ас дорас корысь
Лөнь би югөр. И сёр нин бөр косны...

* * *

Кадыс рытйө, босьтчө зэр,
Локтө нюрладорсянь.
Сынөд горйын дзирыд сер –
Явө мыйкө корсьө.

Гольскас посводзаным көш,
Дзуртас кильчө пөв да
Мунас тільгун шыа бөж,
Пачысь бисө пөльтас.

Трачкас, увгыштас, лёк горш
Бөрддзас төдса горөн.
Лөмитө биалигсор,
Гортысь петны корө.

Киө – пөнар, юрө – шаль,
Дзирья сайө синам:
Мый эм – чукөртам, да жаль,
Абу сәні нинөм.

* * *

Вой пемыдас быдмөгьяс тельгөны дыр.
Вөр лөньлө то палялө бара.
Яг шөпкө и сералө, шыясөн тыр
Му ковтысса ловья гербарий.

Би чутьяс со корөны, воштөмны ин,
Сьөд юлань, көн запанки восьтөма син,
Көн турунъяс мыськалө кылөг,
Быд вөй сөнөн аддзө и кылө...

Нюр кыскөд и трунда, и кырөд, и сён,
Вербена, веж исань да рута.
Муската өрек, кориандр, кардамон,
Цикорий, корица...
Цикута!

* * *

А коръяскö мен висътавлывліс бать,
 мый утка кыйöм йылысь öти вöтсö
 пыр выль пöв аддзö: ветки да двустволка.
 И тыкöла, көн быд ичöтик ді
 зэв тöдса быттьö. Нöшта сійö шуліс:
 ме татшöм тысö явö эг пö аддзыв,
 дзик синва кодъ мед ваис... Вот сэн кыйсьöм! –
 но, сувтöдлы жö син водзад. А збыль кö,
 мый верман тöдны кыйсьöм йылысь тэ?
 Мен дышöдліс, и мунлі пызан сайысь
 да босьтлі мыйкö Кафка сяма небöг.
 И жалитлі сэк ачымöс, и гижлі
 дзик Бродский ногөн кывбуръяс, сы йылысь,
 мый морт сійö квадратын öткалун.
 Но, гашкö, кубын. Дышпырысь звöнитлі
 вöй аньлы, коді важөн верöс сайын,
 но Бродский нога кывбурьястö сійö
 ок радейтö, и öти сайысь менö –
 зэв аслыспöлöс, думыштöм любовөн.
 Прöщай, любов! Дас во тадз бөрö коли.
 Тэ урöсмин, ме тöдчымөнъя шаньми,
 и вöтъяслы кöзьяйкаөн эн ло.

Ме бательысь вöтсö видзöдала водзö:
 со, быттьö сылөн тыö бара вои;
 двустволка киын, кокни дюраль пыжөн
 сук эжөръяссö ордъя любöпырысь
 и чучелаяс тэча, сэсся дзебся
 да виччыся, и стöча лыйся, ньöтчид
 ог сорсьы, аслым тешкодъ – век жö вöт.
 Збыль, нöшта öтчид шуа, аслым тешкодъ,
 но тайö вöтыс век жö менö пöртö!
 Кор гөгөрвоа, весиг сувтлö лолöй,
 öд батькöд некыдз паныд сэн эг лолöй.
 И быд раз садьма сы понда, мый бөрда.

Вой бобувъяс тадз кувсялöны...

Вой бобувъяс тадз кувсялöны, ёрт –
 и кокныдика киссьö налөн борд,
 юль тöлысь помö лым дзик быттьö мөдö.
 Тэ копытчыв да соддзад найöс босьт
 и топöд, медым төв нырөн эз нöбöd
 бөр му вылö, кор вывлань оз нин позь.

Мый кутан киад, лунысь дыр эз ов,
а збыль кө – войысь, сійён ичөт лов
би югөрлань и кыссьö югыд руөн.
Тэ недыр мысти восьтан ассыйд ки
да торйöдчытöдз шоныд нюмөн шуан:
«И кодi кодöс радейтлинныд тi».

И нуö найöс төв ныр, кадлөн чой,
и кольö соддзад сöмын пемыд вой,
а мыччöм кийд вошöм кадас сидзлö.
Ме став вир-яйён йöжгыльтчыла – нöд,
мый тэныд шуны, мыйён вочавидзны,
и кывбурсö кыз помавны – ог төд.

Кор мөвпышта, мый тадз жö мян нэм
друг орö, öти торъялöм и эм:
мый мортыд оз нин вöч ми весьтын копыр,
оз пычки синва ни оз топöд ки,
оз мөвпышт весиг, муысь аддзас кодыр:
«И кодныд кодöс радейтлинныд тi».

Татьяна Ческидова (Челябинск область, Троицк)

Юрсигусь

Сöдз асыв соддзын шондi тайкö кытш,
Важ кадъясса, син ёран выйöдз ниртöм.
Нюдз шатин босьта, бөръя шаньджык йир да
Таб сунлас ваö, быттьö гормög кыш.

Дась кыйны нидзув вылö ассыйм пай,
Но юрсигусь со таб вылö друг пуксьö,
И дөбөдöм нин шедöм – ставыс дзугсьö,
Тадз дözмөдчөмөн кыйдöстö оз вай.

Дерт, коньөр ловлөн олөм абу вый,
Көть тадзи сета шойччөг юрсигусьлы,
Но кыйсян ладыс торксис, лолöй усьли,
Öд кымөръясысь öтдор нем эг кый.

Но сывны тайö здуксö тырмас сям,
Мед лөзов мыгнас чивкъялö да олö,
Юль төлысьсö öд гажөдны и волö.
И нимта сійöс тывывса ен лолөн,
Таб юрйылын со йөктö, рамсьыс-рам.

* * *

Ак, август, август, муса ёрт!
Ю кӧджын дзоридзьясысь – мичыс.
А ме бадь вуджӧръяскӧд йитчи.

И ыркыд юлӧн эзысь борд,
И пырыс тыдалана гылӧн
Сӧдз серъяс ворсӧны ме вылын.

Дзик быттьӧ шабаш кадӧ, лӧдз
Сук баддьӧ ызгигтырйи волӧ,
И таысь сыркмунлӧ став лолӧй.

Виж лыа мыськиг, сӧдзсьыс-сӧдз
Ю менӧ байкӧдӧ важ висьтӧн,
Русалка кызди мысьсӧ вискын.

А кӧнкӧ кылӧ пӧлян гор,
Тадз ворсӧ август – менам ёрт.

* * *

Лым сапкис войбыд – абу пом.
Быд потшӧс сюръя – эзысь тукта.
Важ дзиръя паськӧдӧма вом
Да броткӧ: «Тэрмась, либӧ тупка!»

Дзик быттьӧ ӧтка арся кор,
Лов пессӧ – мый и воштӧс сӧні.
А тайӧ кыддзыс сэтшӧм нор,
Кызд сийӧс петкӧдліс Есенин.

Со бара шышкалӧны тон*
Ранетлысь тусьсӧ пелыськайяс.
Но шоньд позъяд миян пон
Дзик дышмис, оз нин вӧтлы найӧс.

Дерт, сылы бурджык гожся шуд,
Да бекар тырӧн чӧскыд сӧян.
А ӧні сӧмын еджыд гут
И кывлӧ никсӧм пемыд войын.

Шаль чӧвта, пета – шуліс пӧч:
«Мун лунсӧ доддяв!» Со и вӧра.
Ак, лымйыс кийн сэтшӧм пӧсь,
И дзолядырся шондӧ кӧра!

Тон* – тані: «небось», «уж», «конечно» вежӧртасын.

Зуля СТАДНИК
(Тобольск)

Морөс кудйын нелыськай

мойд

Сенька ручпи нүжөдiс нырсө сола ыркыд төвлань да читкыртчис. Сийө сулалiс штурвал дорын, капитаналiс. Гыясыс сэтшөм ёна дзибрөдлiсны карабсө, мый Сенька муртса эз усь. А чурвидзысь гөныс тiралiс төвсьыс.

– Рутьсө веськыдыв! – гораа шөпкөдiс ручпи. – Но и гыя! Бытьтө бушков матыстчө!

Ышмөм саридз вөсна вөртасыс өдва тыдалiс. Карабыс ганьласис то өтарлань, то мөдарлань. Вына гыяс сэтшөма таркөдiсны сийөс, мый Сенька чайтiс: нөшта неуна – и карабыс кымыньтчас! Ручпи шашаритчис штурвалө да сетчис водзланьөджык – төв ныр муртса эз пөдты сийөс.

– Бара ворсан вентиляторөн? – тайө здукас кодкө дзугис Сенькалөн голяысь гөнсө. – Тайө мөй чача?

Ручпи восьтыштiс өтар синсө. Мамыс точнитiс нин вентилятор кнопкасө да мөдiс кысыны штепсельсө. Кусөдiс и саридзса төвсө, и карабсө, и капитанлысь сулаланiнсө, и штурвалсө. Пуксис чөв-лөнъ.

– Тэныд колө мөдөдчыны школаө, сильөпи, – шуис мамыс.

– Кутшөм ме тэныд сильөпи? – дөзмис Сенька. – Тэ – менам мам, и тэ – руч, сiдзкө, ме ог вермы лоны кутшөмкө сильөөн! И ме абу дзоляник, тадзи шуны оз ков.

– Но да, тэ зэв нин ыджыд, – пыльснитiс мамыс лапаас. – Повтөм матрос, саридзса грөз! Но меным тэ век колян сильөпиөн.

Ручпи букыштчис, пондiс тэчны ранецас велөдчан кабалаа папкаяс.

– Пасьтась шоныдджыка, Сеньө.

– Мам! Тулыс өд!

– Но и мый? Ме кывлi катша радио пыр, талун пө лоас төла.

Сенька гачасис, төрөдчис арся важ курткаө. Көть эськө мый вылө тайө көлуйыс моряк-лы, кодi оз пов кодзыдысь ни төлысь? Но мамыс видзөдiс ручпи вылө, и Сенька гартiс голя гөгөрыс шарп да шапкаасис. Сэссия восьтiс өдзөс, мыччысис пырмөсысь и пырысьтөм-пыр читкыртчис: синмас лэбисны корьяс да кутшөмкө посни чагьяс. Вөрын бытьтө ловзьөма ыджыд вентилятор. Пуясыс зэв ёна вөрисны, а туруныс копыртчөма му бердас – сэшөма сийөс личкөма төлыс.

«Мамөй оз чайт, мый талун вывтi төла, – вирдыштiс Сенькалөн юрас. – Сийө эськө менө школаө эз лэдз!» Ручпи мудера нюммунис да өдйөджык петiс пырмөсысь. өд сылы татшөм поводдяыс зэв на и скодитө!

– Топыдджыка пөдлав өдзөссө, – горөдiс мамыс пыдi жырсяньыс.

– Люкъяс да отсекъяс лоӧ сиптӧма! – вашнитіс Сенька.

А сэссия чеччалігтырйи тӧвзис шызьӧм вӧрті. Корсюрӧ сувтыштавліс да нимкодъпырысь гоньяліс. Кымӧръяс тэрыба кывтісны енэжті, быттьӧ лайнеръяс. Пожӧм туганъяс лайкъялісны – тайкӧ гыпкъыясны! Туруныс гӧвкъяліс, копрасис мулань, а ручпи чукльӧдліс турун пид, быттьӧ пискӧдчис гыяс пыр. Весиг лэбачьяс чилзісны повзьӧм каляяс моз.

– Видзӧдны веськыда! – шӧпкӧдіс Сенька. – Ставлы кайны вылӧ! Тӧвдӧра домавны!

Колис кымынкӧ здук, и мыччысис школалӧн пырмӧс. Позьӧ мӧй пукавны классын, кор тані сэтшӧм приключенньӧяс? Сенькалӧн карабыс вешйис курссыйс, бергӧдіс нырсӧ таялӧм ордымъяс пӧлӧн быдмысь тӧдтӧм баддяинлань. Водзӧ, водзӧ! Ручпи бара чирзіс нимкодъысла, шарпыс павъяліс тӧвдӧра моз, а тӧлыс сэтшӧма зырис – тайкӧ збыльысь нуас восьса саридзӧ.

«И тані менам экипажысь матросӧс шыбитіс ваӧ, – мӧвпыштіс Сенька. – А ме уськӧдчи отсавны и...»

– Ме тэӧ кыска! – Ручпи бергӧдліс ранецӧ сынӧдас да шыбитіс турун гыясӧ, быттьӧ мездысян гӧгыль.

«О, кутшӧм ылӧдз ме верми чилгыны сійӧс!» – чуймис Сенька да баддяин пыр восьлаліс ранецлань. Эз на слӧймы лэптыны сійӧс, кыліс кодлыськӧ ымзӧм:

– Ме тані... Отсав меным...

Ручпи пондіс исасыны. Коді тайӧ? Сы дорӧ-ӧ шыасисны? Тані ӧд, тӧдӧмысь, руч пырмӧсъясыс абубӧсь: Сенька вель нин ылӧ муніс сійӧ местасяньыс, кӧні оліс став ручыс. Гашкӧ, сылы каститчис?

– Ме та-а-ані... – бара кыліс, но лӧньджыка и воддзасыйс норджыка.

Ручпи тувчаліс водыштӧм джуджыд турунсӧ сувтӧдӧмӧн да чуткасысь быдмӧгъяссӧ ранецнас вешталӧмӧн. Некымын воськов мысти сійӧ зурасис усьӧм пуӧ.

Чашкӧдӧм вожъясыс жмутвидзисны турун пиас и мукӧддырйиыс легнитчылісны тӧвсыйс.

– Но кӧні тэ? – юаліс Сенька. – Сійӧ, коді менӧ корис.

– Ме тані, кыз вож улын. Пуыс топӧдіс менсым бордӧс да бӧжӧс.

«Топӧдіс бордӧс? – вешкыртчыліс ручпи. – Сідзкӧ, тэ лэбач?»

И кыз сійӧ пырысьтӧм-пыр эз гӧгӧрво?! Тайӧ гӧлӧсыс – дзуртан да мыла – кодлӧнкӧ мӧй нӧшта овлӧ? Эз тырмы ручпилы партитчыны лэбачкӧд! Налӧн вӧрын важӧн шуӧма: оз позь кыйны татысь лэбачӧс ни шырӧс, сӧмын орча вӧрсыйс позьӧ. И быд руч таdzi вӧчис: лэбачӧс эз кый. Но кутшӧм сэн ёртасьӧм вермас лоны?

Сенька копыртчис пу весьтӧ, казяліс чурвидзысь гӧн, посни чутӧсь югыд морӧс да руд юр. Лэбач видзӧдіс сы вылӧ синсӧ чашкӧдӧмӧн, а сэссия дзуртӧмӧн шыасис:

– Тэ руч вӧлӧмыд?

– Но дерт нин абу сильӧпи, – зумыштчӧмӧн вочавидзис Сенька.

– Тэ збыльысь кӧсьян отсавны меным?

– Ме? – чуймис ручпи. – Тэ йӧймин, пыста!

– Ме пельсыкай.

– Ёна тай! – Сенька сӧлыштіс пинь пырыс. – Пельсыкай, катша – ставыс ӧткодъ!

Пельсыкай куньліс синсӧ. Буракӧ,

сылы и збыльысь зэв ёна доймө. Но и мый?! Сенька мөй врач либө кагульнича? Сійө – руч, а ручьяслы колө быдмыны вежавидзтөмөн да сюсьөн. Сенька эз на вунөд, кызди классын ставныс сералісны Милана вылын: төвнас сійө вөлі вөчөма кормушка да вердөма посни лэбачьясөс. Но и нямөд!

Мыйлакө Сенька эз вермы мунны. Кутшөмкө тешкодь кылөм йирис и йирис морөс кудсө, кызди нидзув – яблөгсө, кызди номыр – корсө.

Век жө ручпи воськовтіс водзлань. И джөмдіс. Тайө тешкодь кылөмыс шлапкысис вылысас да личкис, кызди важ пожөм, и сатшкис Сенькалысь морөссө кос ёсь увьяснас.

– Мыйла тэ сідз думыштін, быттьөкө ме көсья тэныд отсавны? – скөрмис ручпи.

– Тэ горөдін.

– Горөді?

– Да.

Тайө здукас Сенькалы дум вылас усис саридз да вөйысь моряк. Сійө мыйкө и збыльысь вөлі горзө.

– Тайө ме эг тэныд, – вундіс ручпи. – Тайө... эг тэныд.

Пелыськай бар кунис синсө да кызкө лясмуніс.

Ручпи бергөдчис да тапсьөдіс бөр ордымлань, чуткасьысь быдмөгъяс видөмөн. Төлыс век на увгис, но повтөм капитанысь ворсны эз нин вөв окота. Сенька кыссис школа пырмөсө.

Сэні, дерт, мунісны урокъяс. Ручпияныс вөліны этшаөн – абу ставнысө лысьтөмаось лэдзны татшөм поводдяө. Пөрысь дзор велөдысь чуймөмөн бергөдчыліс жугыльтчөм Сенькалань да шуис:

– А ме думайті, талун тэ он лок.

Пыраніныс вөлі векныд, а со ачыс школа пырмөсыс вөлі паськыдджык гортас дорысь. Шоныд да лөсьыд, весиг он чайт, мый ывлаас бушков. Тешкодь кылөмыс Сенька морөсын ныжмыштис, дугдіс сэтшөма песны. Колөма пырысьтөм-пыр мунны сійө пелыськай дорсьыс, шыасьлытөг.

Муніс РБП урок – ручьяслөн безопасностьт подув.

– Кутшөм тема? – шөпнитіс Сенька партасайса сөседыслы.

– Төв ныр дырйи асьтө кутанног, – вочавидзис сылы Тима ручпи. – Ставныслы, коді талун локтіс, пөрысь руч пуктіс «вит». И тэныд тшөтш.

Сенька шпыньмуніс. Төдіс кө пөрысь руч, мый пырмөсын пукалөм пыдди сійө шөйтис төдтөм ордымъясті?

Мөд урокнас вөлі серпасасьөм.

– Талун рисуйтөй лэбачьясөс, – шуис пөрысь руч. – Бурджык найөс, кодьясөс адзылінныд асьныд. Но позьө и думыштөмөс, – пыр жө содтіс сійө да көсөйтчыліс Сенькалань.

Быд заданньө дорө Сенька век содтыліс карабъяс. Сійө серпасавліс тельняшкаа шырьясөс, шолгабердса поз, төвдөра вылын бобувьясөс. Пөрысь руч сылөн уджъяс вылын век сераліс, но «вительяс» тэчис.

– Ме төрыт варышөс енэжысь адзылі! – горөдіс Тима да паськөдіс лапаяссө, Сенькаөс муртса нырөдыс эз шайтышт. – Сійө со та-а-а-адзи бордьяссө паськөдіс да шлывгис.

Сенька көсийыліс нин бара серпасавны саридз, караб, но ладнө, мед нин дай, некымын каляөс да альбатросөс, кодьясөс паныдавліс небөгъясысь. Но юрсьыс эз петны разалөм гөнторяс, посни пемыд синъяс, перкаль чутось еджыд морөс, коді сьөкыда кыпавліс лякөм турун пиын, төв йылын тіралысь пу вожъяс. «Ме лоа нямөдөн, кута кө сійөс рисуйтны», – мөвпыштис ручпи, но сійө жө здукас гөгөрвоис, мый мөд ног оз вермы. Сійө быттьө вөлі рисуйтөма нин, тайө жугыль синъяса дойдөм пелыськайыс, көнкө Сенька пытшкын, чашйис гыжнас морөс кудсө, шпорагыліс бордьяснас и корис отсөг вылө.

– Чр-р-чр-р, чак-чак-чак, – трачкөдчис ручпи пытшкын. Карандашыс эз жө кывзысь,

эз кӱсйы вуджӱдны кабалаӱ карабсӱ, тшӱтш трачкӱдчис «чр-чр-чак-чак-чак» и кокалис кабаласӱ, быттӱ пелыськай. Рисуйтчӱмсьыс шогӱдис и ӱттшӱтш кокньӱдис. Сенька эз тӱд мыйла.

– Урок регыд помасяс, – шуис пӱрысь руч. – Петкӱдлӱй серпасъяс.

И танӱ ставныс, быттӱ сӱрнитчӱмаӱс, видзӱдлисны Сенька вылӱ. Ставныс кӱсйисны тӱдмавны, кутшӱм караб сӱйӱ рисуйтис та пӱрӱӱ. Сенька тупкыштис лапанас кабаласӱ.

– Ог петкӱдлы, – лӱня шуис сӱйӱ.

Пӱрысь руч пондис серавны:

– Ми ӱд тӱдам, мый лӱбачъяс йылысь тӱ ньӱти он думайт, сӱмын карабъяс рисуйтан. Ми велалим нин, эн яндысь. Серпасад кӱ лӱбачыс эм, ме ог понды чинтыны оценкасӱ.

Сенька воськовтис водзлань, пысалис кабаласӱ дӱска дорӱ да вешйис. Но бергӱдчыны эз понды, сӱдзи и кынмис мышнас класс дорӱ сувтӱмӱн, бӱжнас скӱрысь легӱдӱмӱн.

Мыш саяс лои лӱнь, быттӱ классыс кушмис. И тайӱ чӱвлуныс тотшкӱдис Сенькалы мышкас, сизьдис, быттӱ сизь. Ручпи эз вермы кутчысьны – бергӱдчис.

Сы вылӱ некод эз видзӱд. Велӱдчысьяс синсӱ сувтӱдӱмаӱс серпас вылас. Но чӱвлунсӱ торкис орласяна бӱрдӱм.

Тимка дӱзмыштӱмӱн видзӱдлис бӱрвыв, Миланалань:

– Мый бара лимзалан? Век тадзи, некод сӱйӱс оз бӱрддзӱд, а сӱйӱ – синва кисьтӱ!

– Кӱнкӱ, аслас тадзи рисуйтны оз артмы да, – видлис гӱгӱрвоӱдны мӱд ручпи.

– Ме... ме ог та вӱсна, – шлӱпнитис Милана. – Меным жаль...

– Лӱбачсӱ жаль? Лӱбачсӱ жаль! – кутисны кильскыны став ручпыис. – Но и тешкодь, но и нямӱд, лӱбачыс жӱ абу збыльнӱй.

– Сӱйӱ быттӱ збыльнӱй, – шуис Милана, чышкис лапанас синсӱ и бергӱдчис.

А пӱрысь руч вӱрӱдыштис Сенькалысь чолкасӱ:

– Аددзан, кутшӱм лӱсьыда рисуйтӱмьд – лӱбачтӱ позьӱ ловьякӱд соравны? Молодеч!

Ручпи нюкыльтчис мелӱлӱмысь да тӱрыба кватитис кабаласӱ.

– Сувтлы, – шуис велӱдысь, – коль тайӱ серпассӱ. Ме босьта сӱйӱс медбур уджъяслӱн выставка вылӱ.

«Мый? – думыштис Сенька. – Со тайӱ пелыськайсӱ ӱшӱдасны, мед ставӱн аддзасны?»

Повзьӱм мӱвпъясыс чеччалисны сы пытшкын, быттӱ гылалысь кольяс: дӱтш-дӱтш-дӱтш. Тайӱ пелыськайыс сӱтшӱма песис сӱйӱс, быттӱ ловсӱ кокалис. Сенька сӱйӱн и рисуйтис пелыськайсӱ, медым курыд ловруыс чашйыссяс татчӱ, кабала вылӱ. И ньӱти эз кӱсйы, мед кодкӱ аддзылас тайӱ курыдсӱ.

– Бӱрыннас, – бут-баткерис Сенька. – Бӱрыннас.

Дӱска вылысь кабаласӱ кульыштис да бӱрынӱтчис парталань. Буретш тайӱ здукӱ школаса часысь жбыркнитис пу кӱк. Став ручпыис гузьгысис велӱдысьлань, мед петкӱдлыны серпасъяссӱ. Сенька кыйӱдис комсӱ, чепӱсйис коридорӱ ранецас шашаритчӱмӱн. Сӱни сӱйӱ чожа пасьтасис да петис пырмӱсысь.

Тӱлыс ӱвсьыштӱма нин, сӱмын муртса легӱдис ручпылысь чолкасӱ – дзик жӱ пӱрысь руч моз. И тшӱтш быттӱ шуалис: «Бур серпас, босьтам выставка вылӱ?»

Сенька перйис ранецъыс серпасалӱм пелыськайӱс. Весиг видзӱдны сы вылӱ эз кут, чашвартис джынвийӱ! ӱта-мӱд бердас пуктис – и бара косялис! На тӱныд! На тӱныд, мустӱм доймӱм пелыськай, он сӱсся кут корны ӱтсӱгсӱ ручлысь, ми тӱкӱд ог ӱти ордымӱд ветлӱй!

Сӱсся кодйис куст улын гуран, гылӱдис сӱтчӱ серпас торъяссӱ да гуалис.

Ручпи эз казаялы, мый восьтыштӱм ӱдзӱса ӱти пырмӱссянь кодкӱ сӱйӱс кыйӱдӱ, шырбияс моз югъялысь нюдзвиж синъяса. И кор нин Сенька ылыстчис, ӱдзӱс сайсянь мыччысис Милана. Сӱйӱ уськӱдчис куст дорӱ, кодйис гурансӱ, ӱктис муӱссьӱм серпас торъяссӱ да шыбитис ранецас. А сӱсся, Сенькалысь кок туй дуксӱ кылӱм бӱрын, кустъяс сайӱ дзебсясьмӱн котӱрчис бӱрсянныс.

Сенька нинөм эз и казав. Сійө гораа нускис, йөткалис джуджыд турунсө да восьлаліс водзө – усьөм пожөмланы.

«Но и мезда, – броткис вомгорулас, – сійө жө пагалас!»

Пелыськай вөлі сэн на. Кор Сенька мыччысис, лэбач восьтіс посни съөд синсө да видзөдліс локтысьланы. Но видзөдліс сідзи, быттө нинөм нин оз аддзы, и таысь ручпиөс шуштөм босьтіс.

Сенька мыджсис лапаяснас пуө да видліс вештыштны. Он на тай! Пөди, дас гырысь руч весиг оз вермы тайөс вөчны.

– Аддзан, ме видлі, – шуис сійө. Но эз пу улас куйлысь збыльнөй пелыськайыслы, а сійө пелыськайыслы, коді тай парсалис морөс кудсө. – Öні тэ дугдан менө кокавы да песны?

Но Сенька төдіс, мый лоас. Сійөн и сулаліс, эз мун.

Кыліс шаркөдчөм шы. Ручпи бергөдчис – некод кө абу-а. Либө эм? Со сэні, турун пиас, мыйкө гөрдтор тыдалө. Бөж! Гөрд бөж сырмис кос турун костас би кыв моз. Сэсса Сенька казалис лежнөг дзоридз рөма бант да горөдіс:

– Тайө тэ, Милана? Пет, ме тэнө казали!

Милана сувтіс да пондіс локны сыланы. Сенька чепөсйис воча, медым вешыны пусяныс ылөджык. Тайө Миланыс өд вермас казавны пелыськайсө!

– Тэ мыйла ме бөрся кыйөдчан? – гажаа серөктіс сійө. – Исправляйтан «куимтө», кодөс тай пуктісны кыйөдчөмысь?

Милана чушнитіс:

– Ме муна тэ бөрся школа пырмөссянь нин! Та вөсна тэныд нинөмөн жө ошысьнысө.

– Меным талун мыйкө деливө, – веськыда висьталіс ручпи.

– Тыдалө! Сэтшөм деливө, мый косявлін асьыд медбур серпастө!

– Тэ и тайөс аддзылін?

– Видзөд. – Милана сюйис лапасө ранецас да кыскис өти кабала тор. Лестукас вөлі пелыськайлөн синмыс, и Сенька пыр жө вешкыртчыліс. Сійө сөмын на аддзыліс тайө синсө ловйөн, и сійө видзөдіс сідзи... сідзи... Кыдзи аддзөны найө, кодъяс прөститчисны и вөркөд, и енэжкөд. Но өд Сенька таысь абу мыжа!

– Бур, – намөдіс Сенька, – ме эскөда пөрысь ручөс, медым вежас тэнсьыд «куимтө». Тадз? Верман мунны.

– Ог мун, – шуис Милана.

– Но и сиргаг, – ручпи петкөдліс сылы кабырсө.

Милана шамыртіс лапасө и петкөдліс дзик жө татшөм кабыр.

– Шуи: ог мун! И видлы менө сувтөдны!

– Мый тэкөд? – шемөсмис Сенька. – Скөрпоз!

Ручпилы позьө асьсө тадзи кутны. Но Милана вөлі аслыспөлөсөн: классын өтырышъя сералисны сылөн шаньлун вылын. Нерсисны: «Милана Милосерднөй».

– Тэ вылысь велөдча, – лэптыштіс пельпомсө Милана. – Тэ жө пыр долян, кутшөмөн колө лоны ручьяслы.

Сенька зумыштчөмөн видзөдіс сы вылө, но мөдыс эз и петкөдлы повзьөмсө. Лэптөма нырсө кымөръясланы, пурыштчөма. Кутшөм сійө... гөгөрвотөм! Бантыс лэччөма да тоньяліс төв йылын. Синмыс скөр, зумыш. Нюдзвиж да векныд, кыдзи бадь кор. Мыйлакө ручпи кутіс мөвпавны, позяс-ө босьтны Миланаөс караб вылө. Милана эськө вермис бурдөдны висьысь матросьясөс. Гашкө, и саридзса көинъяскөд тышкасьөм бөрын Сенька эськө локтіс сы дорө вирөссьөм лапаөн. Милана эськө гартіс лапасө бинтөн да видзөдіс дзик эз тадзи, кыдзи öні...

– Тэ петкөдлан меным сійөс? – лөня юалис Милана, и Сенька эз на пырысь-пыр вежөрт, мый сійө абу саридзын, а Милана – абу карабвывса бурдөдысь.

– Кодөс сійөс?

– Пелыськайсö, кодöс тай рисуйтін. Сійö öд збыльвылас эм? Мый ськөд?

– Ладнö. Мунам. – Ручпи бергөдчис да веськөдчис пулань. Но Милана и ачыс гөгөрвоис, көні вермас лоны пелыськай, и уськөдчис водзвылас.

«Видзөдлам, мый сійö кутас вöчны, – шпыньмуніс ас кежас Сенька. – Кызди бара-й пусö вештас-а?»

Но Милана весиг эз инмөдчы лэбач дорö, а пырысьтөм-пыр кутіс кодйысьны пожөм мөдарсяньыс. Му шмакъяс лэбисны Сенькалань.

– Мый тутвидзан? – Милана бергөдчыліс. – Вай отсав!

Сенька копыртчис да пондіс кодйысьны. Лапаясыс öтырышъя инмалісны öта-мөд берданыс, и таысь ручпи ыркмунліс и чайтсис аслыс дзик бөбөн. Сійö кадысь кадö чөвтлывліс синсö чангыль ныр да бадь кор син вылө. И весиг быттьö эз тэрмась лэптыны лапасö гуранысь, медым Милана бара на инмөдчас.

Асья бушколыс быттьö нуöма Сенькаос и кольöма сы пыдди мөд ручпиос. Весиг абу ручпиос, а сямтөм кывзысьысь сільөпиос.

Милана виччысьтөг тувкнитіс сылы:

– Дугды, Сенька! Он мөй аддзы?

– Ме тэнö дойді? – повзис ручпи. И гусьöникөн чөвтлис синсö гыж вылас – абу-ö вывті кузь, гашкө, чашнитіс Миланаос.

– То пелыськайыс, видзөд – борд йылыс. Тэ муртса эн чашварт сылысь бордсö, а сійö и сідз нин доймöма.

Милана видзчысьөмөн небзьөдіс борд гөгөрсыйс мусö, а сэсса кыскис пелыськайос да пунктіс аслас ранецö.

– Кытчö тэ öні сійос? – юаліс Сенька.

– Гортö.

– Тэныд бать-мамыд оз тшөктыны.

– Чайтан, ме ог вермы найос пöрйөдлыны? – нюмсермуніс Милана, ньөжйөникөн лэптыштіс ранецö да мөдіс.

Ручпи видзөдіс бөрсяньыс да довкнитіс. Да, сійö вермас! Вермас лоны мудерөн, зумышөн и весиг скөрөн, кызди и мукөд ручыс, кор колö кодлыкө отсавны.

Милана муніс. А Сенька колльөдіс видзөдласнас. Сійö аддзис, кызди төв йылын летйысьö лэччөм бантыс. Öшйөм гөрд чолкаыс пырис синмас, а Милана весиг эз сувтовкерлы, мед лөсьöдышты юрсисö.

– Виччысьлы, Милана! – горөдіс Сенька. Суөдіс Миланаос, нетшыштіс пелыськая ранецö да мөдіс ачыс нуны. – О, сьökыд! Тайö тэныд абу пышкай.

Гырысь классъясын зон-ручьяс колльөдлісны нин ныв-ручьясöс и эз сетны ранецö бөр, кытчөдз найос оз оқыштыны. Сенька уськөдіс тайос дум вылас да шай-паймуніс.

– Кызд бара-й öтнадөн татшөм ыджыд лэбачсö көсйин кыскыны-а? – вежавидзтөг содтіс сійö. – Тэ жö пу ув вылын асьтö öтчыдысьсö öдва лэптан.

– Но и кыскы, көсьян кө, – шыгыртліс пельпомсö Милана. – Сөмын эн уськөд.

Пырмөсөдзыс воөм бөрын Сенька тувкнитіс Миланалы ранецö, чожа бергөдчис и муніс. Медым мөдыс нинөм сэтшөмсö эз удит мөвпыштыны.

Аслас пырмөсыс вөлі пөдса. Ручпи пондіс таркөдчыны өдзөсас.

– Коді сэні? – мамыс вештіс каличсö, мыччысис восьса өдзөсөд.

– Тэнад сільөпи, – нурбыльтіс Сенька. – Код ещö вермас лоны?

– Öдзөсыс зэв гораа клопкакылө вөлі, ме и вешті каличсö. А, Сеньö, тэ нö мыйла эн висьтав, сэтшөм ёна төвзысьöма вөлөм да?

Сенька тувкнитіс пырмөсö и пöрччысьтөг шняпкысис креслөö. Пеляс век на увгис төлыс. Кутшөма жö сійö муно радейтана пластинкаын буалысь саридз вылө! Ручпи кунис синсö да казяліс океан. Океан гыаліс, катлөдліс караб. А палуба вылын сулаліс Милана.

Лежнөг дзоридз рёма бантыс вөрөшитчис төв йылын. Милана бергөдіс ныр-вомсө сола резысь валань да шевкнитіс лапаяссө, тайкө лэбзяс. А сэсся босьтіс и пөрис лэбачө – посни пемыд чутось еджыд морөса руд лэбачө.

– Ч-р-чак-чак! – горөдіс Милана да качөдчис енэжө.

Сенька восьтіс синсө.

– Милана дзик абу пелыськай кодь, – броткыштіс сійө. Матыстчис рөмпөштан дорө да сюся видзөдліс ас вылас. Сійө эз на биась, и мыгөрыс вөлі пемыд, быттьө руалөма. Ичөт гөрд руч нисьө ыджыд руд пелыськай – он и гөгөрво. А медшөрыс – тайө синъяс. Найө вежсьөмаось, пелыськайлөн кодь лоөмаось.

Сенька лөня, медым мамыс эз кывлы, петіс жырьсыс да чепөсйис пырмөссьыс. Дерт, Милана төдө, кыдзи төждысьны лэбачьяс бөрся, но друг да оз вермы сытөг бурдөдны пелыськайөс. И сэки... сэки Сенька олөм чөжыс кутас мучитчыны?

Ручпилөн пырмөссянь неылын шыльквидзис гөрдвлөз чветьяса саридз. Тайө живокост. Сійө ёна дзоридзаліс, көть и кос му төлысь пом нин. Сенька кежис сэтчө, нетшкис сэтшөм уна гөрдвлөз дзоридз – мездорас өдва төрис.

«Кажитчө-ө Миланалы татшөм рөмыс? – вирдыштіс ручпилөн юрас. – И татшөм дзоридзыс?»

Живокостсө Сенька котөртөдіс Миланалөн пырмөс дорө. И кор тотшкөдчөм бөрас мыччысис руч ныр, таркөдіс-висьталіс:

– Тайө пелыськайлы. Татшөм турунсө поэю юны, сійө отсалө йитны чегөм лы. Тэ өд төдан?

– Төда, – шуис Милана. – Сөмын сы могысь вужыс колө, а тэ сійөс буретш абу и вайөмыд. Пыр.

Сійө петкөдліс Сенькалы, кытчө прөйдитны, а ачыс муніс заваритны дзоридз корсө.

Ручпи йөткыштіс өдзөссө, пырис жырьяс. И казяліс ассьыс серпассө стенись, өктөма посни торьясысь да лемалөма. Сэсся аддзис лөньөм пелыськайөс, коді букуштчөмөн кыйөдчис Сенька бөрся. Борд да вундыштөм бөж дорас вөлі көрталөма пурорьяс.

Жырьө пырис Милана лапаас кружкаөн. Гөрд чолка вылас бант пыдди пысасьөма гөрдвлөз дзоридз. Чветыс мыччасис пашкыр гөнсьыс, быттьө сильөпи аслас позйысь, и та вылө Сенькалы окота вөлі видзөдны помтөг. Милана пуксис пелыськай дорө, пондіс ньөжйөникөн юктөдны.

«Кор помала школа, – мөвпыштіс Сенька, – муна миян вөрысь. Көсья лоны морякөн. Тэ көсьян мунны мекөд?»

– Көсья, – юрсө лэптывтөг вочавидзис Милана.

И сэки Сенька гөгөрвоис, мый висьтавьсьөма гораа. И мый морөс кудсьыс пелыськайыс лэбис.

Комиөдіс Алёна Шомысова.

ЕЛЕНА ОСТАПОВА:

«МЕ СЭК ЭГ НА ПОВ ДУДАОС ВОРСНЫ...»

Елена Остапова – Удора районса Йӱртымдін сиктын чужлӱм ань, но ӱні олӱ Краснодар крайса Ленинградская станицаын. Гортас сійӱс тӱдӱны кыдзи зӱв зиль медсестраӱс, водзмӱстчысь, уна концертӱ, спектакльӱ, конкурс-фестивальӱ пырӱдчысь аньӱс. Елена вермас и сцена вылын сьывны-йӱктыны, и лызьӱн котӱртны-ордйысьны, и видеоблог вӱчны. Но нӱшта унджыкӱн тӱдмалісны сы йылысь, кор Елена снимайтчис коми гижысь Елена Афанасьевалӱн небӱгъяс серти дасьтӱм фильмъясын («Дуда Платтьӱа. Хозяйка лесных ягод», «Тӱвся Дуда. Зимняя Дуда»).

– Елена, ті чужинныд Йӱртымдін сиктын? Кутшӱм тіян матысса йӱз сӱні олӱны?

– Да, ме чужи Йӱртымдінын. Сійӱ меным зӱв дона. Быд вежон, кор олім Благоевын, шойччан луњясӱ ветлывлім семьякӱд Йӱртымдінӱ, муса мам-бать ордӱ.

– Мыйӱн Йӱртымдін шензьӱдӱ гӱсьтъясӱс? Мый эськӱ бокысь волысьяслы петкӱдлінныд?

– Ме весиг ог вермы висьтавны, мыйӱнджык кыскӱ йӱзсӱ менам чужан сиктӱй. Йӱртымдін шӱрын эм югыд еджыд вичко, кодӱс ми сиктсаяскӱд дӱзьӱритам. Сикт пӱлӱн кывтӱ дона Вуным. Эм керка-паракод, кодӱс лӱптывлӱма Леопольд Дмитриевич Пантелеев. Неважӱн Йӱртымдінын муніс сизимӱд этнографическӱй фестиваль – «Кытшъяс». Воліс уна гӱсьт, вӱліны лыжиӱн

да лызьӱн ордйысьӱмъяс, мастер-класъяс, выставкаяс, а сідзжӱ «литературнӱй огонӱк», кӱні позис видзӱдны йӱзкостса спектакль («Ты привӱз, комонь, гордену»), кывзыны Архангельск обласьтысь сьылысьясӱс («Кеврольские женки») да коми гижысьясӱс.

– Висьтыштӱй, кыдзи тіянлы вӱзйисны снимайтчыны «Дуда» фильмын?

– Менам мамкӱд, Галина Владимировна Матвеевакӱд, Йӱртымдінса библиотекаын уджалӱ Елена Генриховна Будрина. Кор Йӱртымдінын шуисны снимайтны «Дуда Платтьӱа» мойд серти фильм и корсисны ворсысьясӱс, Елена Генриховна вӱзйис Полина нылӱс, а сӱсса и менӱ. Миянлысь фотояс мӱдӱдісны режиссӱрлы – Олег Николаевич Павловлы Челябинскӱ, а сійӱ вынсьӱдіс миянӱс Ёля да Дуда рольяс вылӱ. Меным сӱки вӱлі зӱв нимкодъ!

Ву вывтi вөр керкаö кылöдчöны: Елена Остапова (Дуда Платтьöа), Полина Остапова (Ёля) да Яся Синельникова (Шора). Нуöдö найöс Владимир Остапов, Йөртымдiнса олысь.

– Эз вöв полöм, мый лоö сьöкыд ворсны вöрса лолöс – Дудаöс?

– Ме сэк эг на пов Дудаöс ворсны. Сöмын бөрти нин гөгөрвои, мый сылөн эм ыджыд вын и колö видзчысьны сыысь.

– Кöни мунiс съёмка? Вöлины-ö сэни мистическöй лоöмторъяс?

– Медводз съёмкаыс мунiс Ву дорын. Сэссия нывкаясöс нуöдiсны нюрö. Дерт, налы вöли сьöкыдкодь, буретш зэв номйöсь гожся тöлысьö веськалiс да. Но найö молодечья!

Кык вөр керкаын фильмсö снимайтiсны. Öтарас – пытшкöссияныс, мöдарас – ортсысяныс. И сэтөн лоис шензьöдана здук... Нывкаяс, Елена Евгеньевна, Николай (оператор) да Олег Николаевич буретш уджалiсны керка пытшкас, кор тай öдзöсыс пöдлассис и Шора да Ёля йөрмисны, сэсся унмовсисны. А ме ывласяныыс кутi кыйявны öшиньöдыс, мый найö сэни вöчöны (ачым мырпом рöма парика да платтьöа). Елена Евгеньевна зэв ёна чуймöма, думыштöма, мый и збыль Дуда видзöдö.

– Дудалөн, босьтны кö книга серти, зэв аслыспөлöс этш, радейтö тешитчыны нывкаяс вылын, дурыштны. А фильм снимайтiгөн ставыс-ö мунiс шылъыда?

– Эз. Режиссёрлы кажитчис Веньдiн грезд, и сэни снимайтiсны сценаяс, кор нывъяс мунöны вотöсла. Но таöдз ковмис бөр косавны Йөртымдiнö, сы вöсна мый кольсьöма сэтчö нывкаяслөн набереушка-ясыс да Шоралөн сапöгыс. Со кызди Дуда ворсöдчис миянкöд.

А вöли нöшта со мый. Меным колi сунны юö, та водзын кули зарни чунькытшъясöс, пернаöс. Рытнас нин дум вылö усины. Кöсийи бөр пасьтавны: чунькытшъяс эмöсь, а перна вошöма. Некымын лун корсим, но сiдз эг и аддзöй. Дудалысь корлi – эз жö сет.

Вöли и повзьöдана лоöмтор. Фильмас медводдза кадрыс заводитчö войнас. И кор сiйöс снимайтiсны, вöлины зэв мича здукъяс, гөвкъялiс ру, а ме пышъялi видз вывтi. Кор нин мöдöдчим гортö, паныдалiм ошкöс. Весьöпөрлiм весиг. Бара Дуда кимöститчис.

– Вёлөма пö коркö Удораын сэтшöм грезд – Дуда. Верманныд-ö мыйкö висьтавны сы йылысь?

– «Дуда Платтьöа» фильм снимайтöм бöрын меным сюри «Виль туйöд» газетысь нейджыд гижöд, и сэнi казътышöма Дуда грезд. Меным окота лои бурджыка тöдмавны тайö грезд йивсьыс, и кутi корсьны кöть кутшöмкö содтöд юöр. Ми верöскöд сölим машинаö да ветлим Вачöртыдiн сиктö, кöни кодкö вермис на мыйкö тöдны Дуда йылысь. Аддзи пöчöс. Сийö шуис, мый тайö ичöтик грездыс важöн нин абу. Тайö пöчыслы висьтавлöмаöсь бать-мамыс, Дi сикт дорын пö овмöдчылöмаöсь кыккуим Борисов котыр и местасö шуöмаöсь Дудаөн.

– Öнi тi оланныд Краснодар крайын. Кыдзи смелмöдчинныд мунны асланыд сиктысь лунвылö? Мыйöн сэнi олöмыс торъялö татчöсысь?

– Да, ми öнi олам зэв ылын ас бать-мам дорысь. Лунвылö вуджны шуöмыс сетчис сьöкыда. Но ми öнi надзöникöн велалам. Медся ыджыд торъялöмыс сыын, мый танi абу лымйыс. Челядьöй виччысьöны-виччысьöны... Кöсийöны лымйöн ворсны, вальмасьыштны, лыжиöн иславны. Но тайö вермас лоны сöмын сэк, кор волам гортö, Коми муö. Быд бать-мам кöсийö унджык сетны челядьлы (образование, спортивной вермöмъяс, путешествуйтöм). А коми сиктьясын тайö абу. Ме думайта тадзи. Жаль, дерт, но олöмыс öнi сэтшöм.

– Мый эськö сиинныд коми сиктьясын олысь том йöзлы? Кутшöм нырвизьын позьö налы водзмöстчыны?

– Сиктса том йöзлы сиа радейтны быд здук, öд найö олöны чужанiнын, ас вöрвакöд орччөн. И налөн эм позянлун юасьны пöль-пöчныслысь, кыдзи водзтi олісны-вылісны, ставсö гижны, весиг вöчны роликъяс, мед бöрти кольны аслад челядьлы. Нöшта сиа том йöзлы видзны важ керкаяс, вичкояс. Тайö медся донаторйыс.

Сёрнитiс Алёна Шомысова.

Полина Остапова (Благовое посёлок) да Яся Синельникова (Челябинск кар).

Войнас ветлим снимайтны туман: Е. Е. Афанасьева, «Дуда Платтьöаöс» гижысьыс, А. Р. Ванеева, фильмлөн директор, О. Н. Павлов, кинорежиссёр, Е. Г. Ванеев, режиссёрлөн вывтi бур отсасьысь.

АРТ

www.artlad.ru
2023

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал
Республики Коми

Издаётся с 1997 года
на двух языках: коми и русском
Здесь вы найдёте всё о науке, культуре,
литературе, истории и общественной
жизни Республики Коми

Присоединяйтесь к увлекательному чтению!

**ЭЛЕКТРОННАЯ
ПОДПИСКА**

**Оплатить стоимость
электронной подписки
можно одним из следующих способов:**

1. в кассе редакции журнала «Арт»:
г. Сыктывкар, ул.К. Маркса, д. 229, каб. 136, Дом печати
2. посредством онлайн переводов: необходимые данные (наши банковские реквизиты) ниже.

При оформлении электронной подписки необходимо указать следующую информацию: количество комплектов, электронный адрес, на который оформляется подписка, Ф.И.О. подписчика и контактный номер телефона (для связи)

Выслать на следующий электронный адрес: artkomi@mail.ru сообщение примерно следующего содержания: ЭП «Арт»-2023, primer@mail.ru и приложить копию квитанции об оплате.

Реквизиты:

ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042 отделение Сбербанка России № 8617 БИК 048702640 к/с 30101810400000000640

**Стоимость годовой подписки
на журнал «Арт» - 400 рублей.**

По вопросам и предложениям
звоните по следующему номеру:
8 (8212) 20-14-99

ART ART

<http://www.artlad.ru/>

Подписной индекс: П4453

ART ART